

eISSN 2713-3133

Сюжетология И сюжетография

2024 № 3

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

СЮЖЕТОЛОГИЯ И СЮЖЕТОГРАФИЯ

2024. № 3

Научный журнал
Основан в 2013 году. Периодичность – 4 раза в год
Выходит на русском языке

Редакционная коллегия

доктор филологических наук *Е. В. Капинос* (ИФЛ СО РАН) –
главный редактор
доктор филологических наук *Е. Ю. Куликова* (ИФЛ СО РАН) –
ответственный редактор

кандидат филологических наук *И. Е. Лоцилов* (ИФЛ СО РАН)
кандидат филологических наук *Л. А. Курьшева* (ИФЛ СО РАН)
доктор филологических наук *Е. Н. Проскурина* (ИФЛ СО РАН)

член-корреспондент РАН, доктор филологических наук
И. В. Силантьев (ИФЛ СО РАН)

доктор филологических наук *Л. П. Якимова* (ИФЛ СО РАН)
член-корреспондент РАН, доктор филологических наук
В. Е. Багно (ИРЛИ РАН)

доктор филологических наук, профессор *К. Ичин*
(Белградский университет, Сербия)

член-корреспондент РАН, доктор филологических наук
Н. В. Корниенко (ИМЛИ РАН)

доктор филологических наук *В. И. Тюпа* (РГГУ)

доктор филологических наук *Ю. В. Шатин* (НГПУ)

кандидат филологических наук, профессор *М. Яхьяпур*
(Тегеранский университет, Иран)

Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
zhurnal.syuzhet@yandex.ru

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство Эл № ФС77-84792 от 17 февраля 2023 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Теория сюжета

- Шатин Ю. В.* (Новосибирск)
Имплицитный мотив и его роль в сюжетике А. С. Пушкина 5

Сюжет в литературе и фольклоре

- Ойроткинова Н. Р.* (Новосибирск)
Сюжеты и мотивы алтайских мифов о 12-летнем животном календаре 14
- Курьшева Л. А.* (Новосибирск)
Гистория о девице Ляцыоне: сюжетно-мотивный состав повести в контексте русской беллетристики XVII–XVIII веков 27
- Фэн Ишань* (Чанчунь)
Образ родины в творчестве Сяо Хун (на материале романа «Сказание о реке Хулань») 52
- Тулушева Е. С.* (Москва)
Семенова Т. А. (Москва, Пенза)
Пелевинский интертекст в зеркале читательской рецепции 66

Сюжеты и судьбы

- Соболев А. Л.* (Москва)
Русский модернизм и цензура: заметки к теме. Статья вторая 78

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2024. № 3

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2024, no. 3

CONTENTS

The Theory of a Plot

- Shatin Yu. V.* (Novosibirsk)
Implicit Motive and Its Role in the Plot of A. S. Pushkin 5

The Plot in Literature and Folklore

- Oinotkinova N. R.* (Novosibirsk)
Plots and Motives of Altai Myths about the 12-year Animal Calendar 14
- Kuryshcheva L. A.* (Novosibirsk)
The Story of the Maiden Laciona: Plot and Motif Composition of the Handwritten Tale in the Context of Russian Fiction of the 17th – 18th Centuries 27
- Feng Yishan* (Changchun)
The Image of the Motherland in the Works of Xiao Hong (Based on the Material of the Novel “The Tale of the Hulan River”) 52
- Tulusheva E. S.* (Moscow)
Semenova T. A. (Moscow, Penza)
Pelevin’s Intertext in the Mirror of the Reader’s Reception 66

Plots and Destinies

- Sobolev A.* (Moscow)
Russian Modernism and Censorship: Notes on the Topic. Article two 78

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2024. № 3

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2024, no. 3

Теория сюжета

Научная статья

УДК 821. 1611

DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-5-13

Имплицитный мотив и его роль в сюжетике А. С. Пушкина

Юрий Васильевич Шатин

Новосибирский государственный педагогический университет

Новосибирск, Россия

Институт филологии

Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Россия

shatin08@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2725-2836>

Аннотация

Рассматривается понятие имплицитного мотива. Автор статьи полагает, что его специфика заключается в том, что он не проявляет себя в сюжете и не оказывает прямого воздействия на развитие действия. Его предназначение в другом: соединять далеко отстоящие друг от друга тексты в сверхтекстовые единства, организующие авторскую модель мира. На примере трех произведений А. С. Пушкина – «Моя родословная», «Езерский» и «Медный всадник» – показывается, как имплицитный мотив родословной создает такое единство.

Ключевые слова

имплицитный мотив, сверхтекстовое единство, Пушкин, родословная

Для цитирования

Шатин Ю. В. Имплицитный мотив и его роль в сюжетике А. С. Пушкина // Сюжетология и сюжетография. 2024. № 3. С. 5–13. DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-5-13

Implicit Motive and Its Role in the Plot of A. S. Pushkin

Yurii V. Shatin

Novosibirsk State Pedagogical University

Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philology

of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Novosibirsk, Russian Federation

shatin08@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2725-2836>

Abstract

The article examines the concept of implicit motive. Its specificity lies in the fact that it does not actively manifest itself in the plot and does not directly influence the development of the

© Шатин Ю. В., 2024

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2024. № 3. С. 5–13

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2024, no. 3, pp. 5–13

action. Its purpose is different: to connect texts that are far apart from each other into super-textual unites, organizing the author's model of the world. Using the example of three works by A. S. Pushkin – “My Pedigree”, “Yezerky” and “Bronze Horseman” show how ancestry motive creates such unity. “My Pedigree”, written three years before the other two texts, reflected Pushkin's dual position: an impoverished aristocrat among poets and a poet among the wealthy nobility. Thus, the poem turned out to be a rhetorical invective directed at two addressees: against the literary party of Bulgarin, on the one hand, and against the new nobility, on another. In the first case, Pushkin's victory was unequivocal and consolidated the poet's fame for centuries. It was more difficult with another addressee: the nobility, very far from the literary struggle and who continued to look at Pushkin with considering disdain. A reflection of continuing duality was the poet's rejection of direct rhetoric and the transition to poetics, where the autobiographical motive of ancestry was transformed into fate of fictional characters: first Andrey Yezerky, then Eugene from “The Bronze Horseman”. Such a transition, in our opinion, gives grounds to consider the three works as a single super text.

Keywords

implicit motive, super text, Pushkin, ancestry

For citation

Shatin Yu. V. Implicit Motive and Its Role in the Plot of A. S. Pushkin. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis], 2024, no. 3, pp. 5–13. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-5-13

Ах, королева, – игриво трещал Коровьев, – вопросы крови – самые сложные вопросы в мире <...> Я ничуть не погрешу, если, говоря об этом, умолчу о причудливо тасуемой колоде карт. Есть вещи, в которых совершенно недействительны ни сословные перегородки, ни границы между государствами. Намекну: одна из французских королев, жившая в шестнадцатом веке, надо полагать, очень изумилась бы, если бы кто-нибудь сказал ей, что ее прелестную прапраправнучку я по прошествию многих лет буду вести под руку в Москве по бальным залам (Булгаков, 1999, с. 387).

В этом эпизоде устами Коровьева Булгаков манифестирует один из парадоксальных мотивов, во многом меняющих представление о художественных потенциях литературного сюжета, его функциях, статусе персонажей и, в итоге, о законах текстопорождения. Как известно, традиционная парадигма включает семь основных типов актантов: отправитель, герой, ложный герой, вредитель, даритель, волшебное средство, искомое средство. Несмотря на то что В. Я. Пропп, впервые предложивший эту схему, жестко ограничил ее жанром волшебной сказки, последующее развитие сюжетологии распространило ее на практически неограниченное число текстов и жанров. Как показал К. Бремон, «с неизбежностью возникает вопрос о возможности перенесения метода Проппа на иные корпусы сказочных текстов и даже на иные жанры» [Бремон, 1983, с. 431].

Для придания схеме Проппа универсализма, о котором пишет Бремон, требуется, на наш взгляд, важное дополнение в существующую теорию сюжета и мотива. В написанной около ста лет назад «Теории литературы» Б. В. Томашевский разделил мотивы на две группы. «При простом пересказе фабулы произведения мы сразу обнаруживаем, что можно опустить, не разрушая связности повествования, и чего опустить нельзя, не нарушив причинной связи между событиями. Мотивы, не исключаемые, называются связными; мотивы, которые можно устранять, не нарушая цельности причинно-временного хода событий, называются свобод-

ными» [Томашевский, 1996, с. 183]. В свою очередь, мы полагаем, что наряду с оппозицией «связность vs свобода» важную роль играет другое противопоставление: «эксплицитность vs имPLICITность».

Если все эксплицитные мотивы так или иначе связаны с парадигмой Проппа – Бремона, то имPLICITные глубоко укорены в структуру текста, хотя зачастую и не обнаруживаются в процессе чтения в рамках отдельно взятого текста. Их функция совершенно другая и заключается в установлении межтекстовых связей и создании в результате сверхтекстовых единств. В сущности, имPLICITные мотивы не являются ни связными, поскольку их нельзя обнаружить в отдельных звеньях фабулы, ни свободными, поскольку, исключив их из круга рассмотрения, мы резко ограничиваем потенциальный художественный смысл произведения. Метафорически такие мотивы можно уподобить трансурановым элементам в периодической системе Менделеева. С одной стороны, они выходят за рамки обозначенных групп, с другой – именно способ их существования обуславливает более сложную картину мира в сравнении с той, что представлялась при создании таблицы.

Как пример такого мотива мы будем рассматривать мотив родословной. ИмPLICITный мотив родословной противоположен внешне близкому ему эксплицитному мотиву узнаваемого родства, знакомому по многим текстам («Оливер Твист», «Собор парижской Богоматери», «Униженные и оскорбленные» и ряду других образований, включая сериалы индийского кино). Будучи эксплицитным, такой мотив решающим образом определяет фабулу, придавая ей неизбежный детективно-авантурный оттенок. ИмPLICITный мотив, напротив, не обнаруживается в поверхностной структуре текста и напоминает ловко тасуемую колоду карт, о которой Коровьев говорит Маргарите. Оказавшись за пределами фабулы, имPLICITный мотив обретает гипертекстуальный статус, позволяя, как уже говорилось, связывать далеко отстоящие тексты одного автора в единый сверхтекст. Говоря о родословной, мы попытаемся рассмотреть три текста А. С. Пушкина – «Моя родословная» (1830), «Езерский» (1832, 9 строф из 15 которого были напечатаны в III томе «Современника» за 1836 г. под названием «Родословная моего героя») и «Медный всадник». Напомним, что в первом случае действующим лицом оказывается сам автор, во втором – Иван Езерский, в третьем – Евгений, задающий галерею маленьких людей в русской литературе. Мы попытаемся показать, что вопреки различиям, но благодаря мотиву родословной все три актанта оказываются вариациями одного и того же типа, отразившего процесс люмпенизации родовой аристократии, теряющей свой социальный статус перед наступающим олигархическим капиталом.

Среди приемов, объединяющих фигуры персонажей в один художественный тип, следует прежде всего отметить осцилляцию – колебание маятника текста между фабульным величием и сюжетной иронией. Вполне вероятно, что подобная осцилляция была характерна и для других текстов, являясь не только одним из основных признаков поэтики Пушкина, но и моделью литературного поведения поэта. Недаром, как утверждают исследователи, буквально по следам трагических событий, связанных с наводнением, «...в письмах конца 1824 года из Михайловского брат поэта, Лев Сергеевич, дважды встретил остроту, предназначенную для дальнейшего хождения: “Voilà une belle occasion à vos dames de faire bidet”» [Осповат, Тименчик, 1987, с. 7].

Вместе с тем с течением времени подобная осцилляция приобретала всё более драматический характер с отчетливыми признаками трагифарса. И в этом преобразовании, весьма вероятно, мотив родословной сыграл важную роль. Неслучайно его появление относится к началу 1830-х гг., когда Пушкиным явственно обнаружился разрыв между необходимостью самодостаточности роли поэта и усиливающейся коммерциализацией литературного процесса. Недаром четверть века спустя мотив денег приобретет едва ли не самое существенное значение в прозе Достоевского и поэзии Некрасова. В этой ситуации Пушкин в среде своих братьев по литературному цеху всё больше рассматривался как инородное тело: аристократ среди поэтов и поэт среди аристократов. Пожалуй, наиболее точно эту ситуацию описал в «Дневнике» А. В. Никитенко буквально за несколько дней до трагической гибели поэта 21 января 1837 г. Пушкин «...стался большим аристократом. Как обидно, что так мало ценит себя как человека и поэта и стучится в один замкнутый кружок общества, тогда как мог бы безраздельно царить над всем обществом. Он хочет прежде всего быть баринком, но ведь барин у нас тот, у кого больше дохода. К нему так не идет этот жеманный тон, эта утонченная спесь в обращении, которую завтра же может безвозвратно сбить опала» (Никитенко, 1955, с. 193).

Именно мотив аристократа – без доходов, с одной стороны, и злые насмешки, исходящие из круга Ф. В. Булгарина, с другой, обусловили внутренне болезненный интерес к мотиву родословной, сначала в автобиографическом варианте – «Моя родословная» (1830), а затем в глубоко скрытом виде в «Родословной моего героя» («Езерском», 1832–1833) и «Медном всаднике» и открыли тем самым дорогу к сверхтекстовому единству указанных произведений.

«Моя родословная» – произведение прежде всего риторическое. В нем трудно обнаружить мастерскую отделку, свойственную большинству поэтических образцов Пушкина. Назначение «Моей родословной» в другом: очертить контуры будущих преобразований мотива родословной, задать старт этому сверхтекстовому единству. Отсюда – абсолютное преобладание риторических фигур над поэтическими тропами.

Композиция пушкинского произведения также подчинена классической схеме Аристотеля, когда зерном развития темы становится энтимема, подкрепляемая серией примеров.

Понятна мне времен превратность,
Не прекословлю, право, ей:
У нас нова рожденьем знатность,
И чем новее, тем знатней.
Родов дряхлеющих обломки
(И по несчастью не один),
Бояр старинных я потомок:
Я, братцы, мелкий мещанин!
(Пушкин, 1977, т. 3, с. 197)

Последний стих строфы взрывает привычную для большинства энтимем доксу, придавая последующему изложению парадоксальный характер. Причем для обострения парадоксальности примеров Пушкин использует фигуру антистредона, обращая возможную аргументацию оппонентов в свою пользу. Точ-

ность примеров усиливает благодаря узнаванию резкость выпадов против новой знати.

Не торговал мой дед блинами (А. Д. Меншиков. – *Ю. Ш.*),
В князя не прыгал из хохлов (А. А. Безбородко. – *Ю. Ш.*),
Не пел с придворными дьячками (А. Г. Разумовский. – *Ю. Ш.*),
Не ваксил царских сапогов (И. П. Кутайсов. – *Ю. Ш.*)
(Пушкин, 1977, т. 3, с. 197).

Полюс иронии усиливает риторический эффект стихотворения при движении маятника в противоположную сторону – торжественного одического высказывания.

Мой прадед Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчанной
Иван Четвертый пощадил
(Пушкин, 1977, т. 3, с. 197).

И, наконец, *Post scriptum*, носящий характер возвратного удара, направленного против Булгарина, где возникает образ Петра, принявшего в русское подданство еще одного предка Пушкина.

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двинулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля
(Пушкин, 1977, т. 3, с. 199).

Несомненно, «Моя родословная» 1830 г. открывает путь к двум следующим произведениям Пушкина – «Езерскому» и «Медному всаднику». Какова же роль мотива родословной в этом произведении с учетом последующей перспективы? В «Моей родословной» мотив, вынесенный в заглавие, оказывается ведущим и в этом смысле эксплицитным. Однако не следует забывать, что его действие целиком находится в сфере риторики, не захватывая поэтику. Поверхностная структура мотива родословной оказывается в данном случае своеобразной дуэлью, одновременно адресованной двум совершенно разным адресатам: литературной партии, которая, «смеясь жестоко над собратом, / писаки русские толпой / меня зовут аристократом», и партии новой олигархической знати. В первом случае Пушкин однозначно вышел победителем, на века обозначив дистанцию между собой и соперниками. Но оставался второй адресат, мало озабоченный литературной борьбой, но не желавший видеть в обедневшем роде Пушкиных равных себе.

Я грамотей и стихотворец,
Я просто Пушкин, не Мусин,
Я не богач, не царедворец,
Я сам большой, я мещанин
(Пушкин, 1977, т. 3, с. 198).

Можно лишь догадываться, в какой степени эта постоянно заглушаемая боль терзала Пушкина – поэта и человека. Несомненно одно: она настойчиво диктовала

тому, где родословная, глубоко скрытая за другими, эксплицированными, мотивами, реализовывала скрытый художественный сюжет.

Зимой 1832–1833 гг. Пушкин начинает работать над «Езерским». Историками литературы неоднократно отмечалась внутренняя связь «Езерского» с «Медным всадником». «Замысел “Езерского”, написанного онегинской строфой, обещал “новый роман в стихах”: в начале (в первых вариантах) со светским героем (Зориным или Волиным), который быстро снижается под пером поэта до мелкого чиновника Езерского. Но с таким героем роман в стихах был, по-видимому, для Пушкина невозможен и оборачивался “петербургской повестью”. Метаморфозе героя принадлежала, таким образом, активная роль в возникновении “Медного всадника”» [Сурат, Бочаров, 2002, с. 153]. Полностью соглашаясь с основным тезисом исследователей, хотелось бы указать и на другую связь – с «Моей родословной». Та же тема родословной, несомненно, восходящая к варяжским князьям, пронизывает текст.

Начнем ab ovo: мой Езерский
Происходил от тех вождей,
Чей в древни веки парус дерзкий
Поработил брега морей
(Пушкин, 1977, т. 4, с. 245).

Та же затаенная боль.

Мне жаль, что тех родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух;
Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух,
Что их поносит шут Фиглярин
(Пушкин, 1977, т. 4, с. 248).

И на этом фоне характеристика героя.

Я в том стою – имел я право
Избрать соседа моего
В герои повести смиренной,
Хоть человек он не военный,
Не второклассный Дон Жуан,
Не демон – даже не цыган,
А просто гражданин столичный,
Ни по лицу, ни по уму
От нашей братьи не отличный.
Довольно смирный и простой,
А впрочем – малый деловой
(Пушкин, 1977, т. 4, с. 250–251).

Показательно, что, вводя героя, поэт заранее стирает возможность типовой литературной маски (военный, Дон Жуан, демон, цыган), низводит Андрея Езерского до коллежского регистратора (как «Коллежский регистратор / Почтовой станции диктатор» у П. А. Вяземского). Сопоставив три произведения, легко увидеть, что Езерский занимает промежуточное положение между героем «Моей родословной» и будущим Евгением из «Медного всадника», имя которого, связанное с родословной

...в минувши времена
Оно, быть может, и блистало,
И под пером Карамзина
В родных преданьях прозвучало;
Но ныне светом и молвой
Оно забыто. Наш герой
Живет в Коломне, где-то служит...
(Пушкин, 1977, т. 4, с. 277)

В трех произведениях связь между Пушкиным, Езерским и Евгением никак не подчеркивается, да в реальности ее и не могло существовать: разница между коллежским регистратором и камер-юнкером была весьма осязаемой, но, кроме разницы, существовала симметрия: вращаясь в кругу придворной знати, Пушкин не мог не ощущать некоторой аналогии. И эта аналогия, глубоко запрятанная благодаря имплицитному мотиву родословной, позволяет увидеть сквозь фавулу «Медного всадника» новые грани сюжета.

Созданный в 1833 г. «Медный всадник» породил несколько во многом противоположных интерпретаций, число которых с течением лет увеличивалось. В статье «Колеблемый треножник», основой которой стала знаменитая речь, В. Ф. Ходасевич выделил восемь возможных истолкований:

Трагедия национальная: столкновение петровского самодержавия с исконным свободолюбием массы.

Бунт Евгения как протест личности против государственного принуждения вообще.

Петербург – окно в Европу. Трагедия Евгения как отражение проблемы «Европа и мы».

Столкновение человека с темными потусторонними силами, как в «Пиковой даме», в «Уединенном домике на Васильевском», в «Каменном госте».

Ответ на польские события 1831 года. Бунт Евгения – мятеж Польши против России.

Блистательная поэтическая полемика с Мицкевичем.

Чудесное изображение Петербурга, то благоденствующего, то всплывающего, «как Тритон».

Бесхитростная повесть о разбитых любовных надеждах маленького человека [Ходасевич, 1921, с. 31–32].

Позже, в конце 1920-х гг., Д. Д. Благой увидел в «Медном всаднике» зашифрованную картину декабристского восстания, вскоре к гипотезе Благого присоединился Андрей Белый, попытавшийся в «Ритме как диалектике» (1929) ритмологически обосновать указанную гипотезу. Легко, однако, заметить, что все версии исходят либо из мотивов, лежащих на поверхности сюжета, либо привносимых из оснований, лежащих за пределами текста.

Рискнем предположить, что имплицитный мотив родословной, глубоко спрятанный в тексте, добавляет к уже имеющимся совершенно новую интерпретацию сюжета. В спокойном течении жизни до наводнения Евгений «не тужит / Ни о почившей родне, / Ни о забытой старине». Наводнение меняет строй личности героя. «Евгений вздрогнул. Прояснились / В нем страшно мысли» (Пушкин, 1977, т. 4, с. 285). Вполне вероятно, что в высшей точке напряжения душевных сил, предшествующих безумию героя, в нем пробудилась родовая память, и он понял, что при ином раскладе весь ход истории был бы другим. В таком случае

бунт Евгения оказывается не столько бунтом маленького человека, сколько бунтом героя, воскресившего свою родословную и прозревшего, что благодаря табуемой колоде карт именно его предки могли оказаться на месте Романовых. Но история оказалась сильнее родословной, а финал героя – ужасен. «Не дай мне Бог сойти с ума», – скажет поэт.

Таким образом, обращение к имплицитным мотивам, скрытым в тексте за серией экспликаций, может оказаться весьма полезным для более глубокого постижения смысла произведения. Поэт пишет тексты, но мыслит он не отдельно взятыми текстами, а потоками ассоциаций, которые имеют особую логику. Это логика стремительно выходит за пределы текста и формирует сверхтекстовые единства, становясь в конце концов моделью авторского мира.

Список литературы

Бремон К. Структурное изучение повествовательных текстов после В. Я. Проппа / Пер. с фр. Г. К. Косикова // Семиотика / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 429–436.

Осповат А. Л., Тименчик Р. Д. «Печальную повесть сохранить...»: об авторе и читателях «Медного всадника». М.: Книга, 1987. 303 с.

Сурат И., Бочаров С. Пушкин: краткий очерк жизни и творчества. М.: ЯСК, 2002. 236 с.

Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие. М.: Аспект-Пресс, 1996. 333 с.

Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник // Пушкин. Достоевский. Пг.: Изд. Дома Литераторов, 1921. С. 29–45.

Список источников

Булгаков М. А. Собр. соч.: В 10 т. М.: Голос, 1999. Т. 9. Мастер и Маргарита. 608 с.

Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Л.: Гослитиздат, 1955. Т. 1: 1826–1857. 543 с.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.

References

Bremon K. Strukturnoe izuchenie povestvovatel'nykh tekstov posle V. Ya. Proppa. Transl. from French by G. K. Kosikova. In: Stepanov Yu. S. (ed.). Semiotika [Semiotics]. Moscow, Raduga Publ., 1983, pp. 429–436. (in Russ.)

Khodasevich V. F. Koleblemyi trenochnik. In: Pushkin. Dostoevsky [Pushkin. Dostoevsky]. Petrograd, Izdanie Doma Literatorov, 1921, pp. 29–45. (in Russ.)

Ospovat A. L., Timenchik R. D. “Pechal'nu povest' sohranit'...”: ob avtore i chitatel'yakh “Mednogo vsadnika” [“To Preserve the Sad Tale...”: About the Author and Readers of “The Bronze Horseman”]. Moscow, Kniga Publ., 1987, 303 p. (in Russ.)

Surat I., Bocharov S. Pushkin: Kratkii ocherk zhizni i tvorchestva [Pushkin: A Brief Essay on His Life and Work]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002, 236 p. (in Russ.)

Шатин Ю. В. ИмPLICITный мотив и его роль в сюжетике А. С. Пушкина

Tomashevsky B. V. Teoriya literatury. Poetika [Theory of Literature. Poetics]. A Textbook. Moscow, Aspekt-Press, 1996, 333 p. (in Russ.)

List of Sources

Bulgakov M. A. Collected Works. In 10 vols. Moscow, Golos Publ., 1999, vol. 9: Master i Margarita [Master and Margarita], 608 p. (in Russ.)

Nikitenko A. V. Dnevnik [Diary]. In 3 vols. Leningrad, Goslitizdat, 1955, vol. 1: 1826–1857, 543 p. (in Russ.)

Pushkin A. S. Collected Works. In 10 vols. Leningrad, Nauka, 1977–1979. (in Russ.)

Информация об авторе

Юрий Васильевич Шатин, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Yurii V. Shatin, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 02.06.2024;
одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 15.07.2024
The article was submitted on 02.06.2024;
approved after reviewing on 15.07.2024; accepted for publication on 15.07.2024*

Сюжет в литературе и фольклоре

Научная статья

УДК 398.222: 821.512.1

DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-14-26

Сюжеты и мотивы алтайских мифов о 12-летнем животном календаре

Надежда Романовна Ойноткинова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

sibfolklore@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-7085>

Аннотация

Цель статьи – выявление сюжетно-мотивных особенностей алтайских этиологических мифов о появлении 12-летнего восточного календаря. Анализ историографии по проблеме возникновения этого животного цикла позволило автору прийти к мнению о существовании животного календаря у тюркских народов в далеком прошлом. На материале повествовательного фольклора алтайцев рассмотрены сюжеты и мотивы о появлении 12-летнего животного календаря. Основным методом исследования является сюжетно-мотивный анализ текста. Новизна исследования заключается в выявлении сюжетов и особенностей персонажей мифов о 12-летнем календарном цикле. Присутствующие в календаре животные – дракон, тигр и обезьяна – свидетельствуют о влиянии мифологии других восточных народов. Результаты сравнительно-сопоставительного анализа алтайских мифов о 12-летнем животном календаре с мифами казахов, монголов и китайцев показал различие в главных персонажах: у алтайцев творцом календаря является божество Кудай (варианты теонима: Дьайучи / Дьайаачы), мифический персонаж Дьылчы, у других юго-восточных народов – Будда, и в частности у китайцев – Юй Ди. Хронологической особенностью алтайских мифов является отношение появления календаря к мифологическому времени после потопа. В фольклоре алтайцев на основе сюжета о состязаниях животных, желающих войти в календарь, также возникли самостоятельные сюжеты этиологического характера. К самостоятельным относятся мифологические мотивы «кто первым увидит солнце» (о верблюде и мыши), «гром – животное» (о драконе), «раздвоенное копыто коровы» (о корове и обезьяне). У алтайцев сложились определенные мифологические представления о характере каждого из двенадцати годов, повторяющихся по циклу, который они связывают с поведенческими признаками животных. По этому календарю люди ориентировались, каким будет наступающий год.

Ключевые слова

фольклор алтайцев, мифология, мифы, сюжеты и мотивы, календарь, животные

Для цитирования

Ойноткинова Н. Р. Сюжеты и мотивы алтайских мифов о 12-летнем животном календаре // Сюжетология и сюжетология. 2024. № 3. С. 14–26. DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-14-26

© Ойноткинова Н. Р., 2024

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетология. 2024. № 3. С. 14–26

Plot Description and Analysis, 2024, no. 3, pp. 14–26

Plots and Motives of Altai Myths about the 12-year Animal Calendar

Nadezhda R. Oinotkinova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
sibfolklore@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-7085>

Abstract

The purpose of this article is to identify the plot-motivational features of Altai etiological myths about the appearance of the 12-year eastern calendar. Analysis of historiography on the problem of the origin of this animal cycle allowed the author to come to the conclusion that the animal calendar existed among the Turkic peoples already in the distant past. Based on the material of the narrative folklore of the Altai people, the plots and motives about the appearance of the 12-year animal calendar are considered. The main research method is plot-motive analysis of the text. The novelty of the research lies in identifying the plots and characteristics of the characters in the myths about the 12-year calendar cycle. The animals present in the calendar – dragon, tiger and monkey – indicate the influence of the mythology of other eastern peoples. The results of a comparative analysis of Altai myths about the 12-year animal calendar with the myths of the Kazakhs, Mongols and Chinese showed a difference in the main characters: among the Altai people the creator of the calendar is the deity Kudai (theonym variants: Dayuchi / Dayaachy), the mythical character Dyylchy, others among the southeastern peoples are Buddha, and in particular among the Chinese – Yu Di. A chronological feature of Altai myths is the relationship between the appearance of the calendar and the mythological time after the flood. In the folklore of the Altai people, based on the plot of competitions between animals wishing to enter the calendar, independent plots of an etiological nature also arose. Independent motifs include the mythological motifs “who will see the sun first” (about a camel and a mouse), “thunder is an animal” (about a dragon), “the cloven hoof of a cow” (about a cow and a monkey). The Altaians have developed certain mythological ideas about the characters of each of the twelve years, repeating in a cycle, which they associate with the behavioral characteristics of animals. Using this calendar, people figured out what the coming year would be like.

Keywords

Altai folklore, mythology, myths, plots and motifs, calendar, animals

For citation

Oinotkinova N. R. Plots and Motives of Altai Myths about the 12-year Animal Calendar. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2024, no. 3, pp. 14–26. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-14-26

Календарь и летоисчисление занимают важное место в жизнедеятельности человеческого общества. Алтайцы и другие народы Центральной и Восточной Азии пользовались 12-летним восточным календарем, который представляет собой систему летоисчисления. Суть ее состоит в том, что годы именуются не по числам (номерам), по именам 12 животных, расположенных в определенном порядке. В течение 12 лет проходит весь круг этих имен, а с 13-го года начинается новый цикл, идущий в том же порядке. Имена животных, употребляемые в этой системе, в основном едины для многих народов. Вариации названий в большинстве случа-

ев незначительны: «мышь (крыса); бык (корова, скот); тигр (барс); заяц; дракон (рыба, крокодил); змея; лошадь; овца; обезьяна; курица (петух, птица); собака; свинья» [Захарова, 1960, с. 32].

В алтайском календаре каждый год (*жыл*) обозначен именем определенного животного: мышь (*чычкан*), корова (*уй*), тигр (*бар*), заяц (*койон*), дракон (*улу*), змея (*жылан*), лошадь (*ат*), овца (*кой*), обезьяна (*мечин*), курица (*такаа*), собака (*ийт*), кабан (*какай*). Эти животные составили своеобразный временной код в традиционной культуре народа. Несмотря на то что эти системы счета времени сложились давно, они остаются актуальными и в наши дни, так как по этому календарю люди ориентировались, каким будет наступающий год. По представлениям алтайцев, каждый год 12-летнего цикла имеет свой характер: мягкий, легкий, суровый, тяжелый в зависимости от нрава животного, именем которого назван год. Благоприятными считаются год мыши, зайца, лошади и овцы. Например, в год мыши (*чычкан жыл*), поскольку это «запасливое» животное, ожидаются теплая зима и лето с умеренными дождями, хороший урожай; хозяин года содействует трудолюбивым людям, их успеху. К неблагоприятным относятся следующие годы: коровы, дракона, змеи, обезьяны, собаки. Например, год коровы (*уй жыл*) предвещает холодную и долгую зиму, а год дракона (*улу жыл*) – один из самых тяжелых, с холодной и долгой зимой, затяжными весной и осенью, лето с громами, ливнями, наводнениями, пожарами, засухой. Нейтральными считаются следующие: год барса (*бар жыл*), год курицы (*такаа жыл*), год кабана (*какай жыл*) [Енчинов, 2018, с. 178, 179].

Цель данной статьи – выявление мифологических сюжетов и мотивов, связанных с появлением 12-летнего календаря у алтайцев. Материалом исследования послужили опубликованные и неопубликованные тексты, мифы, легенды и сказки алтайцев.

Народный календарь является предметом исследования разных гуманитарных дисциплин – истории, филологии и культурологии. В изучении этого вопроса ученые опираются на исторические источники, в некоторых случаях на фольклорные тексты, в которых объясняется появление календаря и названий месяцев и годов. Одни ученые доказывают китайское происхождение животного календаря, другие – тюркское или монгольское его происхождение.

Сторонниками тюркского происхождения 12-летнего календаря являются Е. Шаванн, В. М. Яковлев, И. В. Захарова и др. По письменным источникам 12-летний цикл древнетюркских племен прослеживается с VII в. н. э. Памятники древнетюркской письменности – Орхонские надгробные надписи (692–735 гг.) – датируют события по годам цикла [Захарова, 1960, с. 56]. Гипотеза Котвича касается главным образом вопроса о распространении звериного цикла. Он предполагал, что в распространении его в Центральной Азии большую роль сыграли согдийцы. Фрагменты календаря VII в. в Восточном Туркестане свидетельствуют о том, что там знали 12 животных. Согдийцы передали цикл вместе с календарем тибетцам, от них же, вероятно, получили цикл тюркоязычные народы [Там же, с. 59].

Е. Шаванн проследил животный цикл в Китае до I в. н. э. и дополнил его данными о существовании цикла у других народов Азии до XV в. В результате своего исследования ученый пришел к выводу, что китайцы не сами изобрели цикл, а позаимствовали его от тюркоязычных народов, у которых он всегда

был основой хронологии. Наиболее частое появление цикла животных в китайских памятниках относится к VIII и XIII вв., т. е. как раз к эпохам «апогея тюрко-монгольских народов» [Захарова, 1960, с. 60].

По мнению И. В. Захаровой, цикл мог зародиться в Китае или Центральной Азии. В III–II вв. до н. э. гуннское государство с центром в Монголии имело под своей властью Маньчжурию, Южную Сибирь, Восточный Туркестан и Среднюю Азию. Уже во II в. до н. э. началась упорная борьба гуннов с Китаем, которая закончилась распадом гуннской державы. Ожесточенная битва шла за Восточный Туркестан. В состав гуннского союза входили следующие племена: предки будущих тюркоязычных народов, предки монголов, отчасти маньчжурские племена; под властью гуннов находились и ираноязычные племена Туркестана и, наконец, «северные варвары», осевшие на территории современного Китая, впоследствии китаизированные и вошедшие в качестве одного из компонентов в состав населения Западного Китая. В этой среде, вероятнее всего, и возник 12-летний животный цикл [Там же, с. 61]. Рассуждая о происхождении 12-летнего календарного цикла, исследовательница также обратила внимание на тот факт, что «в среде кочевников этой эпохи существовали сильные пережитки тотемизма, перешедшие в традиции тюркоязычных народов и монголов и отразившиеся в генеалогических легендах этих народов, запечатленные в их летописях и в китайской литературе. Легенды дошли до нас и в устной традиции, сказавшись в племенных и родовых наименованиях тюрков и монголов» [Там же].

А. Мухамбетова пишет, что 12-летний животный циклический календарь упоминается в ранних тюркских письменных источниках, т. е. намного раньше, чем у монголов. Так, в согдоязычной надписи из Бугута, которая создана в конце VI в. н. э. в честь тюркских каганов Первого Тюркского каганата, и позднее в надписях в честь принца Кюль-тегина, Бильге-кагана и на памятнике в честь Ильтерес-кагана приводится датировка событий по годам 12-летнего цикла. Отмечает, что 12-летний животный календарь появился у тюрков одновременно с созданием государственности и применялся в высших официальных сферах: датировка по 12-летнему циклу присутствует в эпитафиях лиц, имевших титул кагана, но не представлена в эпитафийных надписях государственных деятелей, не имевших титула кагана (Тоньюкук и Кули-чор) [Мухамбетова, 2012, с. 108].

В литературе отмечается, что у монголов заимствованный от уйгуров 12-летний животный цикл был введен в 1210 г. (см. [Бакаева, 2010, с. 282] со ссылками на В. Л. Котвича и Н. Л. Жуковскую). А. А. Бурькин обращает внимание на наименование этого календаря у тюрков: в тюркских языках календарный цикл называется *мучел* или *мурчел* (тув. *мөчүл*; хак. *мячел*; казах. *мушел*; монг. *мөчлөг*) [Бурькин, 2020, с. 681]. Б. Б. Монгуш пришел к выводу, что по народной этимологии слово *мучел* происходит от *муче* (тув. *мөчү*) ‘часть тела, туши’, обращая внимание (со ссылкой на А. Мухамбетову) на совпадение чисел 12-летнего цикла и того, что в тюркской традиции туши животных до сих пор обязательно разделяются на 12 частей [Монгуш, 2015, с. 106; Мухамбетова, 2012].

В алтайском мифе происхождение 12-летнего животного цикла связано с сюжетом о сотворении земли и человека, речь идет о событиях, происходивших до и после Всемирного потопа, что характерно для мифологического времени. Согласно легенде «Когда на земле был потоп» (*Јердинг үстинде јайык болордо*), календарь был создан Богом (Кудай) после потопа: «На Алтае произошел потоп,

погибли звери и птицы... от зверей осталось только 12 животных, которые потом вошли в 12-летний цикл... весь Алтай был усеян костями погибших птиц и зверей, некуда было потник положить» [НПА, 2011, с. 218].

После потопа Кудай собрал животных, обладающих волшебной силой, повелел им: «Разделитесь на четыре группы. Всем нельзя жить на Алтае. Некоторые из вас станут “небожителями”, другие их “противниками”». Далее по общему согласию и решению самих животных каждый из них избрал то место, где ему удобно жить. На небо ушли жить *Мечин* ‘Обезьяна’, *Улу* ‘Дракон’, *Бар* ‘Тигр’, т. е. те животные, которые не обитают на Алтае. *Мечин* зимой живет на небе (здесь имеется в виду созвездие Плеяды), летом – на земле, в холодных источниках. *Улу* также летом живет на земле, зимой – на небе. По мифологическим представлениям алтайцев, эти животные влияют на климатические условия на земле.

Исчезновение тигра с алтайских гор объясняется Всемирным потопом: «В древние времена на Алтае, когда горы, мхом покрываясь, вырастали, когда реки, разделяясь, текли, большой потоп был. Когда так случилось, погибло много животных. Из всех животных лишь двенадцать животных, которые вошли в год, остались. На Алтае с величавыми вершинами невозможно было чепрак положить, на шёлковых вершинах Сюмера не было земли потник расстелить. Потому что земля костями диких животных, бродячих собак, прожорливых змей была покрыта. <...> Тигр, поднявшись, сказал: “Чтобы детей-потомков своих забавлять, чистого места [здесь] я не вижу. К морю пойдёшь – там костей больших зверей-птиц полно, в гору пойдёшь – костей всяких животных много. Я хочу быть подобен человеку. Взяв свои вёсла, и по морю поплыву, взяв свою плётку, и по горам пойдю. На небе буду жить”...» [НПА, 2011, с. 119, 121].

Изображения тигров находили в скифских курганах Башадара и Пазырыка. Их изображения на этих артефактах археологи связывают с 12-годовым восточным зоокалендарем [Марсадолов, 2020, с. 134]. Данное предположение основано на том, что «народы Востока считали тигра царем всех диких животных... и созвездие Тигра обозначает первый главный месяц нового года. При формировании календарной системы этих народов образ Тигра стал одним из 12-летних, 12-месячных и 12-часовых циклических символов-знаков» [Там же, с. 140].

Согласно мифу «Когда на земле был потоп» (*Жердин үстінде жайык болордо*), остальные животные, которые вошли в 12-летний календарь, по собственному желанию остались жить на земле, многие из них стали друзьями и помощниками человека, т. е. были уже одомашнены: корова, лошадь, овца, курица, собака, кабан; дикими остались заяц, змея, мышь.

Согласно мифу «Когда на земле был потоп» (*Жердин үстінде жайык болордо*), божество, определяя судьбу животных, решает также вопрос о том, быть им смертными или бессмертными. Дьайучи (букв. Творец) спросил у животных: «Половина из вас хочет быть бессмертными или вы все хотите быть смертными?», тогда мышь возразила, что «если умирать, то надо всем умирать. Если жить, то надо всем быть живыми» [НПА, 2011, с. 123]. Тогда Дьайучи напомнил мыши о том, что она прогрызла дно ковчега, когда до окончания потопа оставалось 4 дня. «Мышь же, соскочив, ответила: “Зачем мне, перегрызшей дно лодки, когда земля была морем, стремиться в небо?” Тогда мышь, не сказав, куда пойдет, побужав в сторону, юркнула в землю» [НПА, 2011, с. 123].

В этом мифе интересен эпизод со змеей, которая вместе с другими животными вошла в 12-летний календарь. Змея состязается с лошадей: кто первым друг друга уничтожит. Так, по мифу, состязались лошадь и шулмус Эрлик-бия – змея. «Если лошадь своим копытом первой наступит на змею, то змея погибнет, если змея первой лошадь ужалит, то лошадь погибнет. Поэтому змея и лошадь больше года состязались. Затем, когда зима началась, змея, не выдержав холода, ползком в свою нору вошла. Лошадь, выиграв пари, перезимовав, по земле ходила. Поэтому за то, что змея ползком приходит и ползком уходит, ее в год зачислили, на конец года поставили» [АКК, 1994, с. 53].

Сюжет алтайского мифа «Когда на земле был потоп» (*Јердин үстінде јайык болордо*) отличается от сюжета китайского мифа, в котором главным персонажем выступает император: «Юй-ди приглашает животных в Нефритовый дворец, чтобы определить тех, по которым вести счет годам. Мышь обещала разбудить кошку и отправиться вместе, но ушла одна; дракон упрямил петуха одолжить ему на неделю рога; сороконожка уговорила петуха согласиться; выбрали 12: вола, лошадь, барана, собаку, свинью, зайца, тигра, дракона, змею, обезьяну, петуха, мышь; пусть первым будет самый большой; мышь садится вола на спину, люди говорят, *Какая громадная мышь* (никто не говорит, *Какой громадный вол*), с мышши начинается цикл, за нею вол; дракон не вернул петуху рога, петух теперь клюет многоножек; в его крике слышна просьба к дракону вернуть рога; кошка в обиде на мышшь за то, что та не разбудила ее, охотится на мышшей» [КитНС, 1972, с. 27–32]¹.

Двенадцатилетний животный цикл в повествованиях, наиболее полно воспроизводящих его появление и его содержание, связывается с его утверждением некоей властной силой, в отдельных вариантах неким божеством Богом (Кудай, Дьайаачы) у южносибирских тюрков, у монголов – Буддой, у китайцев – небесным божеством Юй Ди. В монгольском мифе, когда Будда раздавал названия животных 12 месяцам, первый месяц решил назвать в честь мышши или верблюда. Будда не хотел никого обижать и велел самим решить, кто войдет в число 12 животных календаря [Скородумова, 2003, с. 49–50]. Верблюд, обидевшись на мышшь, начинает постоянно охотиться за ней. Так мышшь вошла в число 12 животных, а верблюд нет. Но он получил понемногу от каждого из них: от мышшей уши, от быка живот, лапы тигра, нос зайца, тело дракона, змеиные глаза, лошадиную гриву, овечью шерсть, обезьяний горб, петушиный гребень, собачьи ноги, свиной хвостик [Там же].

В казахском мифе животные спорят, кому должен принадлежать первый год. «Мышь предложила – тому, кто первым увидит восход солнца. Верблюд надеялся увидеть солнце первым, но Мышь незаметно забралась на его горб, увидела первой; Верблюд сбросил Мышь, накрыл ступней, но Мышь нырнула в кучу золы. Мыши дали первый год, Верблуду не дали совсем, верблюд катается в золе, надеясь раздавить мышшь» [КазНС, 1979, с. 230, 231]. Мышь предложила дать название первому году тому, кто первым увидит солнце: животные спорят, чей год будет старше; конь, верблюд, корова, овца, собака, курица – каждый хвалит себя;

¹ Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналит. каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения 09.08.2014).

мышь предлагает дать первый год тому, кто первым увидит солнце; незаметно взобралась на горб верблюда, увидела первой; верблюд остался без года [Каскабасов и др., 1979, с. 47, 48].

В казахском мифе о появлении календаря указывается количество животных: «Тринадцать животных спорили, чьими именами будут называться годы. Мышь предложила дать годы согласно тому, кто первым, вторым и т. д. утром увидит солнце; забралась на голову Верблюда, получила первый год, а Верблюд остался без года» [Там же, с. 49]. В другом варианте эти детали опущены: «Животные собрались встретить Год; Мышь забралась на ухо Верблюда, увидела Год раньше всех, ее именем назвали первый год цикла. Верблюд начинает валяться на земле, если видит мышиную нору» [Там же, с. 47–49].

И. В. Захарова считает, что казахская легенда о календаре составляет лишь вторую часть монгольской, где присутствует деятель (Будда): у казахов осталась только история о том, как мышь первой увидела восход [Захарова, 1960, с. 38], а также что «12-летний животный цикл монголы, очевидно, переняли у уйгуров в XIII в. вместе с уйгурской письменностью» [Там же, с. 51, 53].

У монголоязычных народов рассказ о происхождении 12-летнего животного календарного цикла является самостоятельным повествовательным сюжетом, и он, по мнению А. А. Бурькина, «не был составлен из каких-либо мотивов, связанных с животными, участвующими в сюжете о календаре» [Бурькин, 2020, с. 687]. Данный сюжет в фольклоре монгольских народов «не распадается на отдельные повествования о взаимоотношениях животных, из него выделился только рассказ о верблюде и мыши, и это понятно – это единственные персонажи, с которыми связано движение действия в сюжете» [Там же]. А. А. Бурькин, изучив мифы о календаре у монгольских народов, пришел к выводу, что «сложение повествования о появлении 12-летнего животного цикла представляет собой этиологический миф, сложившийся в начале XIII в. на основе сюжетов о споре животных, после появления данного календаря у монголов» [Там же, с. 679].

На основе вышерассмотренного сюжета о споре животных в повествовательной прозе тюркских и монгольских народов: тувинцев, казахов, киргизов, ногайцев, башкир, татар и др., появился самостоятельный мотив – **«А23А. Кто первым увидит солнце»**².

В алтайском мифе-сказке «Как мышь вошла в год» (*Чычкан жылга киргени*) у алтайцев животные спорят, с кого из них должен начинаться цикл из 12 месяцев или лет. В алтайских мифах сюжеты текстов построены на разворачивании мотива «как мышь вошла в год». Первенства добивается мышь. Цикл начинается годом мыши, это маленькое существо вошло в календарь благодаря своей хитрости.

Согласно алтайскому мифу «Кабан» (*Какай*), мышь участвует в состязании животных: кто первым на рассвете увидит солнце. Мышь вступает в спор с верблюдом и выигрывает пари. Мышь начинает 12-летний цикл, а завершает его кабан, проигравший состязание за «вхождение животных в год», и в конце концов его поставили в конец цикла [АКК, 1994, с. 54].

В другом тексте – «Как мышь вошла в год» (*Чычкан жылга киргени*) – отсутствует этиологическая концовка о включении мыши в год, есть сюжет о споре верблюда с мышью [АНС, 2002, с. 399]. Мышь попросила Дьылчы (букв. ‘распоряди-

² Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация...

теля годом') принять ее в год; тот послал ее ко Льву; она попросила ее не убивать, пригодится. Когда Лев попал в железный капкан, Мышь перегрызла ремень. Лев послал ее к Верблюду. Верблюд предложил устроить состязание, кто завтра первым увидит солнце. Мышь забралась ему в ухо, увидела первой. Дыблчы ввел Мышь в год, а Верблюда вывел [Там же, с. 93–95].

В некоторых версиях этого мифа в спор вступают мышь и верблюд, кто получит 12-й месяц; мышь сидит на горбу медведя, но смотрит на запад, видит лучи на горах; с тех пор есть год мыши [Гарф, Кучияк, 1978, с. 46–48].

В алтайском фольклоре этот миф, судя по зафиксированным вариантам, является одним из распространенных. Завершает годовой календарь кабан, проигравший состязание за «вхождение животных в год».

В фольклоре алтайцев, как и других народов, распространены мифы, косвенно повествующие о тех или иных животных, вошедших в календарь. К таким самостоятельным сюжетам мифов относятся повествования о драконе, обезьяне, тигре, лошади, корове и овце, верблюде и мыши. Одним из таких мотивов является «В47А. Раздвоенное копыто коровы». Так, сюжет о Мечине (обезьяне) объясняет то, каким образом это существо стало небожителем. Когда звезда, которую называли Мечин / Улькер (Ўлкер), жила на земле, было очень холодно. Корова и лошадь сговорились уничтожить эту звезду. Они стали спорить, кто первым уничтожит ее. Конь хотел растоптать Улькера своими копытами, но корова опередила его и наступила на это существо. Звезда из-под ее копыта взметнулась в небо. Когда Улькер находился на земле, он был один. Когда же Улькер, разбив копыта корове, взметнулся в небо, он разделился на семь звезд [НПА, 2011, с. 418]. Корова видит в овраге сияющие звезды; конь предлагает, чтобы он их придавил, так как копыта коровы слабее; но корова сама прыгнула, копыта треснули, звезды через щель улетели на небо, стали Плеядами (Улькер) [Гарф, Кучияк, 1978, с. 177, 178].

Причиной холодной зимы, согласно мифам, является то, что на небо вознеслись 6 звезд, которые образовали созвездие Плеяды (Мечин, или Улькер) из 12 звезд, поэтому в течение 6 месяцев бывает холодно на земле. Мечин (созвездие Плеяды) также состояло из 12 звезд, летом спускалось на землю: если на болотистое место – лето было ненастным, если на сухое – всё выгорало от зноя. Корова и Лошадь заметили Мечин, Корова придавила звезды копытом, но 6 выбрались, вернулись на небо; если бы придавили все 12 звезд, зима не была бы такой холодной [Каташ, 1978, с. 18, 19].

В мифах с Мечин связывают наступление сильных холодов на земле, считается, что это созвездие управляет погодой и насылает холод. Зимой, если на небе Мечин видно хорошо, то будет морозный день; если звезду еле видно, то будет стоять теплая погода. Год Мечин бывает тяжелым³.

С драконом, вошедшим в календарь, у алтайцев связаны другие мифы. В книге Г. Н. Потанина опубликовано 24 текста о драконе (лу), производящем гром, записанные от монголов и тюрков.

Мифы о драконе распространены в восточной части Центральной Азии: на Саяно-Алтае, в Монголии, Казахстане, а также в Китае. Судя по многочисленным

³ Полевые материалы автора. Зап. в июле 2021 г. в с. Дьектиек Шебалинского района Республики Алтай от З. С. Сарбашевой 1954 г. р.

текстам, записанным исследователями-фольклористами у тюрков и монголов, ареал распространения этого мотива находится в буддийском мире.

Лу – в мифологии монгольских народов дракон, владыка водной стихии и громовержец. Гром же – это рев (скрежет зубов) Лу, а молния возникает тогда, когда он быстро свивает и распрямляет свой хвост. Согласно поздним версиям, Лу – лишь ездовое животное громовержца, который ездит на нем летом, а зимой отдает его на хранение лусам; здесь нашел отражение мифологический мотив: дракон, воплощающий грозу и дождь, зимой спит либо под землей, либо на дне водоемов [Неклюдов, 1988, с. 73].

В алтайских мифах отмечается, что дракон живет на небе летом, а зимой лежит на ледниковых вершинах гор. Мифы об Улу составляют мотив «**15. Гром – животное**». «Гром (молния, дождь) имеет облик четвероногого млекопитающего – свиньи, буйвола, верблюда, муравьеда, тапира, собаки, кошки, леопарда, обезьяны и пр.»⁴.

Громъ производит Тердынгъ Улы можно перевести: сынъ неба и небесный драконъ); онъ зимуеъ на землѣ, лѣтомъ поднимается на небо. В долинь р. Арѣ-Торхоликъ есть гора, которая называется «зубы Тердынгъ Уль», тердынг улы тыши (Тува-Урянхайцы) [Потанин, 1883, с. 140].

Громъ производит Улу, который зимуеъ на тайгахъ (бѣлках), а лѣтомъ поднимается на небо; молнія происходит отъ вилянія его хвостомъ, громъ его голосъ. Молнія бьетъ въ то дерево, гдѣ скрывается бурундукъ; она огибаетъ дерево винтообразно (айландра) и уходитъ въ землю (Тотой, Теленгитка, Чуя). По рассказу информантки Тотой из рода тѣлѣс, на р. Чуя, громъ производит Дракон, который зимует на белках (высоко в горах), а летом поднимается в небо [Там же, с. 141].

По представлениям алтайцев и теленгитов, молния происходит от виляния хвостом Дракона, гром – это его голос: *Тенери кѳркѳресе, улуныг куйругын мнай булгаарда, тенери кѳркѳреп јат дежет на*. 'Когда небо гремит, говорят же, что небо гремит, когда улу так вертит хвостом?' [Яданова, 2014, с. 234].

В тексте о происхождении войлочной юрты человек перемещается на драконе в Верхний мир. Зимой охотник падает в расщелину ледника и оказывается на крылатом существе – Улу, который находился там (в одной записи: человек попадает в пещеру, где обитает Улу). Весной Улу уносит охотника в Верхний мир. Охотник на небе впервые видит войлочную юрту. Человек невидим для людей Верхнего мира; к чему ни притронется, всё портится: приходят в негодность продукты / заболевают люди. Приводят шамана ламу, тот, посадив охотника на череп коня, спускает его в средний мир. Охотник, вернувшись на землю, рассказывает обо всѣм людям (показывает часть решетки юрты). Делает войлочную юрту (*кий-ис айыл*), похожую на ту, которую видел на небе [Там же, с. 235].

Сюжет другого текста об Улу, записанного у теленгитов, повествует о том, как один человек заблудился на вершине ледниковой горы. Он, схватившись за хвост Улу, поднялся в Верхний мир, где живут такие же люди, но не способные видеть человека, пришедшего из Среднего мира. Учувя «злого духа», прибывшего из иного мира, люди Верхнего мира позвали лам, чтобы они совершили обряд изгна-

⁴ Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация...

ния этого «злого духа», т. е. человека. Когда он вернулся из Верхнего мира, то обнаружил себя сидящим у своей юрты, схватившись за белый череп лошади⁵.

Таким образом, сюжеты и мотивы мифов, связанных с появлением 12-летнего календаря в алтайском фольклоре, имеют свои особенности. Отличаются главные персонажи мифов: у алтайцев творцом календаря является Кудай (Дьайучы), в вариантах текстов – мифический персонаж Дьылчы, у юго-восточных народов – Будда, Юй Ди (у китайцев). Еще одной особенностью сюжетного повествования алтайских мифов является то, что появление календаря относят к мифическому времени после потопа. Мифологический сюжет о споре 13 животных является основным и наиболее полным, на его основе возник сюжет о споре верблюда и мыши. Такие персонажи в сюжете, как дракон, тигр и обезьяна, свидетельствуют о заимствованном или архаичном характере мифа. К сюжету о состязании 13 животных примыкают самостоятельные этиологические мифы о состязании / споре животных, объясняющие те или иные особенности их внешности. К самостоятельным относятся мифологические мотивы «кто первым увидит солнце» (о верблюде и мыши), «гром – животное» (о драконе), «раздвоенное копыто коровы» (о корове и обезьяне). Следует также отметить, что в традиционной культуре алтайцев сложились определенные мифологические представления о характере каждого из двенадцати годов, который они связывают поведенческими признаками животных, вошедших в календарь.

Список литературы

АКК – Алтай кеп-куучындар / Сост. И. Б. Шинжин, Е. Е. Ямаева. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994. (на алт. яз.)

АНС – Алтайские народные сказки // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока / Сост. Т. М. Садалова. Новосибирск: Наука, 2002. 455 с., илл. + компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 21)

Бакаева Э. П. Календарь // Калмыки / Отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. С. 282–289.

Бурыкин А. А. Календарный 12-летний животный цикл в фольклоре калмыков и других народов Азии // Монголоведение. 2020. Т. 12, № 4. С. 679–691.

Гарф А., Кучияк П. Танзаган – отец алтайцев. Алтайские сказки. М.: Дет. лит., 1978. 286 с.

Енчинов Э. В. Календарь и календарная обрядность // Трансформации в обществе и ценности традиционной культуры в Республике Алтай (конец XX – начало XXI века). Горно-Алтайск, 2018. С. 175–188.

Захарова И. В. Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР. Алма-Ата, 1960. Т. 8. С. 32–65.

КазНС – Казахские народные сказки: Пер. с казах. / Сост. Т. Дауренбеков. Алма-Ата: Жалын, 1979. 415 с.

⁵ Полевые материалы автора. Зап. в августе 2014 г. в с. Мухор-Тархата Кош-Агачского района Республики Алтай от М. Ч. Уреловой.

Каскабасов С. А., Костюхин Е. А., Смирнова Н. С., Турсунов Е. Д. Казахские сказки о животных (легенды, предания, бытовые рассказы, сказки и басни). Алма-Ата: Наука, 1979. 272 с.

Катаи С. С. Мифы, легенды Горного Алтая. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1978. 112 с.

КитНС – Китайские народные сказки / Сост., предисл., коммент. и пер. с кит. Б. Л. Рифтина. М.: Худож. лит., 1972. 334 с.

Марсадолов Л. С. Новая семантика зооморфных образов на саркофаге из кургана Башадар-2 на Алтае // Народы и религии Евразии. 2020. № 3 (24). С. 127–150.

Монгуш Б. Б. Истоки двенадцатилетнего животного календаря и его связь с празднованием Шагаа // Новые исследования Тувы. 2015. № 1. С. 105–111. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_25/7782-mongush-bb.html (дата обращения 29.05.2024).

Мухамбетова А. Тенгрианский календарь (мушель) как основа кочевой цивилизации казахов // Международный фонд исследования Тэнгри. 26 мая 2012. URL: <http://tengrifund.ru/tengrianskij-kalendar-mushel-kak-osnova-kochevoj-civilizacii-kazaxov.html> (дата обращения 09.05.2024).

Неклюдов С. Ю. Лу // Мифы народов мира. М.: Сов. энцикл., 1988. Т. 2. С. 73.

НПА – Несказочная проза алтайцев / Сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с.; илл. + компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 30)

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. Вып. 4. 1026 с.

Скородумова Л. Г. Сказки и мифы Монголии. Улаанбаатар: Монсудар, 2003. 141 с.

Яданова К. В. Образ Улуу / Улуу в алтайской фольклорной традиции // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (20–23 апреля 2014 г.) / Отв. ред. Ф. И. Куликов. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. С. 232–239.

References

Sadalova T. M. (comp.). *Altayskie narodnye skazki* [Altai folk tales]. Novosibirsk, Nauka, 2002, 455 p., ill. and CD. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 21) (in Alt. and Russ.)

Bakaeva E. P. *Kalendar'* [Calendar]. In: Bakaeva E. P., Zhukovskaya N. L. (eds.). *Kalmyki* [Kalmyks]. Moscow, Nauka, 2010, pp. 282–289. (in Russ.)

Burykin A. A. *Kalendar'nyy 12-letniy zhivotnyy tsikl v fol'klоре kalmykov i drugikh narodov Azii* [Folklore of Kalmyks and Other Asian Peoples: 12-Year Animal Calendar Cycle]. *Mongolovedenie* [Mongolian Studies (Elista)], 2020, vol. 12, no. 4, pp. 679–691. (in Russ.)

Daurenbekov T. (comp.). *Kazakhskie narodnye skazki* [Kazakh folk tales]. Alma-Ata: Zhalyn, 1979. 415 p. (in Russ.)

Enchinov E. V. *Kalendar' i kalendar'naya obryadnost'* [Calendar and calendar ritual]. In: *Transformatsii v obshchestve i tsennosti traditsionnoy kul'tury v Respublike Altay (konets XX – nachalo XXI veka)* [Transformations in society and the values of tradi-

tional culture in the Altai Republic (late 20th – early 21st century)]. Gorno-Altaysk, 2018, pp. 175–188. (in Russ.)

Garf A., Kuchiyak P. Tanzagan – otets altaytsev. Altayskie skazki [Tanzagan is the father of the Altaians. Altai fairy tales]. Moscow, Detskaya Literatura Publ., 1978, 286 p. (in Russ.)

Kaskabasov S. A., Kostyukhin E. A., Smirnova N. S., Tursunov E. D. Kazakhskie skazki o zhyvotnykh (legendy, predaniya, bytovye rassказы, skazki i basni) [Kazakh tales about animals (legends, traditions, everyday stories, fairy tales and fables)]. Alma-Ata, Nauka, 1979, 272 p. (in Russ.)

Katash S. S. Mify, legendy Gornogo Altaya [Myths, legends of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk, Altai Book Publ., 1978, 112 p.

Marsadolov L. S. Novaya semantika zoomorfnykh obrazov na sarkofage iz kurgana Bashadar-2 na Altae [New semantics of zoomorphic images on the sarcophagus from the Bashadar-2 mound in Altai]. *Nations and Religions of Eurasia*, 2020, no. 3 (24), pp. 127–150. (in Russ.)

Mongush B. B. Istoki dvenadtsatiletnogo zhyvotnogo kalendarya i ego svyaz' s prazdnovaniem Shagaa [Origins of 12-year animal calendar and its connection with Shagaa festival]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva], 2015, no. 1, pp. 105–111. (in Russ.) URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_25/7782-mongush-bb.html (accessed 29.05.2024).

Mukhambetova A. Tengrianskiy kalendar' (mushel') kak osnova kochevoy tsivilizatsii kazakhov [Tengrian calendar (mushel) as a basis of the Kazakh nomadic civilization]. In: Mezhdunarodnyy fond issledovaniya Tengri. 26 maya 2012 [International Tengri Research Foundation (official website). May 26, 2012]. (in Russ.) URL: <http://tengrifund.ru/tengrianskiy-kalendar-mushel-kak-osnova-kochevoj-civilizatsii-kazakhov.html> (accessed 09.05.2024).

Neklyudov S. Yu. Lu [Lu]. In: Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1988, vol. 2, p. 73. (in Russ.)

Oinotkinova N. R., Shinzhin I. B., Yadanova K. V., Yamaeva E. E. (comp.). Neskazochnaya proza altaytsev [Non-fairy tale prose of the Altai people]. Novosibirsk, Nauka, 2011, 576 p.; ill. + CD. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 30) (in Alt. and Russ.)

Potantin G. N. Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii [Essays on Northwestern Mongolia]. St. Petersburg, Printing house of V. Kirshbaum, 1883, iss. 4, 1026 p. (in Russ.)

Riftin B. L. (comp., preface, comments). Kitayskie narodnye skazki [Chinese folk tales]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1972, 334 p. (in Russ.)

Shinzhin I. B., Yamaeva E. E. (comp.). Altay kep-kuuchyндar [Altai legends]. Gorno-Altaysk, Ak Chechek, 1994. (in Alt.)

Skorodumova L. G. Skazki i mify Mongolii [Tales and Myths of Mongolia]. Ulaanbaatar, Monsudar, 2003, 141 p. (in Russ. and Mong.)

Yadanova K. V. Obraz Ulu / Uлуу v altayskoy fol'klornoy traditsii [The image of Ulu / Uлуу in the Altai folklore tradition]. In: Kulikov F. I. (ed.). Istoriya i kul'tura narodov Yugo-Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh regionov (Kazakhstan, Mongoliya, Kitay) [History and culture of the peoples of South-Western Siberia and adjacent regions (Kazakhstan, Mongolia, China)]. Materials of the International. scientific-prac-

Сюжет в литературе и фольклоре

tical conf. (April 20–23, 2014)]. Gorno-Altaysk, GASU Press, 2014, pp. 232–239. (in Russ.)

Zakharova I. V. Dvenadtsatiletniy zhivotnyy tsikl u narodov Tsentral'noy Azii [Twelve-year animal cycle among the peoples of Central Asia]. In: Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of Kazakh SSR. Alma-Ata, 1960, vol. 8, pp. 32–65. (in Russ.)

Информация об авторе

Надежда Романовна Ойноткинова, доктор филологических наук

Information about the Author

Nadezhda R. Oinotkinova, Doctor of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 26.06.2024;
одобрена после рецензирования 22.07.2024; принята к публикации 22.07.2024
The article was submitted on 26.06.2024;
approved after reviewing on 22.07.2024; accepted for publication on 22.07.2024*

Научная статья

УДК 821.161.1, 82-31, 82-32

DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-27-51

Гистория о девице Ляцоне: сюжетно-мотивный состав повести в контексте русской беллетристики XVII–XVIII веков

Любовь Александровна Курышева

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
kurysh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6796-2413>

Аннотация

Рукописная повесть середины XVIII в. «Гистория о девице Ляцоне» известна в единственном списке. Она рассказывает о побеге девушки с возлюбленным из родительского дома. Для решения вопроса, стала ли отечественная беллетристика XVII–XVIII вв. источником вдохновения для неизвестного автора повести, мы применили следующую методику. Выявляя определенный мотив, мы учитываем его роль в сюжете Гистории и сопоставляем с функцией этого же мотива в популярных произведениях русской беллетристики XVII–XVIII вв. В типологии мотивов основной нашей работы стал указатель мотивов С. Томпсона с учетом дополнений Д. П. Ротунды; в классификации сюжетов – модернизированная Г.-И. Утером система описания сказочных сюжетов А. Аарне и С. Томпсона.

Как показал анализ, Гистория не имеет прямых связей с популярными в России XVII–XVIII вв. произведениями о похищении девической чести или об увозе жены – повестями на сюжет о разборчивой невесте и АТУ 1419Е. Для поиска возможных источников Гистории были привлечены повести XVII–XVIII вв. на смежные сюжеты или с близкими мотивными компонентами. На основе трудов Томпсона и Ротунды были выделены следующие мотивы: неблагоприятное предсказание, отцовская любовь к дочери, красивая и умная девица, охрана от мужчин, похвальба дочерью, тайный возлюбленный, свидания в саду, искусный музыкант, бегство из дома. В деталях и мотивных компонентах Гистории обнаруживаются параллели с Повестью о Петре Златых Ключей, с романом об Алфонзе Рамире и Ангелике, с Повестью о российском кавалере Александре, возможно – с Гисторией о Ярополе царевиче и старобелорусской Повестью о Трыщане.

Повесть входит в так называемую «пятую рукопись» сборной рукописи из Основного собрания НИОР БАН (19.2.38). На основании анализа бумаги, можно сделать вывод о том, что формирование рукописи, в которой располагается Гистория, относится к 1750–1760-м гг. Литературное окружение этого оригинального произведения состоит из популярных любовных повестей, большая часть которых встречается в других сборниках беллетристического характера.

Литературный памятник публикуется впервые.

© Курышева Л. А., 2024

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетография. 2024. № 3. С. 27–51
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2024, no. 3, pp. 27–51

Ключевые слова

русская литература XVIII в., рукописная беллетристика, мотивные индексы С. Томпсона

Для цитирования

Курешева Л. А. История о девице Ляцуне: сюжетно-мотивный состав повести в контексте русской беллетристики XVII–XVIII веков // Сюжетология и сюжетография. 2024. № 3. С. 27–51. DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-27-51

***The Story of the Maiden Laciona:
Plot and Motif Composition of the Handwritten Tale
in the Context of Russian Fiction of the 17th – 18th Centuries***

Lyubov A. Kuryshева

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

kurysh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6796-2413>

Abstract

A handwritten tale of the middle of the 18th century *The Story of the Maiden Laciona* is known in a single copy. The tale tells about the escape of a girl with a lover from her parents' house. To solve the question of whether the Russian fiction of the 17th – 18th centuries became a source of inspiration for the unknown author of the story, we applied the following methodology. Identifying a certain motive, we take into account its role in the plot of the Story and compare it with the function of the same motive in popular works of Russian fiction of the 17th – 18th centuries. In the typology of motives, the basis of our work was the Motif-Index by St. Thompson, taking into account the additions of D. P. Rotunda; in the classification of plots – the system for describing fairy-tale plots by A. Aarne and S. Thompson, modernized by H. J. Uther.

As the analysis showed, the Story has no direct links with the works popular in Russia in the 17th – 18th centuries about the abduction of a maiden's honor or about the abduction of a wife – stories on the plot of a picky bride and ATU 1419E. To search for possible sources of tale, the stories of the 17th – 18th centuries were drawn on related subjects or with similar motivic components. Based on the works of Thompson and Rotunda, the following motives were identified: an unfavorable prediction, paternal love in a daughter, a beautiful and intelligent girl, protection from men, boasting of a daughter, a secret lover, dates in the garden, a skilled musician, flight from home. In the details and motional components of the Story, parallels are found with the Story of Peter the Golden Keys, with the novel about Alfonzo Ramir and Angelica, with the Story of the Russian cavalier Alexander, perhaps with the Story of Yaropol Tsarevich and the Old Belarusian Story of Tristan.

The Story is included in the so-called “fifth manuscript” of the combined manuscript from the Main Collection of the NIOR BAN (19.2.38). Based on the analysis of the paper, it can be concluded that the formation of the manuscript in which the Story is located dates back to the 1750s – 1760s. The literary setting of this original tale consists of popular love stories, most of which are found in other collections of fiction.

The literary monument is being published for the first time.

Keywords

Russian literature of the 18th century, handwritten fiction, Motif-Index by St. Thompson

For citation

Kuryshva L. A. *The Story of the Maiden Laciona: Plot and Motif Composition of the Handwritten Tale in the Context of Russian Fiction of the 17th – 18th Centuries. Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2024, no. 3, pp. 27–51. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-27-51

Дошедшая до нашего времени в единственном списке «Гистория о девице Ляцыоне, баронской дочери аглянских баронов Римсаго и Цесарских областей правления, и о ея премудрости» (НИОР БАН, 19.2.38), как и сам сборник, когда-то принадлежавший И. Е. Забелину, давно известны специалистам по рукописной беллетристике XVIII в. [Пыпин, 1888, с. 37; ОРО БАН, 1951, с. 343–346; Malek, 2017, с. 71–72]¹. Однако до сих пор она не была введена в научный оборот и изучена.

При встрече с русской рукописной беллетристикой XVIII в., в основном анонимной, исследователь прежде всего сталкивается с вопросом о происхождении и степени оригинальности произведения. Ранее мы показали связь Гистории о девице Ляцыоне (далее – Гистория) с историко-культурной ситуацией времен правления Елизаветы Петровны и выдвинули гипотезу о создании повести по случаю событий в домашней жизни графа М. И. Воронцова². В настоящей статье мы исследуем сюжетную основу повести и попытаемся ответить на вопрос, стала ли отечественная беллетристика XVII–XVIII вв. источником вдохновения для неизвестного автора повести. Для решения этой задачи мы применим следующую методику. Выявляя определенный мотив, мы будем учитывать его роль в сюжете Гистории и сопоставлять ее с функцией этого же мотива в популярных произведениях русской беллетристики XVII–XVIII вв. В типологии мотивов мы будем опираться на указатель мотивов С. Томпсона с учетом дополнений Д. П. Ротунды³; в классификации сюжетов – на модернизированную Г.-Й. Утером систему

¹ Повесть учтена в картотеке, составленной Н. К. Никольским, над которой он работал до самой смерти в 1936 г. (НИОР БАН. Картотека Н. К. Никольского). Упоминания о повести нет в предметном указателе, подготовленном М. Н. Сперанским для своей книги «Рукописные сборники XVIII века» (начало 1930-х гг.). Это связано с тем, что ученый считал сборник утраченным [Сперанский, 1963, с. 177].

² Курьшева Л. А. Гистория о девице Ляцыоне как русская беллетристическая повесть времен правления Елизаветы Петровны (подготовлена к печати). В виде докладов гипотеза была представлена на XIV Римских Кирилло-Мефодиевских чтениях и заседании Отдела изучения русской литературы XVIII в. ИРЛИ РАН в июне 2024 г.

³ Первое и второе, дополненное и переработанное, издания 6-томного труда С. Томпсона (St. Thompson) «Motif-Index of Folk-Literature: A Classification of Narrative Elements in Folk-Tales, Ballads, Myths, Fables, Mediaeval Romances, Exempla, Fables, Jest-Books, and Local Legends» вышли соответственно в 1932–1936 и 1955–1958 гг. Положив в основу классификацию мотивов Томпсона, Д. П. Ротунда (D. P. Rotunda) в работе «Motif-Index of the Italian Novella in Prose» (1942) описал итальянскую новеллу. Для неописанных Томпсоном мотивов им были введены новые индексы, встроенные в систему предшественника. Для поиска мотивов мы воспользовались интернет-ресурсом, созданным израильским Центром народных сказок и фольклора (Center of Folktales and Folklore) под руководством доктора Йоэля Переза (Yoel Perez). Там в репрезентации мотивов Томпсона учтены дополнения, сделанные Ротундой: *Thompson St. Motif-Index of Folk-Literatur*. URL: <http://folkmasa.org/motiv/motif.htm> (дата обращения 07.09.2024).

описания сказочных сюжетов А. Аарне и С. Томпсона, с учетом данных сравнительного указателя сюжетов восточнославянской сказки и немецкого издания энциклопедии сказок⁴.

Кратко представим сюжет. Гистория повествует о том, как в итальянский город Аглиянец проездом в Рим прибывает делегация из Цесарии. В посольскую свиту входит молодой человек по имени Лудвик, сын влиятельного князя. Городом управляет барон Август, у него есть дочь Ляцыона. Барон бережет ее от мужчин, выстроив для нее отдельный дом с женским штатом, и позволяет ей только выезды в своем присутствии на ассамблею и комедию. Желая похвастаться дочерью, явить гостям ее красоту и премудрость, барон повелевает дочери прийти на организованный в честь послов прием. Здесь молодые люди встречаются и влюбляются друг в друга. На этом же званом ужине они обмениваются речами, танцуют и объясняются в любви. Ляцыона демонстрирует гостям свое искусство, вызвав видение Венеры, которая соединяет влюбленных. Ночью, после встречи в саду, Ляцыона бежит с Лудвиком, прихватив с собою драгоценности и деньги. Повесть заканчивается коротким сообщением о том, что они благополучно приезжают в Цесарию и сочетаются браком. Как водится в подобных сочинениях, последние слова относятся к дальнейшей счастливой жизни героев: Лудвик «жил с нею много лет, и умроша в великой чести и славе».

Действие повести развивается как контаминация мотивов из популярных сюжетов. Завязка Гистории заставляет читателя предположить развитие действия в духе похищения красавицы или похищения девической чести. Повесть открывается рассказом о том, как барон оберегает свою дочь от мужчин:

Отец же ея Август не име жены у себе, вдов, токмо одну оную име при себе доч свою... весьма ея сожалел и возлюбил ея весьма своею отеческою любовью. Не восхоте же та дщерь его с таковою прекрасностию иметь власть в гулянии, *дабы никто не похитил девическую красоту ея* (здесь и далее курсив мой. – Л. К.). Того ради всегда имел ю при себе во единой комнате. Аще же куды случится ему из дому своего ехать, то приставлял тетку ея монахиню, Девору именем, со многими дамскими персонами: да всегда хранят благородие ея и *да не допустят до нея никого же от мужеска полу*, но всегда да пребывают у нея дамския персоны и во всем она ея да наблюдают. Аще же когда поедет х кому на асамблею или на камедию, тогда обыкновен был всегда и ея с собою брать по обыкновению тамошних народов.

Егда же возмужа Ляцыона и бысть лет якобы семнатцети, и войде наукою своею в подобие славной Иреи премудрой, красотою же и добротою и политикой доста же и самыя Минервы, тогда отец ея устрой ей особый дом со многими комнатами и убранством и определи к ней множество дам честных и девиц и множество музыкантов и лакеев, тако ж корет, коней и протчих уборов. И повеле дочери своей *тамо бытность свою в чистоте и целомудрии девическом провождати*. И тако Ляцыона

⁴ Классификация сказочных типов по системе Аарне – Томпсона – Утера (далее – АТУ) в соотношении со старой системой Аарне – Томпсона, а также с указанием входящих в различные типы сказок мотивов, разработанных Томпсоном, представлена на сайте библиотеки Университета Миссури (эта работа не завершена): URL: <https://libraryguides.missouri.edu/c.php?g=1039894&p=7541717> (дата обращения 07.09.2024). Издания, посвященные восточнославянской сказке и мировому фольклору, нередко дают дополнительную ценную информацию: [СУС, 1979; Enzyklopädie des Märchens, 1977–2015].

отъиде во уготованные ей апортаменты с великим веселием и триумфом. И бысть тамо дни многия в раскошах, а иногда в науках (л. 267 об. – 268).

Отношения отца и дочери, строительство дома для дочери отсылают к группе сюжетов, в котором задействован мотив заключения девушки (женщины) в особом доме или башне. Во-первых, это сюжеты о неблагоприятном предсказании. Самый известный пример из такого рода сюжетов – миф о Данае, которому находится большое количество параллелей в фольклоре и литературе [Binder, 1977]. Это предсказание о рождении героя, который однажды убьет своего деда, в связи с чем царь запирает свою дочь в башне. Распространенными вариантами сюжета выступают предсказание о беременности дочери прежде замужества или предсказание о том, что жена «наставит рога» мужу. При помощи хитрости мужчина проникает в женские покои и добивается своего. Особая группа новелл и сказок рассказывает о том, как мужчина запирает себя в образе животного, чтобы проникнуть к девушке, которую ревностно охраняет отец⁵. Нередко к мотиву неблагоприятного предсказания может присоединяться (или его заменять) мотив заклада-пари.

Во-вторых, это класс сюжетов о старом муже и молодой жене, которая заперта им из ревности. Жене удастся обмануть мужа и встретиться с любовником: он проникает в покои женщины в сундуке или при помощи тайного хода⁶. Большой популярностью пользовался сюжет об украденной жене, в котором влюбленные встречаются благодаря тайному ходу и дурачат мужа игрой в двойника настолько, что старик выдает замуж свою жену и лично провожает молодых, чтобы затем обнаружить себя обманутым [Kuehne, 1993]⁷.

Таким образом, начальная сюжетная ситуация нашей повести может быть соотносена со следующими индексами мотивов, разработанными Томпсоном и дополненными Ротундой: R41.2 «Заточение в башне», M372 «Заточение в башню, чтобы избежать исполнения предсказания», T381 «Девушка заточена, чтобы предотвратить знание мужчин (брак, оплодотворение). Обычно содержится в башне (Даная)», T381.0.2 «Жена заключена в башне (доме) для сохранения целомудрия», T50.1 «Девушка тщательно охраняется от женихов», T50.1.2 «Девушка тщательно охраняется отцом», T50.2 «Король так любит свою дочь, что не желает выдавать ее замуж ни за кого».

⁵ Литературным и устным итальянским, французским версиям этого сюжета посвящен комментарий Дж. Руа к первой новелле из книги «Мамбриано»: [Rua, 1888, р. 28–42]. Ср.: СУС 575 «Деревянный орел (голубь)». А. Н. Веселовский посвятил статью сюжетам о заключенной красавице, взяв в качестве материала новеллу «Мамбриано», французские романы, сказки «Тысячи и одной ночи» и былинку о Подсолнечном царстве: [Веселовский, 1878].

⁶ См. комментарий Дж. Руа к четвертой новелле из книги «Мамбриано»: [Rua, 1888, р. 67–83].

⁷ Ср.: АТУ 1419Е «Подземный ход к дому любовника», СУС 860В* «Украденная жена», СУС 1419Е «Подземный ход к дому любовника».

Обзору истории сюжета в мировой литературе и русским вариантам XVII–XVIII вв. посвящена работа: [Лихтман, 1976]. В этой же работе исследовательница указывает на запись сказки с идентичным сюжетом, в которой вместо мужа и молодой жены выступают отец и его дочь [Там же, с. 261].

Обратимся к русским повестям XVII–XVIII вв. с мотивными компонентами: предсказание будущего (М340 «Неблагоприятные предсказания»), заточение женщины в башне или особом доме (М372, Т381.0.2, R41.2), охрана от мужчин (Т50.1, Т50.1.2, Т50.2, Т381, Т381.0.2).

Начнем с неблагоприятного предсказания. Хотя этот мотив отсутствует в Гистории, он нередко входит как компонент в другой мотив, ассоциируемый с сюжетом Гистории, – в М372. Среди русской беллетристики, как кажется, имеется только одно произведение, в котором царская дочь помещена в башню, чтобы избежать исполнения предсказания. В «Слове о судьбах божиих...» астрологи-мудрецы предрекают царю, что его дочь будет обесчещена публичным наказанием – «биена... бичом по нагому телу» (Слово о судьбах божиих..., 1982, с. 239–240). При этом мотив охранения дочери от мужчин, как и любовная тема, совершенно отсутствует:

И растя же девица, и цветуще лепотою своею вельми прекрасно, и разумом и премудростию всех превзыде, и научися грамоте и всякой премудрости. И бысть девица в возрасте, *отец же ея устрои столп мраморен и позлати златом*, и украси в нем всяческим узорочием столы и седалища и подножия, все златом и камением украси. И введе ту девицу, и пристави к ней служити благозачныя девы, она же живяше, веселящися (Слово о судьбах божиих..., 1982, с. 240).

Перейдем к другим мотивным компонентам. Охрана от мужчин встречается в Повести о Александре и Лодвике из сборника Повесть о семи мудрецах в редакции Тимофея Каменевича-Рвовского. При этом мотив заточения отсутствует, хотя и говорится о том, что дочь императора Фларента живет особым домом:

Цесарь же Тирус имяше у себе дщерь едиородну, именем Фларенту, возлюбленную себе зело, и желаше цесарь Тирус *соблюсти всячески девичество ея и не вдати ю браку ни за кого же*, но дабы она по смерти отца возмогла держати королевство его. Того ради отец ея вельми любляше и соблюдаше ю, понеже она лицом бе лепа и разумом чюдна зело. *Имяше же она особый двор жителный и пребываше сама едина с челядию своею* (Повесть о семи мудрецах, 1988, с. 240)⁸.

В Повести о Фларенте и Георгии мы имеем мотив заключения в башню, но без мотива охранения от женихов:

Когда французского короля супруга родила дщерь, именем Фларенту, которая во младенчестве себя оказала красотою пребезмерною лица... Потом избрав в своем саду хорошее место, в котором *приказал учинить каменны столп, а на нем построить два покоя...* в которыя определил быть его дочери Фларенте, и *при ней определены были две девицы-мамки*, которыя в тех покоях были. И как случилось быть оной Фларенте в летах юношецких, на что определена была при ней некоторая френда для обучения той королевны грамоте, музыки и танцевать (Повесть о Фларенте и Георгии, 1993, с. 386–387).

Общими в упомянутых произведениях являются сопровождающие описание уединенной жизни девицы мотивы: исключительная красота девушки (Гистория, «Слово о судьбах божиих...», Повесть о Александре и Лодвике, Повесть о Фларенте и Георгии), ее премудрость (Гистория, «Слово о судьбах божиих...», По-

⁸ В более ранней редакции нет ни охраны от мужчин, ни особого дома для дочери, см.: (Повесть о семи мудрецах, 2006, с. 217).

весть о Александре и Лодвике), отцовская любовь (Гистория, Повесть о Александре и Лодвике), обустройство и украшение отцом жилища для дочери (Гистория, «Слово о судьбах божиих...»), забота отца об обучении дочери наукам (Гистория, Повесть о Фларенте и Георгии), веселье девицы в своем доме (Гистория, «Слово о судьбах божиих...») ⁹.

В событийном ряду русских повестей о похищении красавицы или похищении девической чести начальный мотив охранения девушки от женихов связан с последующим появлением тайного возлюбленного. Таковы повествования об Александре и Лодвике, об Алфонзе Рамире и прекрасной Ангелике (этот роман был популярен в России в середине XVIII в.) и Гистория ¹⁰. Начальный мотив уединенного житья девицы в развитии действия некоторых повестей завершается побегом из дома (R213 «Побег из дома»). В Гистории за встречей в доме отца и свиданием в саду, за взаимными клятвами и обещанием «содержать... до уреченного времени во всякой девической чистоте» следует бегство Ляцыоны из-под опеки родителя:

И потом просил Лудвик Ляцыону к себе на квартиру. И она тому рада бысть, ибо чаела тут положить желание свое, *еже бы утти ей от отца своего*, и объявила то свое мнение Лудвику. И он тому рад бысть зело. И она итти к нему на квартиру не изволила, но скоро пошла в дом свой и всех и[с] своей спални дам распустила, токмо одна юнкор девка осталас, и она мнение свое объявила. И *набравши всяких вещей бралантовых и алмазных две великие шкатулы, також и чемодан с платьем, да и червонцов взяла, насыпавши в шкатулу пятьсот тысяч*, и тайно нощию тою с одной своей девкой вышедши и[с] свося спални, и пришла в сад, и то все передала Лудвику в окно <...> И повеле Лудвик закладывать лошадей в кореты, також и седлатъ. И забравшис со всем своим капиталом и взяв возлюбленную свою Ляцыону, посадил с собою в корету, також и девку-юнкар, и поидоша тихо из града (л. 275 – 275 об.).

Начало и окончание Гистории – надзор за девицей и бегство влюбленных – на первый взгляд сближает ее с упомянутым выше сюжетом об украденной жене (СУС 860В* «Украденная жена», СУС и АТУ 1419Е «Подземный ход к дому любовника») ¹¹. Однако в ней отсутствуют характерные для новелл этого типа сюжетные пуанты: нет тайного хода или другого оригинального проникновения в уединенное жилище, нет игры в двойника.

Ряд беллетристических произведений – о Петре Златых Ключей, о российском кавалере Александре, об Алфонзе Рамире и Ангелике – не имеют мотива заклю-

⁹ Ср.: P234 «Отец и дочь», F575 «Исключительная красота», J140 «Мудрость (знания), приобретенная через обучение», J1111 «Умная девушка», D1710 «Обладание волшебными силами».

¹⁰ Повести об Алфонзе Рамире и Ангелике посвящена статья: [Курьшева, 2011].

¹¹ Сюжет об увозе жены в варианте АТУ 1419Е «Подземный ход к дому любовника (Inclusa)» представлен в русской рукописной беллетристике четырьмя произведениями: переводной новеллой о короле, его жене и рыцаре из сборника Повесть о семи мудрецах, «Историей о короле Делфе Сирском», «Историей о португальской королевне Анне и о гишпанском королевиче Александре», а также недавно найденной «Повестью о гишпанском короле Бренгдере и о супруге ево королевне Меригдете». Исследованию соотношения первых трех памятников посвящена статья: [Лихтман, 1976], последнее беллетристическое произведение готовится нами к публикации.

чения девицы в особом доме (башне), но в них имеются и тайный возлюбленный, и бегство любовников из дома. Отъезд Лудвика и Ляцыоны, описание «багажа» беглянки, в который входят деньги, драгоценности и вещи, напоминают сцену бегства из Повести о Петре Златых Ключей. Вот соответствующий эпизод из повествования о Петре и Магилене:

И князь Петр шед на двор свой с великим с веселием и стал готовиться. *А кра-левна ждала уреченного часу и тайно готовилась <...>* Потом взяла себе королевна злата и сребра множество много, и драгих запан, и вещей всяких преузорочных. Князь же Петр взял королевну и посади ее на конь, а на другой конь положил себе на потребу и королевне, что дорогою есть, а на третий конь сам сел (Повесть о Петре Златых Ключей, 1964, с. 301).

Кроме того, описание бегства любовников в Гистории отчасти сходствует с эпизодом из романа об Алфонзе Рамире и Ангелике, в котором героиня и ее возлюбленный бегут из города, прихватив драгоценности:

Ангелика, усмотря, что отец ее к защищению пролома побежал, надеясь, что он город от французов отстоял, и для того согласясь с мнимою своею камер-фрелиною Рамирою, то есть маркезом де Медором, *все свои драгоценнейшия клейноты забрала к себе*, с Рамирою в дом Родерика-купца гишпанского отослала, а по убрании всего, видя, что мать ее королева от печали вне себя находилась, и *избрав то за способной к побегу своему случай*, и сама с Рамирою в дом Родериков ушла и там опасаясь, чтоб ее не опознали, убрався в кавалерское платье, скрылась (История о Алфонзе Рамире и Ангелике, л. 37 об. – 38).

Несмотря на то что побег из дома довольно частотен в русских повестях (это повести на сюжет АТУ 1419Е, а также Повесть о Фроле Скобееве, Повесть о русском кавалере Александре и др.), детали побега скорее связывают Гисторию с Повестью о Петре Златых Ключей и романом об Алфонзе Рамире и Ангелике.

Перейдем к следующему мотиву, имеющему сюжетообразующее значение. С самого начала развитие действия в Гистории осложнено мотивом похвальбы. Барон велит прийти дочери в собрание, чтобы похвастаться перед гостями ее красотой и умом:

...барон Август посла камординера своего по свою дочь прекрасную Ляцыону и приказал просить, чтоб изволила быть к ним в компанию и *учинила бы себя всем явну, дабы знали премудрость ее и в ьностранных государствах <...>* «да повелит мне благородие твое показати пред сими гостьми нашими некую часть от обретающихся во мне премудростей, да видевши мою хитрость в своем государстве *прославлять дела и обхождения нашего государства*» (л. 269 об. – 270 об.).

В русской беллетристике встречается похвальба добродетелью жены. Во-первых, это Повесть о купце, заложившемся о добродетели жены своей, в основе которой лежит переведенная с польского языка новелла Боккаччо [Malek, 2013]. Действие запускает спор-заклад о женской верности, часть которого составляет похвальба купца Викентия добродетелью жены¹². Этот мотив – N15 «Спор о целомудрии» – открывает повествование, относящееся к сказочному типу «Спор о верности жены» (АТУ 882 «Спор о целомудрии (Цимбелин)», СУС 882А).

¹² В сюжетно близкой Повести о дворянине Карле и его сестре Софии мотивов похвальбы и заклада нет.

В фольклорной традиции, как показало исследование И. Жепниковской, диапазон хвастовства шире: встречаются похвальба богатством, конем, казной, красотой и добродетелью жены [Rzernikowska, 2015, s. 58–60].

Во-вторых, в рукописной беллетристике есть пример того, как мотив похвальбы добродетелью оказывается частью другого сюжета. В Гистории о Ярополе царевиче сановник хвастается перед царем добродетелью дочери и впоследствии при участии царя убеждается в том, что ничего о ней не знает [Николаева, 1949, с. 62]. В этой части повествования реализуется сюжет о покинутом сыне, и он осложнен мотивами, благодаря которым в нем появляются дополнительные оттенки: N15 «Спор о целомудрии», Q330 «Наказание самонадеянности», подземный ход из АТУ 1419Е «Заключенная красавица (Inclusa)».

Еще одно популярное в России произведение, в котором отец хвастается дочерью, более других сходно с Гисторией. Это уже упомянутая История о Алфонзе Рамире и Ангелике. Король Дезидерий особенно любит младшую дочь и, гордясь ее красотой и разумом, ожидает от того получить своему государству большие выгоды:

Четвертая же принцесса Ангелика была еще в малых летех и *красотою своею пред многими* в то время в Европе знатными девицами *сияла, к тому же и острою разума от природы была одарена*, чего ради отец ее король, надеясь из нея *к распространению государства своего знатной пользы*, особливо ее любил и обучал чрез призванных из разных государств профессоров всем принадлежащим к знатым принцессам наукам. А как оныя профессоры в постижении возраста ее 12 лет объявили, что она все их науки совершенно знает и окончила, тогда король Дезедерий для увеселения ее учредил в столичном своем граде Тинине публичные оперы и комедии... Потом учрежденныя от короля Дезедерия в столичном ево граде Тинине для принцессы Ангелики оперы и комедии прославились во всей Европе, что многие европейских дворов принцы для увеселения оными в Тинин приехали и королю Дезедерию объявились... *Дезедерий же, желая себе наивысшие в Европе почтение получить*, всех приезжих в Тинин иностранных ковалеров принимал по достоинству их с особливою учтивостию, и имел их при дворе своем, и чинил богатая трапезы, балы и куртаки, при чем многия, видя красоту принцессы Ангелики прекрасной, пламенем любви к ней возгорелись» (История о Алфонзе Рамире и Ангелике, л. 2–3).

Как мы видим, с популярным романом об Алфонзе Рамире и Ангелике Гисторию объединяют мотивы красоты и ума героини, обучения наукам, гордости отца за дочь, его ожидания пользы от этого, а именно возрастания собственного влияния среди европейских народов и государств.

Мы выявили сюжетную основу Гистории. Она сводится к побегу девушки из дома с возлюбленным. Перейдем к поиску параллелей к центральным эпизодам Гистории, повествующим о знакомстве молодых людей и об их встрече в саду.

Любовь вспыхивает между персонажами во время званого обеда (ср.: T15 «Любовь с первого взгляда», T34 «Влюбленные встречаются на светском мероприятии»):

Потом поидоша все и седоша по стулам. Лудвик же к Ляцыоне весма воспалился любовию сердечною, тако ж и она к нему. И сяде Лудвик в стуле против Ляцыони. И *друг на друга zelo умилительно взирали и многие тут промеж себя учинили мины* (л. 270 об.).

В продолжение вечера Ляцыона при помощи своего искусства устраивает для гостей видение, содержание которого состоит в том, что сама богиня Венера соединяет влюбленных¹³. Затем следуют речи влюбленных, танцы и объяснение в любви, которое сопровождает обмен подарками: Лудвик получает перстень, а Ляцыона – табакерку с портретом возлюбленного. Подобный эпизод имеется в романе о Алфонзе Рамире и Ангелике.

Описание искусного танца, эффекта, производимого им, наряду с описанием мастерского владения музыкальным инструментом, входит в «канон» многих любовных историй. Мы встречаем такие эпизоды в Повести об Аполлонии Тирском, в Гистории о царевиче Ярополе, в Гистории о Франце Мемзонзилиусе. Обратим внимание на сцену совместного танца Моафа и Алемпиады, в которой мы имеем почти дословное совпадение с Гисторией (ср. с цитатой выше):

И оной царевич так тонцова с королевною, что от поту лица своего не можно терпеть, а ростатца не охото, понеже *друг на друга взирали и любезныя мины подавали*, точию не можно было словесно говорети о любви, что все на них смотрят и очей своих не сносят (Гистория о царевиче Ярополе, 1905, с. 187).

Предположение о связи этих произведений требует дополнительного исследования. Не исключено, что это совпадение речений восходит к общему фонду любовных формул. Выражения «учинить мины» и «подавать любезные мины» восходят к фр. выражению *faire bonne mine à quelqu'un* [Епишкин, 2010; СлРЯ, 2001, с. 191]¹⁴.

Обратимся к эпизоду, в котором баронская дочь видит героя во второй раз и пленяется его игрой на музыкальном инструменте (ср. Т56.1 «Невеста (возлюбленная) привлечена музыкой»). Вернувшись с посольского приема, Лудвик садится в своей квартире напротив открытого окна, чтобы насладиться свежим воздухом. Увидев красивый дом, он узнает через слуг, что это дом Ляцыоны. Обрадовавшись удобному случаю, он играет на арфе так, чтобы возлюбленная услышала его. Привлеченная звучанием неизвестного инструмента, Ляцыона сначала слушает музыку из своих покоев, а затем выходит к Лудвику в сад:

И как пришел Лудвик на свою квартиру, и розделся и был толко в одном шлафоре, курил трубку, сидя на своей постеле, и тогда стал быть глубокий вечер. И он повеле своему камордину отворить окно для приятности от зори благовойнаго воздуха... тогда Лудвик... сел под тем окном против спални Ляцыониной в сад и *взял арфу и нача играть весма изрядные и веселые танцы*. А в Аглянце никогда ниhto на том инструменте не игрывал. И как Ляцыона услышела оногo инструмента звук, и прибежала скоро к окну с не со многими дамами, и отворила окно, нача слушать игры тоя, кто и где и на каком инструменте *так весма пресладко играет*, и много смотривши и слушавши. Усмотрила одна дама в окне сидящаго Лудвика, играюща на том инструменте. А Лудвик давно уже видит, что Ляцыона смотрит <...> Тогда Ляцыона увидела и познала, что то сидит Лодвик (*так!*), и весма бысть в великом веселии, и скоро пошла с теми дамами... И как пришли в сад, увидел ея Лудвик,

¹³ Содержание видения проанализировано: *Курьшева Л. А.* Гистория о девице Ляцыоне как русская беллетристическая повесть времен правления Елизаветы Петровны (подготовлена к печати). По нашей гипотезе, эпизод связан с сюжетом плафона «Триумф Венеры», исполненным Тъеполо для дворца М. И. Воронцова.

¹⁴ Ср.: [Richelet, 1694, vol. 2, p. 35].

не мог вытерпеть, и как сидел, так и вышел скоро с одним своим камордином в сад тот, играя на арфе зело веселые канты (л. 273 об. – 274 об.).

Помимо Гистории, мотив встречи влюбленных в саду (см. Т35 «Свидание влюбленных») мы имеем в Повести о российском кавалере Александре, романе об Алфонзе Рамире и Ангелике, Гистории о Фенарсе и Феантере.

В русской беллетристике XVII–XVIII вв. мы встречаем упоминания о мастерской игре на различных музыкальных инструментах: на гусях (повести о Василии Златовласом, об Аполлонии Тирском), на цитре (повесть о Долторне и Элеоноре), на флейте-реверсе (повести о российском кавалере Александре, о французском сыне), на арфе (повести о Франце Мемзонзилиусе, о Ярополе царевиче, о Василии Кариоцком, о шляхецком сыне и Гистория).

Мотив искусного владения музыкальным инструментом (ср.: Т56.1 «Возлюбленная (невеста) привлечена музыкой» и Т56.1.1. «Внимание невесты привлечено флейтой») имеет сюжетобразующее значение во многих беллетристических произведениях. Во-первых, это повести о разборчивой невесте. Искусная игра на музыкальном инструменте позволяет отвергнутому жениху под видом слуги проникнуть в королевское окружение, завоевать доверие, а затем отомстить высокомерной принцессе. Это повести о Василии Златовласом, о Франце Мемзонзилиусе, о французском сыне.

Во-вторых, этот мотив используется в сюжетах о женитьбе на царской дочери (повести об Аполлонии Тирском, о Ярополе царевиче, в какой-то степени – о шляхецком сыне). За мастерское владение музыкальным инструментом (ср. F679.9), чудесное пение (F688 «Человек с чудесным голосом») и искусный танец (F699.1 «Чудесный танцор») герой получает в жены царскую дочь.

В-третьих, он задействован в сюжетах, где есть разлученные любовники. Когда-то влюбленные музицировали вместе, при помощи знакомой обоим мелодии герой дает знать возлюбленной о себе (Повесть о Долторне и Элеоноре, Повесть о Василии Кариоцком)¹⁵.

Кроме того, в рукописных повестях мы встречаем игру героя на музыкальном инструменте для собственного увеселения. В то время как он забавляет себя музыкой, его игру слышит будущая возлюбленная. Это мотив, популярный в мировой литературе. Так описана первая встреча идеальных любовников в средневековом романе о Тристане и Изольде. Во всех европейских версиях Тристану сопутствует слава искусного музыканта-арфиста [Михайлов, 1976, с. 628–629, 632; Покровская, 1994, с. 42]. Раненый Тристан просит положить с ним в лодку музыкальные инструменты и пустить ее по воле волн. Лодку приносит к берегам Ирландии, он лежит под балдахином в лодке и играет на арфе. Чудную игру слышат в королевском дворце, и очарованные искусством король и его дочь приходят на берег моря. Русских текстов перевода этого романа неизвестно, однако прозаическая старобелорусская версия романа – Повесть о Трыщане – появилась в виде рукописной книги уже в XVI в. Вот соответствующий эпизод:

И рек Трыщан: «И хотя пак умру там, однакож и тут умру, а коли будет божья воля, ино мя море и ветр к фортуне прынесет. А коли будет судно готово, *вложы мя в него и дай ми мою арфу, а другую лютню, а на час себе гуду, абы ми туги и болести легъчало*» <...> И так шли два дни, и прыгнула его фортуна в Орленьдэю

¹⁵ О генетической связи повестей в этом эпизоде см.: [Моисеева, 1965, с. 50].

под один город, в котором был король Ленъвиз. Тот мел в себе жону, сестру короля Амурата, которого убил Трыщан, и мел в себе дочку на имя Ижоту. Она панна велми знала лекарство от ран, и не было тое раны, которое бы не могла злечыти. *И коли Трыщан был на край моря перед замком, он с того был велми весел и взял арфу и настроил и почал играти, што нацудней мог.*

Король Ленъвиз видел с палацу и прыступил ближе и слухал великий час, и было ему видет велми дивно, *иж так цудне и жалостне играл*, а судно коштовно покрыто злотоглаво {парчою}. И призвал к себе королеву, и она видела судно и слышала арфу и дивилася много.

И рекла королю: «Прошу тебе, идемо видети онога дива». И пошли надол к мору самидва и слухали арфы, поки перестал (Повесть о Трыщане, 1888, с. 23–24).

Близкую сюжетную ситуацию мы встречаем в Повести о российском кавалере Александре:

Во един же от дней тех к вечеру *наиде на Александра незатное уныние*, от которого никоими забавами избавится нем мог. *И взял флейт-реверс, и нача играти, и мало себе тем от уныния увеселил.* Которая игра ево была слышна в помянутых пасторских полатах... И такой ево флейт-реверс подавал глас, что пасторская дочь от сна пробудилась и послала девку свою Ассилию проведать, кто играет, *а сама села у окна в близости и с великим умилением слушала...* игра она великое желание и к слушанию ея привлекла (Повесть о российском кавалере Александре, 1965, с. 215).

При этом есть отличия в Гистории и Повести о российском кавалере Александре. Хотя элемент случайности встречи присутствует в Гистории, однако Лудвик намеренно привлекает внимание Ляцыоны игрой на арфе – инструменте, неизвестном никому в городе:

А в Аглянце никогда никто на том инструменте не игрывал <...> и вышел скоро с одним своим камордином в сад тот, играя на арфе зело веселье канты. И подшед к Ляцыоне, и ей поклонился, и рече французским языком: «Здравствуй, любезная моя Ляцыона». Тогда и она ему поздравовала и просила: «Господин ковалер, как сей инструмент зовется?». И он сказал: «Инструмент сей, государыни, зовется арфа, а я учился играть на ней ва Британии» (л. 274 об. – 275).

Признаем, что в этом эпизоде есть пока не объяснимая сторона. Во времена создания повести, а именно в середине XVIII в., признанной страной, воспитывающей лучших арфистов, считалась Италия [Покровская, 1994, с. 46; 2018, с. 21–22]. Современное название инструмента – *арфа* – дал также местный диалект латинского языка. И хотя родиной инструмента по праву считается Британия (Шотландия, Англия и Уэльс), там инструмент имел другое наименование, которое использовалось вплоть до начала XVIII в. [Покровская, 1994, с. 29–42; 2018, с. 16]. Согласно Гистории, Лудвик обучился игре на арфе в Британии¹⁶, и это не вполне согласуется с реалиями того времени. Остается предположить литературное происхождение мотива. В одной из версий романа Изольда спрашивает, где Тристан постиг искусство игры на арфе. На что он неопределенно отвечает «там». Но читатель знает, что к берегам Ирландии Тристан пребывает из Англии. Таким образом, искусная игра Лудвика на удивительном инструменте – арфе – и упоминание

¹⁶ Ср.: лексема «вританы» для обозначения жителей Великобритании (Британии) [СлРЯ, 1985, с. 140–141].

вание об обучении музицированию на нем в Англии, возможно, служит литературной отсылкой к легенде о Тристане и Изольде. Не исключаем и другой вариант объяснения: поскольку, как мы показали в другой статье, это беллетристическое произведение представляет собой повесть «с ключом», упоминание об арфе и Британии имеет отношение к биографии прототипа Лудвика.

Мы выявили сюжетную основу Гистории. Она сводится к побегу дочери из-под опеки отца и при этом не имеет прямой связи с популярными сюжетами о похищении девической чести или об увозе жены. В Гистории отсутствуют новеллистические пуанты, характерные для повестей о разборчивой невесте, а также сказочные типы АТУ 882 и 1419Е, делающие повествование необычным и занимательным: нет оригинального проникновения в уединенное жилище, нет тайного хода и игры в двойника. Описание встречи молодых людей и их бегства «обыгвлено». Что косвенно подтверждает нашу гипотезу о том, что главным эпизодом Гистории является содержание видения, устроенного искусством Ляцыоны, – соединение Венерой двух влюбленных. Видение занимает существенную часть текста, особенно по сравнению с описаниями сговора о побеге и отъезда Ляцыоны и ее возлюбленного. В деталях и мотивных компонентах Гистории обнаруживаются параллели с Повестью о Петре Златых Ключей, с романом об Алфонсе Рамире и Ангелике, с Повестью о российском кавалере Александре и, возможно, с Гисторией о Ярополе царевиче и старобелорусской Повестью о Трыщане.

Повесть входит в так называемую «пятую рукопись» сборной рукописи из Основного собрания НИОР БАН (19.2.38, л. 267 – 275 об.). В целом сборная рукопись датирована третьей четвертью XVIII в. [ОРО БАН, 1951, с. 342]. Между тем в интересующей нас пятой рукописи сборника преобладает бумага с тремя типами филиграней, использование которой относится к 1750–1760-м гг.: 1) Литеры «ФК» и «ПР» [Клепиков, 1978, № 965, 1753 г.]; 2) герб Ярославля (тип 3) и литеры «ЯМЗ» (крупно) [Там же, № 1070, 1756 г.]; 3) «ЯМАЗ» [Там же, № 1054, 1765 г.]. Таким образом, формирование рукописи, в которой располагается Гистория, относится к 1750–1760-м гг.

В рукописи Гистории имеются ошибки писца, из чего можно заключить, что перед нами список произведения, а не протограф. Представим литературное окружение этого оригинального произведения. Оно состоит из популярных любовных повестей, большая часть которых встречается в других сборниках беллетристического характера. Поименуем их, приведя названия в кратком варианте, в соответствии с общепринятыми в исследовательской литературе, или по именам главных действующих лиц): 1) История о Цылодне и Цыццилии; 2) История о Лафари и Маргарите; 3) История о Арзасе и Размире; 4) История о Гендрике и Меленде; 5) Гистория о девице Ляцыоне; 6) Гистория о Ипполите и Жулии; 7) Гистория о Евдоне и Берфе.

Дополним существующее описание наблюдениями о писцовых и читательских пометах. На л. 267 над заглавием тем же почерком, каким написана вся повесть, но другими чернилами выполнена орнаментальная надпись «Гистория». На этом же листе имеется читательская помета, написанная другим почерком – «Прачтена»; написано дважды – сразу под заглавием и на нижнем поле листа. На л. 275 об. под окончанием повести тем же писцовым почерком, но другими чернилами следует несколько записей (нумерация введена нами для удобства): 1) «сим кончилос»; 2) «любезная и всему свету куриозная инвертура»; 3) «Валтасар король Тадурец-

кой»; 4) «любезная и всему свету курioзная инвентура во аглинском королевстве недавно в минувшем веце бысть случившаяся и чрез труды обретенная и на свет произведенная»; 5) «вече бысть»; 6) «о Ипполите»; 7) «Гистория о Ипполите и Жулии»; 8) «Цылодом»; 9) «Валтасар король Табурецкой»; 9) «паде Вавилон». Кроме того, между строк вписано «куриозна» и «я я».

Перед нами пробы пера – короткие цитаты – и краткие обозначения повестей. Так, 2-я и 4-я записи, как и повторы из них – 5-я и 6-я, имеют отношение к популярной Истории о Ипполите и Жулии, которая следует в этой рукописи за Историей о девице Ляцыоне. А имя персонажа «Валтасар», король Табурецкий или Тадурецкий, следующее из 3-й и 9-й записей, является единственным упоминанием, по-видимому, о не дошедшей до нашего времени рукописной повести. Запись 8-я, вероятно, кратко обозначает повесть о Цылодоне и Цыцylie, которая открывает череду повестей в этой тетради (см. выше порядок повестей). Таким образом, записи на этом листе представляют собой «перечень различных “гисторий”» [Новицкая, Ромодановская, 1998, с. 191], сделанный писцом, возможно, для краткого напоминания самому себе.

При публикации Истории (см. приложение), особенности правописания оригинала сохранены со следующими отступлениями к новым орфографическим нормам: ер (ь) на конце слов опущен; устаревшие знаки «ять» и «омега» заменены на *e* и *o*, ижица и *i* – на *u*. Воспроизводятся особенности произношения того времени, отраженные в правописании: форма прилагательного мужского рода единственного числа на -ой («зовомой Аглянец»), форма множественного числа на -ия («дамския персоны»); графическое отражение аканья. Сохранено правописание, если оно передает особенности языка оригинала. Пунктуационные знаки по возможности приведены в соответствие с современными нормами.

Список литературы

АТУ – *Aarne A. – Thompson St. – Uther H.-J. Index of international folktales.* URL: <https://libraryguides.missouri.edu/c.php?g=1039894&p=7541717> (дата обращения 07.09.2024).

Веселовский А. Н. Сказания о красавице в тереме и русская былина о Подсолнечном царстве // Журнал Министерства народного просвещения. 1878. Ч. 196, № 4, Отд. науки. С. 183–238.

Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭСТ, 2010. 5140 с.

Клепиков С. А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII – начала XX в. М.: Наука, 1978. 236 с.

Курьшева Л. А. Историческое предание и литературные источники в рукописном романе «История о Алфонзе Рамире» // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 11–19.

Лихтман З. Т. Из истории одного сюжета (повесть об украденной жене) // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII – начало XVIII в.). М.: Наука, 1976. С. 243–262.

Михайлов А. Д. История легенды о Тристане и Изольде // Легенда о Тристане и Изольде / Изд. подгот. А. Д. Михайлов. М.: Наука, 1976. С. 623–697.

Моисеева Г. Н. Идеино-художественный анализ повести о российском матросе Василии // Русские повести первой трети XVIII века / Исслед. и подгот. текстов Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1965. С. 39–56.

Николаева М. В. «История о Ярополе царевиче» и сказочно-былинная традиция // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 7. С. 52–66.

Новицкая М. Ю., Ромодановская Е. К. Об источниках и структуре Повести о королевиче Валтасаре // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 191–209. (Археография и источниковедение Сибири; [вып. 18])

ОРО БАН – Описание рукописного отделения БАН / Под ред. А. П. Конусова, В. Ф. Покровской. М.; Л., 1951. СССР. Т. 4. Вып. 1 (Повести, романы, сказания, сказки, рассказы). 589 с.

Покровская Н. Н. История исполнительства на арфе. Курс лекций для оркестровых факультетов (струнное отделение) музыкальных вузов. Новосибирск: НГК им. М. И. Глинки, 1994. 352 с.

Покровская Н. Н. Арфа в эпоху высокого Ренессанса и барокко // Вестник КемГУКИ. 2018. № 45. С. 13–30.

Пытин А. Н. Для любителей книжной старины. Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII века. М., 1888. 74 с.

СлРЯ – Словарь русского языка XVIII в. Л.: Наука, 1985. Вып. 2. 247 с.; СПб.: Наука, 2001. Вып. 12. 252 с.

Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века: материалы для истории русской литературы XVIII века. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 267 с.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточно-славянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.

Binder G. Danae // Enzyklopaedie des Maerchens. Handwoerterbuch zur historischen und vergleichenden Erzaehlforschung / Hrsg. von K. Ranke. Goettingen: De Gruyter, 1977. Bd. 1. S. 259–267.

Enzyklopaedie des Maerchens. Handwoerterbuch zur historischen und vergleichenden Erzaehlforschung / Hrsg. von K. Ranke. Goettingen; Berlin; New York, De Gruyter, 1977–2015, Bd. 1–15.

Kuehne U. Inclusa (AaTh 1419E) // Enzyklopaedie des Maerchens. Handwoerterbuch zur historischen und vergleichenden Erzaehlforschung / Hrsg. von K. Ranke. Goettingen: De Gruyter, 1993. Bd. 7. S. 109–113.

Malek E. «Повесть утешная о купце» Беньяша Будного в Польше и на Руси. (Между ренессансной новеллой и назидательной повестью). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2013. 270 с.

Malek E. История о Гендрике и Меленде и ее драматическая обработка. К вопросу о судьбе древнепольского романа в России. Warszawa: BEL Studio, 2017. 257 с.

Richelet P. Dictionnaire françois, contenant les mots et les choses, plusieurs nouvelles et remarques sur la langue françoise. Genève: chez J. H. Widerhold, 1694. Vol. 2. 97 p.

Rotunda D. P. Motif-Index of the Italian Novella. Bloomington, Indiana, 1942. 216 p.

Rua G. *Novelle del "Mambriano" del Cieco da Ferrara*. Torino: Ermanno Loecher, 1888. 149 p.

Rzepnikowska I. Сказки типа «Спор о верности жены» и древнерусские редакции Повести о купце Беньяша Будного (эпизоды первой части) // *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Rossica*. 2015. Zeszyt specjalny: Tradycja i inwencja w literaturach słowiańskich. Традиция и инвенция в славянских литературах. S. 53–66.

Thompson St. *Motif-Index of Folk-Literatur*. URL: <http://folkmasa.org/motiv/motif.htm> (дата обращения 07.09.2024).

Список источников

Гистория – БАН. № 19.2.38. Л. 267 – 275 об. Гистория о девице Ляцыоне, баронской дочери аглянских баронов Римскаго и Цесарских областей правления, и о ея премудрости.

Гистория о царевиче Ярополе // Сиповский В. В. *Русские повести XVII – XVIII вв.* СПб.: И. С. Суворин, 1905. С. 180–241.

История о Алфонзе Рамире и Ангелике – БАН. № 19.2.38. Л. 1 – 89 об. История о Алфонзе Рамире короле гишпанском и о прекрасной Ангелике пренцесе лонгобардской именуемая неистовый Ролянд.

Повесть о Петре Златых Ключей / Подгот. В. Д. Кузьминой // Кузьмина В. Д. *Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых Ключей*. М.: Наука, 1964. С. 275–331.

Повесть о российском кавалере Александре // *Русские повести первой трети XVIII века / Исслед. и подгот. текстов Г. Н. Моисеевой*. М; Л., 1965. С. 211–294.

Повесть о семи мудрецах / Подгот. и коммент. И. Д. Казовской // *Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 1*. М.: Худож. лит., 1988. С. 192–266.

Повесть о семи мудрецах / Подгот. и коммент. И. Д. Казовской // *Библиотека литературы Древней Руси*. СПб.: Наука, 2006. Т. 15: XVII в. С. 175–227.

Повесть о Трыщане // Веселовский А. Н. *Из истории романа и повести*. СПб., 1888. Вып. 2. Славяно-романский отдел. С. 1–127 второй пагинации.

Повесть о Фларенте и Георгии / Подгот. Ю. К. Бегунова // *XVIII век*. СПб.: Наука, 1993. Сб. 18. С. 386–397.

«Слово о судьбах божиих, яко небо и земля мимо идет, а словеса моя не имут преити» / Подгот. Е. К. Ромодановской // *Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири*. Новосибирск: Наука, 1982. С. 239–241.

References

Aarne A. – Thompson St. – Uther H.-J. *Index of international folktales*. URL: <https://libraryguides.missouri.edu/c.php?g=1039894&p=7541717> (accessed 07.09.2024).

Barag L. G., Berezovsky I. P., Kabashnikov K. P., Novikov N. V. (eds.). *Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov. Vostochno-slavyanskaya skazka [Comparative Index of Plots. East Slavic Fairy Tale]*. Leningrad, Nauka, 1979, 437 p. (in Russ.)

Binder G. Danae. In: Ranke K. von. (Hrsg.). *Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung*. Goettingen, De Gruyter, 1977, Bd. 1, S. 259–267.

Epishkin N. I. Istoricheskii slovar' gallitsizmov russkogo yazyka [Historical dictionary of Gallicisms of the Russian language]. Moscow, EST Publ., 2010, 5140 p. (in Russ.)

Klepikov S. A. Filigrani na bumage russkogo proizvodstva XVIII – nachala XX v. [Filigree on Russian paper, 18th – early 20th century]. Moscow, Nauka, 1978, 236 p. (in Russ.)

Konusov A. P., Pokrovskaya V. F. (ed.). Opisanie rukopisnogo otdeleniya BAN SSSR [Description of the manuscript department of the BAN USSR]. Moscow, Leningrad, 1951, vol. 4, iss. 1, 589 p. (in Russ.)

Kuehne U. Inclusa (AaTh 1419E). In: Ranke K. von. (Hrsg.). Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung. Goettingen, De Gruyter, 1993, Bd. 7, S. 109–113.

Kuryshcheva L. A. Istoricheskoe predanie i literaturnye istochniki v rukopisnom romane “Istoriya o Alfonze Ramire” [Historical Tradition and Literary Sources in the Handwritten Novel “The Story of Alfonso Ramir”]. *Siberian Journal of Philology*, 2011, no. 1, pp. 11–19. (in Russ.)

Likhtman Z. T. Iz istorii odnogo syuzheta (povest' ob ukradennoi zhene) [From the history of one plot (a story about a stolen wife)]. In: Novye cherty v russkoi literature i iskusstve (XVII – nachalo XVIII v.) [New features in Russian literature and art (17th – early 18th centuries)]. Moscow, Nauka, 1976, pp. 243–262. (in Russ.)

Małek E. “Povest' uteshnaya o kuptse” Benyasha Budnogo v Pol'she i na Rusi. (Mezhdru renessansnoi novelloi i nazidatel'noi povest'yu) [“The Comforting Tale of the Merchant” by Benyash Budny in Poland and Rus'. (Between the Renaissance Short Story and the Instructive Tale)]. Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2013, 270 s. (in Russ.)

Małek E. Istoriya o Gendrike i Melende i ee dramaticheskaya obrabotka. K voprosu o sud'be drevnepol'skogo romana v Rossii [The story of Gendrik and Melenda and its dramatic adaptation. On the fate of the ancient Polish novel in Russia]. Warszawa, BEL Studio, 2017, 257 s. (in Russ.)

Mikhailov A. D. Istoriya legendy o Tristane i Izol'de [History of the Legend of Tristan and Isolde]. In: Mikhailov A. D. (ed.). Legenda o Tristane i Izol'de [The Legend of Tristan and Isolde]. Moscow, Nauka, 1976, pp. 623–697. (in Russ.)

Moiseeva G. N. Ideino-khudozhestvennyi analiz povesti o rossiiskom matrose Vasiliu [Ideological and artistic analysis of the story about the Russian sailor Vasily]. In: Moiseeva G. N. (ed.). Russkie povesti pervoi treti XVIII veka [Russian stories of the first third of the 18th century]. Moscow, Leningrad, 1965, pp. 39–56. (in Russ.)

Nikolaeva M. V. “Istoriya o Yaropole tsareviche” i skazochno-bylinnaya traditsiya [“The Story of Tsarevich Yaropol” and the Fairy-Tale Tradition]. In: Works of the Department of Old Russian Literature. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1949, vol. 7, pp. 52–66. (in Russ.)

Novitskaya M. Yu., Romodanovskaya E. K. Ob istochnikakh i strukture Povesti o koroleviche Valtasare [On the sources and structure of The Tale of King Belshazzar]. In: Istoriya russkoi dukhovnoi kul'tury v rukopisnom nasledii XVI–XX vv. [History of Russian spiritual culture in the manuscript heritage of the 16th – 20th centuries]. Novosibirsk, 1998, pp. 191–209. (in Russ.)

Pokrovskaya N. N. Arfa v epokhu vysokogo Rennessansa i barokko [The Harp in the High Renaissance and Baroque]. *KemGUKI Bulletin*, 2018, no. 45, pp. 13–30. (in Russ.)

Pokrovskaya N. N. Istoriya ispolnitel'stva na arfe. Kurs lektsii dlya orkestrovnykh fakul'tetov (strunnoe otdelenie) muzykal'nykh vuzov [History of harp performance. Lecture course for orchestral departments (string department) of music universities]. Novosibirsk, 1994, 352 p. (in Russ.)

Pyпин A. N. Dlya lyubitelei knizhnoi stariny. Bibliograficheskii spisok rukopisnykh romanov, povestei, skazok, poem i pr., v osobennosti iz pervoi poloviny XVIII veka [For lovers of old books. A bibliographic list of handwritten novels, stories, fairy tales, poems, etc., especially from the first half of the 18th century]. Moscow, 1888, 74 p. (in Russ.)

Ranke K. von. (Hrsg.). Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung. Goettingen, Berlin, New York, De Gruyter, 1977–2015, Bd. 1–15.

Richelet P. Dictionnaire françois, contenant les mots et les choses, plusieurs nouvelles et remarques sur la langue française. Genève, chez J. H. Widerhold, 1694, vol. 2, 97 p.

Rotunda D. P. Motif-Index of the Italian Novella. Bloomington, Indiana, 1942, 216 p.

Rua G. Novelle del “Mambriano” del Cieco da Ferrara. Torino, Ermanno Loecher, 1888, 149 p. (in Ital.)

Rzepnikowska I. Skazki tipa “Spor o vernosti zheny” i drevnerusskie redaktsii Povesti o kuptse Benyasha Bulnogo (epizody pervoi chasti). In: Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica. 2015. Zeszyt specjalny: Tradycja i inwencja w literaturach słowiańskich. S. 53–66. (in Russ.)

Slovar' russkogo jazyka XVIII v. [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Leningrad, Nauka, 1985, vol. 2, 247 p.; St. Petersburg, Nauka, 2001, vol. 12, 252 p. (in Russ.)

Speransky M. N. Rukopisnye sborniki XVIII veka: materialy dlya istorii russkoi literatury XVIII veka [Manuscript collections of the 18th century: materials for the history of Russian literature of the 18th century]. Moscow, AS USSR Publ., 1963, 267 p. (in Russ.)

Thompson St. Motif-Index of Folk-Literatur. URL: <http://folkmasa.org/motiv/motif.htm> (accessed 07.09.2024).

Veselovsky A. N. Skazaniya o krasavitse v tereme i russkaya bylina o Podsolnechnom tsarstve [Tales of the Beauty in the Tower and the Russian Epic of the Sunflower Kingdom]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of Public Education]*, 1878, pt. 196, no. 4, pp. 183–238. (in Russ.)

List of Sources

BAN [Library of the Academy of Sciences]. No. 19.2.38. Ff. 267–275. Gistoriya o devitse Lyatsyone, baronskoi dochere aglyanskikh baronov Rimskago i Tsesarskikh oblastei pravleniya, i o eya premudrosti [The Story of the Maiden Laciona, the baronial daughter of the Aglan barons of the Roman and Caesarean regions of government, and of her wisdom]. (in Russ.)

Gistoriya o tsareviche Yaropole [History of Prince Yaropol]. In: Sipovsky V. V. Russkie povesti XVII – XVIII vv. [Russian stories of the 17th – 18th centuries]. St. Petersburg, 1905, pp. 180–241. (in Russ.)

Istoriya o Alfonze Ramire [The Story of Alfonso Ramir] – BAN [Library of the Academy of Sciences]. No. 19.2.38. Ff. 1–89. Istoriya o Alfonze Ramire korole gishpanskom i o prekrasnoi Angelike prentsese longobardskoi imenuemaya neistovyi Rolyand [The story of Alfonso Ramir, King of Spain, and the beautiful Angelica, Princess of Longobardia, called the furious Roland]. (in Russ.)

Povest' o Petre Zlatykh Klyuchei [The Roman of Peter Zlatykh Klyuchey]. Ed. by V. D. Kuzmina. In: Kuzmina V. D. Rytsarskii roman na Rusi. Bova, Petr Zlatykh Klyuchei [Knightly Romance in Rus'. Bova, Peter Zlatykh Klyuchey]. Moscow, 1964, pp. 275–331. (in Russ.)

Povest' o rossiiskom kavaliere Aleksandre [The Tale of the Russian Cavalier Alexander]. In: Russkie povesti pervoi treti XVIII veka [Russian tales of the first third of the 18th century]. Ed. by G. N. Moiseeva. Moscow, Leningrad, 1965, pp. 211–294. (in Russ.)

Povest' o semi mudretsakh [The Story of the Seven Wise Men. Ed. by I. D. Kazovskaya. In: Pamyatniki literatury Drevnei Rusi: XVII vek [Monuments of literature of Ancient Rus': 17th century]. Moscow, 1988, vol. 1, pp. 192–266. (in Russ.)

Povest' o semi mudretsakh [The Story of the Seven Wise Men]. Ed. by I. D. Kazovskaya. In: Biblioteka literatury Drevnej Rusi [Library of Literature of Ancient Rus']. St. Petersburg, 2006, vol. 15: 17th century, pp. 175–227. (in Russ.)

Povest' o Tryshchane [The Story of Tristan]. In: Veselovsky A. N. Iz istorii romana i povesti [From the history of the novel and story]. St. Petersburg, 1888, iss. 2. pp. 1–127 second pagination. (in Russ.)

Povest' o Flarente i Georgii [The Story of Flarenta and George]. Ed. by Yu. K. Begunov. In: XVIII vek [18th century]. St. Petersburg, 1993, iss. 18, pp. 386–397. (in Russ.)

“Slovo o sud'bakh bozhiikh, yako nebo i zemlya mimo idet, a slovesa moya ne imut preiti” [“The word about the destinies of God, as heaven and earth pass by, but my words will be fulfilled”]. Ed. by E. K. Romodanovskaya. In: Drevnerusskaya rukopisnaya kniga i ee bytovanie v Sibiri [Old Russian manuscript book and its existence in Siberia]. Novosibirsk, 1982, pp. 239–241. (in Russ.)

Приложение

(Л. 267) Гистория о девице Ляцыоне, баронской дочери аглянских баронов Римскаго и Цесарских областей правления, и о ея премудрости

Бысть в лето от числения Августа-астролога восемь сот шестдесят четвертаго. Близ великаго царствующаго града Рима был город преславны во всем папежском и в^а его цесарском обладании, зовомой Аглянец, которой во всем был подобен великому острову Малтийскому. И как оной остров славен своими ковалеры, так

^а *Испр., в ркп. о.*

сей Аглынец славен своими баронами, ибо во оном быша многое шляхетство, знатные и богатые люди и зело сияющей мудростию и храбростию своею, которые по рекомендацыи // (л. 267 об.) всего римского сикклита именовалися баронами. И во оном городе по регламенту Его цесарскаго величества ведал судом и росправою тамошни же обыватель и зело пребогаты шляхтич барон именем Август, у котораго бысть едина токмо дочь девица именем Ляцыона. И та бе прекраснаго вида и всяких премудростей внутрьду исполнена.

Отец же ея Август не име жены у себе, вдов, токмо одну оную име при себе доч свою. И видев ея красоту и хитрость ума, весма ея сожалел и возлюбил ея весма своею отеческою любовию. Не восхоте же та дочь его с таковою прекрасностию иметь власть в гулянии, дабы никто не похитил девическую красоту ея. Того ради всегда имел ю при себе во единой комнате. Аще же куды случится ему из дому своего ехать, то приставлял тетку ея монахиню, Девору именем, со многими дамскими персонами: да всегда хранят благородие ея и да не допустят до нея // (л. 268) никого же от мужеска полу, но всегда да пребывают у нея дамския персоны и во всем оне ея да наблюдают. Аще же когда поедет х кому на асамблею или на камедию, тогда обыкновен был всегда и ея с собою брать по обыкновению тамошних народов.

Егда же возмужа Ляцыона и бысть лет якобы семнатцети, и войде наукою своею в подобие славной Иреи премудрой, красотою же и добротою и политикой доста же и самыя Минервы, тогда отец ея устрой ей особый дом со многими комнатами и убранством и определи к ней множество дам честных и девиц и множество музыкантов и лакеев, тако ж корет, коней и протчих уборов. И повеле дочери своей тамо бытность свою в чистоте и целомудрии девическом провождати. И тако Ляцыона отгиде во уготованные ей апортаменты с великим веселием и триуном. И бысть тамо дни многия в раскошах, а иногда в науках. //

(л. 268 об.) Поспешила же сластолюбная Венера с проклятым своим Амуром оной Ляцыониной чистоте. Несколко бо времени минувшу прииде в тот град из Великой Цесарии от его цесарскаго величества посол с поздравлением к папе римскому. И бе тракт к Риму, лежит чрез сей город Аглынец, при котором после были многие знатные из его цесарскаго величества войска ковалеры. Промежду же протчими был ковалер именем Лудвик, сын самовластнаго цесарских протенционов князя. И зело был храбр и прекрасен. Яко много во всем цесарском войске не обреталос таковаго, и цесарь его весма жаловал. А послан он с послом за надзирателя.

И как оной посол со всеми своими ковалерами приблизилис ко граду, тогда возвестили про их пришествие господину барону Августу и всему^б их градскому сонму. И он, Август, учинил ему, послу, зело церемониятельную стречу со многолюдством всего града и со многою громогланною (*мак!*) музыкаю. И посол, съехавшис з бароном, учинили^в // (л. 269) промеж себя комплемент. Потом и Лудвик-ковалер с протчими ковалерами приспели в ту же компанию и, учинивши настоящей комплемент, стали иметь между себя всякие разговоры. И барон Август, как увидел Лудвика, весма почудися красоте и храбрости его.

^б Испр., в ркп. всем.

^в Испр., в ркп. учинил.

И тако несколько часов умедля, барон Август войско, присланное с послом, тако ж и всех ковалеров, повелел куриермусам (*так!*) своим роставить по квартирам, тако ж и послу и Лудвику повеле сыскать самые лутчие дворы для постоу их. А самого посла и ковалера Лудвика с протчими знатными ковалеры просил в дом свой на обед. И того посол учинить не отрекся и в дом господина барона ехать изволил со всеми своими благородными, с ним же и Лудвик.

И егда посол и все гости съехалис в дом баронов, тогда повеле барон настилати на стол скатерти и носити кушанье. И как все уготовили, тогда начаша все веселитися и кушать. И как стол отъиде, тогда стали все забавлятися картами, и шахматы, и в тавлеи, приидоша бонбандуристы и начаша забавлятися играть на разных инструментах. // (л. 269 об.) Тогда барон Август посла камординера своего по свою дочь, прекрасную Ляцыону, и приказал просить, чтоб изволила быть к ним в компанию и учинила бы себя всем явну, дабы знали премудрость ея и в ыностранных государствах.

Тогда камординер к Ляцыоне пошел и возвестил ей приказ и прозбу отцовскую. И то слышев, Ляцыона рада бысть и убралас в предрагоценное платье, в самару, и в протчее, на главе же убрала зело пребогатыми вещми. И повеле уготовати от своих апортаментов до отцовых дорогу, по которой^г возымет путь свой. И повеле на ту дорогу настилати ковры персидские, а по сторонам ставить столбы с фонарями, горящими разноцветным^д огнем. Одеание ея бысть самара и протчее, все из серебряной без цветов материи, на главе же многие бралиантовые вещи. И тако убравшис, со множеством девиц и честных дам изволила шествовать в дом отца своего [с]^е предъидущими ей бандуристов и иных музыкантов и с тонцами и пением девическим.

И егда взыде на двор отца своего, и донесли барону, послу и Лудвику, что госпожа Ляцыона // (л. 270) изволит шествовать. Тогда отец ея, и посол, и Лудвик восташа, изыдоша во множестве благородных аглянских и цесарских в сретение ея. И видевшя посол тогда весма почудился красоте и премудрости. Тако же и Лудвик, как узре Ляцыону, жестоко в нея влюбился, и воспалися любовию сердца своего к ней, и зело уязвися на ню, и восхоте иметь за любительницу. Тако ж и протчие ковалеры зело на красоту и премудрость Ляцыонину удивившася, и возлюбиша ю. И как Ляцыона изволи притти пред отца своего на крылцо, тогда учинила отцу своему свой церемониателны комплемент с такою речию: «Государь мой отец, в настоящий день сей светозарны и воздухаприятны пришествия сего благороднаго господина, от его превысочайшаго цесарскаго величества к нашему государю и его иераршеству^ж преосвещеннейшему и высокопреподобнейшему папе посла вам, моему государю и отцу, от всего моего девического сердца усердно поздравляю и сама приидох семо по вашей прозбе, да веселю компанию вашу моими художествами».

^г Испр., в ркп. которому.

^д Испр., в ркп. разноцветный. Конъектура сделана по словообразовательной модели синонимичного слова, встречающегося в этой рукописи, – «разноколерный», хотя не включено чтение «разноцвета[в]ый».

^е В ркп. нет.

^ж Испр., в ркп. иераршества.

И оборотяс к послу и Лудвику, також учтиво поклонилас, // (л. 270 об.) и поздравляла пришествию их, и многословеня (*так!*) произносила арацьи. Потом поидоша все и седоша по стулам. Лудвик же к Ляцьоне весма воспалился любовию сердечною, тако ж и она к нему. И сяде Лудвик в стуле воспалив Ляцьони. И друг на друга зело умилително взирали и многие тут промеж себя учинили мины. Потом, востав Ляцьона с места своего, учинила отцу своему комплемент с такою речью: «Превосходительный государь барон, мой государь отец, возымела я смелость, отложа все мое девическое стыдение против твоего высокоблагородия, произнести слово с моею девическою прозбою. Хошу, да повелит мне благородие твое показати пред сими гостями нашими некую часть от обретающихся во мне премудростей, да видевши мою хитрость, в своем государстве прославлять дела и обхождения нашего государства». То слышевши, отец ея и рече: «Дражайшая Ляцьона, благ твой глагол бысть в сердце моем, и вся, яже хочещи, изволь учинять, буди в твоей воли».

// (л. 271). Тогда восстав Ляцьона, и призва своего камординера, и повеле ему принести водки сиженой из вина хлебного два гарца. И егда камординер водки принес, миску серебряную и поставил пред Ляцьону на стол, тогда Ляцьона взявши меч обнаженны в руку свою, и подняла высоко, и учинила им комплемент ко всем председящим. Потом сяде и дунула на водку, того часа водка загорелася различных колеров огнями.

И внезапно всем председящим помрачишася очи, и видеша друг друга черных аки арапов, токмо едина Ляцьона видом не бысть изменена.

И ослабеша всем уды, яко никто же ни двигнутися, ни говорить не могоша.

И тако им лежащим внезапно бысть звук и шум на воздухе.

И распустися глобус неба.

И слетели два купидона прекраснаго взору, в руках имущи луки, напряжены калеными стрелы, на главе же венцы из лярв леленеющихся.

За ними Меркурий идущ играл на скрипиче и наигрывал зело предивные танцы.

За которыми множество маленьких купидон играющих бежало и некакими разноколерными цветочками дорогу устилала, по которой дороге шествовала Венера убрана зело пребогато и приятностию красоты лица своего превосходила солнечное сияние, имуща в одной руке клубок нитей позлащены, // (л. 271 об.) а в другой – скипетр златы, зело преострый.

И тако сошедши им с неба затворися³ глебус и бысть тишина.

И как оное видение вниде в полаты баронские, и Мекурий стал при дверях и наигрывал танец и сим припевал еще:

«Не хотя Парис иным яблока отдати,

Яко ты, Венера, в любви клубок [и]мати⁴».

А сама Венера пришед сяде на стуле, и погледела на всех гостей и на Лудвика, и усмехнуласа, и призвав Ляцьону, и даде ей к целованию руку. И она руку поцеловала, и поклоняс отъиде, и сяде с Лудвиком рядом. Тогда Венера приказала двема купидонам, да подшедши стрелами своими ранят обеих тех любителей.

³ Далее повтор затворися.

⁴ Испр., в ркп. мати. Конъектура сделана на основании контекста, кроме того ее подкрепляет расположенная выше фраза в описании Венеры: «имуща... клубок».

И тако купиды подшедше ранили в сердца Лудвика и Ляцыону так жестоко, что не мог Лудвик умолчать и закричал: «Ах, что тако ты, Венера, над нами учинила, ныне кроме любезных моей Ляцыоны кто такую мне рану излечит!». И того часа невидимо бысть видение. То и все быша в чувстве, и отверзашася всем очи, и быша аки от сна воставше, и вси дивишася бывшему. Тогда и огонь в водке перестал гореть. // (л. 272) Тогда барон, и посол, и Лудвик, и протчие гости зело подивишася красоте и премудрости Ляцыониной.

Потом стали все гости пить и веселится. И как стали все быть под куражем, тогда Лудвик востав, и налил превеликой букал красного, и подступив к Ляцыоне, и рече: «Здравствуй, прекрасная Ляцыона, в сердце моем зело возлюбленная. Твоего ради здравия сей букал выпью». Тогда Ляцыона стала с места своего и поздравила Лудвика политичным комплементом и со благодарением за его к ней искательство. И как красного выпили, тогда стала играть музыка на разных инструментах и многие кавалеры з дамами стали танцовать, где Лудвик, подшед к Ляцыоне и взяв ея за руку, и пошел с нею тонцовать. И тонцовали многое время так изрядно, что всем во удивление было и в пущее веселие.

И потом все тонцовать перестали, и посол изволил с банкета от барона ийти на свою квартиру, при котором повинно быть Лудвику и всем протчим ковалерам. И оное посолское соизволение // (л. 272 об.) придавало Лудвику немалую печаль. Однако ж^к оную Лудвикову предпостигло счастье, ибо он в тот же мамент, как посол стал подыматся из гостей, пришед к Ляцыоне, и стал на колени, и взял ея обе руки, и нача целовати, и сквозь слезы рече: «О любезная в сердце моя Ляцыона, могла ли ты признать в сем скором времени огнепалющую сердца моего к тебе горячность? И ежели признала, то прошу содержать нас в нашей горячности! А я иные себе в сем свете, кроме вас, моя дражаншая, веселостей не имею, в чем заклинаюс вам всевышним богом, и желал бы, ежели б благоизволила, ваше благородие, бысть тебе к нам присовокупной вечным веселием, которое, ежели не изволите вы отрещися нашей гнусности, и совершенно получить чаю. Токмо прошу ныне вас, превозлюбленную, принять меня в сердечны и нелицемерны твой амур, и учинить твоим любителем, и в котораго знамение верности пожаловать мне с предражайшей руки вашей едино колцо, да то будет нам в любовное предобручение». То выслушав Ляцыона, и подняла его на ноги и рече: «О превозлюбленный мой государь и верный друг Лодвик, // (л. 273) почто так изволите трудить ваше высокоблагородие! Я как еще в первы раз вас увидела, зело распалилас сердце мое к вам любовию, однако ж я оную, хотя и с великим трудом, да могла скрыть в девическом моем корпусе, не ведавши таковые от вас к себе милости. А ныне, как слышу от вас к моей гнусности желанное сердце, весьма о том радуюся, и вашу любительницею быть во весь свой термин жития весьма желаю, и с руки моей перстень тебе, моему любезному, отдаю с прелюбезным моим комплементом. Токмо прошу вас, моего возлюбленного, содержать меня до уреченного времени во всякой девической чистоте».

И тако Ляцыона ласковыми словами Лудвику приветство^л учинивши. И целовалис друг з другом, и сняла Ляцыона перстень с руки своя во сто восемьдесят рублев и подарила Лудвика. А Лудвик ей подарил табакирку, на которой написан

^к Далее повтор однако ж.

^л Испр., в ркп. приветством.

патрет его, и та табакерка ценою в двести шестдесят рублей. А разговаривали оне промеж собою, вышедши из залы. И как промеж себя амур обче утвердили, пришли обратно в зал. И обещался Лудвик с Ляцыоною видетца чрез тритцеть // (л. 273 об.) шесть часов. И тако Ляцыона, пришед в зал, учинила отцу своему, и послу, и всем ковалерам достойный комплемент и пошла во свои покои, радуясь о том, что изыскала себе любителя честнаго.

Потом и посол изволил обратно итти на свою квартиру, при котором Лудвик и все протчие ковалеры пошли. И как посол пришел на квартиру, изволил леч отдыхать, а Лудвика и протчих ковалеров роспутил по своим квартирам. Тогда Лудвик пошел на свою квартиру с своим камордином в великом веселии, что допустило его счастье получить амур с Ляцыоною.

А квартира Лудвикова была весма блиско портаментов Ляцыониных. И как пришел Лудвик на свою квартиру, и розделся и был толко в одном шлафоре, курил трубку, сидя на своей постеле, и тогда стал быть глубокий вечер. И он повеле своему камордину отворить окно для приятности от зори // (л. 274) благовойнаго воздуха. И как окно отворили, тогда Лудвик увидел дом Ляцыонин, зело предивно строен. И посла своего лакея спросить у приворотника: «Чей тот дом, пожалуй, скажи, братец». И воротник сказал ему: «Дом сей началствующаго сим городом баронские дочери прекрасныя Ляцыони, а живет она тут с теткою своею монахиною Деворою, со множеством дамских персон в завсегдашних раскошах. И часто она изволит выходить в сей сад гулять». То слышевши, Лудвиков лакей и пришед к Лудвику, донес все подробно.

Тогда Лудвик весма возрадовася, и скоча [с] стула своего, и ударил трубку о мраморной пол, и закричал: «Благодарю бога, яко щастие к щастию прилож рабу своему!». И пожаловал лакею дватцеть червонных, а сам сел под тем окном против спални Ляцыониной в сад и взял арфу и нача играть весма изрядные и веселье танцы. А в Аглянце никогда никто на том инструменте не игрывал. И как Ляцыона услышела онога инструмента звук, и прибежала скоро к окну с не со многими дамами, // (л. 274 об.) и отворила окно, нача слушать игры тоя, кто и где и на каком инструменте так весма пресладко играет, и много смотривши и слушавши. Усмотрила одна дама в окне сидящаго Лудвика, играюща на том инструменте. А Лудвик давно уже видит, что Ляцыона смотрит. И оная девица, видевши красоту Лудвикову, возвестила Ляцыоне: «Некакой ковалер сидит государыни вас прямо на стуле против окна, играет на некоем инструменте». Тогда Ляцыона увидела и познала, что то сидит Лодвик, и весма бысть в великом веселии, и скоро пошла с теми дамами во оной сад, в котором сошлись ея дому к Лудвиковой квартиры окна.

И как пришли в сад, увидел ея Лудвик, не мог вытерпеть, и как сидел, так и вышел скоро с одним своим камордином в сад тот, играя на арфе зело веселье канты. И подшед к Ляцыоне, и ей поклонился, и рече французским языком: «Здравствуй, любезная моя Ляцыона». Тогда и она ему поздравствовала и просила: «Господин ковалер, как сей инструмент зовется?». И он сказал: «Инструмент сей, государыни, зовется // (л. 275) арфа, а я учился играть на ней ва Британии».

И потом просил Лудвик Ляцыону к себе на квартиру. И она тому рада бысть, ибо чаела тут положить желание свое, еже бы утти ей от отца своего, и объявила то свое мнение Лудвику. И он тому рад бысть зело. И она итти к нему на квартиру не изволила, но скоро пошла в дом свой и всех и[с] своей спални дам распустила,

токмо одна юнкор девка осталас, и она мнение свое объявила. И набравши всяких вещей бралантовых и алмазных две великие шкатулы, також и чемодан с платьем, да и червонцов взяла, насыпавши в шкатулу пятьсот тысяч, и тайно нощию тою с одной своей девкой вышедши и[с] своея спальни, и пришла в сад, и то все передала Лудвику в окно.

Потом Лудвик послал к послу своему своего камордина с прозбою, чтоб его того ж часа уволил в дом в Цесарию, ибо он получил якобы известие, что отец ево кончается. И на то ево прошение посол соизволил его учинить свободна. //

(л. 275 об.) И повеле Лудвик закладывать лошадей в кореты, також и седлать. И забравши со всем своим капиталом и взяв возлюбленную свою Ляцыону, посадил с собою в корету, також и девку-юнкар, и поидоша тихо из града. И как выехали, тогда скоро поехали, и приехав в Цесарию в дом свой через восемь дней, и на пути не видали никакого несчастья. И тамо в доме своем совокупился с Ляцыоною браком, и жил с ею много лет, и умроша в великой славе и чести.

Информация об авторе

Любовь Александровна Курьшева, кандидат филологических наук

Information about the Author

Lyubov A. Kuryшева, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 10.05.2024;
одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 15.07.2024
The article was submitted on 10.05.2024;
approved after reviewing on 15.07.2024; accepted for publication on 15.07.2024*

Научная статья

УДК 821.581

DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-52-65

Образ родины в творчестве Сяо Хун (на материале романа «Сказание о реке Хулань»)

Фэн Ишань

Чанчуньский университет

Чанчунь, Китай

1024495050@qq.com

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена интересом современного литературоведения к изучению концептуальных образов национальных литератур, сформированных базовыми универсалиями этнического сознания и оказавшихся в ситуации порубежного сосуществования и межэтнического взаимодействия. Исследование опирается на биографический, культурно-исторический и структурно-семантический методы при анализе текстов Сяо Хун. Автор использует культурно-исторический, биографический, переводоведческий методы, а также метод имманентного анализа. Делается вывод о том, что образ родины в творчестве Сяо Хун обусловлен влиянием детских впечатлений писательницы, ее воспоминаний о малой родине – городке Хулани, а также новаторским стремлением Сяо Хун запечатлеть наследие феодального прошлого в сознании простых жителей Северо-Востока. Интуитивно нащупывая пути социально-культурного, социально-психологического анализа, Сяо Хун скрупулезно воссоздает неприглядные стороны жизни китайцев начала XX в., живущих в плену традиционных феодальных порядков и представлений. Но субъектная организация повествования – лиризация в купе с автобиографизмом – эксплицирует базовые этнические представления, определяющие отношение китайцев к родине и родной земле. «Хулань» является первым этнографическим и одновременно глубоко патриотическим произведением китайской писательницы, осуществившей революцию в художественном мышлении Китая первой половины XX в.

Ключевые слова

китайская проза, образ родины, северо-восточные писатели Китая, Сяо Хун, Хулань, этническое сознание, художественный этнографизм

Для цитирования

Фэн Ишань. Образ родины в творчестве Сяо Хун (на материале романа «Сказание о реке Хулань») // Сюжетология и сюжетография. 2024. № 3. С. 52–65. DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-52-65

© Фэн Ишань, 2024

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2024. № 3. С. 52–65

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2024, no. 3, pp. 52–65

The Image of the Motherland in the Works of Xiao Hong (Based on the Material of the Novel “The Tale of the Hulan River”)

Feng Yishan

Changchun University
Changchun, China
1024495050@qq.com

Abstract

The relevance of the study is based on the interest of modern literary studies to the study of conceptual images of national literatures, formed by the basic universals of ethnic consciousness and found themselves in a situation of frontier coexistence and interethnic interaction. The study relies on biographical, cultural-historical and structural-semantic methods in analyzing Xiao Hong's texts. The author uses cultural-historical, biographical, translation and immanent analysis methods. The author concludes that the image of homeland in Xiao Hong's works is conditioned by the influence of the writer's childhood impressions, her memories of her small homeland – the town of Hulani, as well as by Xiao Hong's innovative desire to capture the heritage of the feudal past in the minds of ordinary people of the Northeast. Intuitively finding ways of socio-cultural and socio-psychological analysis, Xiao Hong meticulously recreates the unsightly aspects of life of the Chinese of the early 20th century, living in the captivity of traditional feudal orders and ideas. But the subject organization of the narrative – lyricization coupled with autobiography – explicates the basic ethnic notions that determine the Chinese attitude to their homeland and native land. “Hulan” is the first ethnographic and at the same time deeply patriotic work of the Chinese writer, who revolutionized the artistic thinking of China in the first half of the 20th century.

Keywords

Chinese prose, image of homeland, northeastern Chinese writers, Xiao Hong, Hulan, ethnic consciousness, artistic ethnography

For citation

Feng Yishan. The Image of the Motherland in the Works of Xiao Hong (Based on the Material of the Novel “The Tale of the Hulan River”). *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2024, no. 3, pp. 52–65. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-52-65

Введение

В 1931 г. начинается оккупация Японией Северной Маньчжурии, и китайцы первыми оказываются наиболее уязвимыми перед репрессивной машиной захватчиков. В данных обстоятельствах базовая константа родины как центральной установки этнического сознания претерпевает в творчестве писателей серьезные трансформации. В первую очередь речь идет о прозаиках – именно эпическое творчество востребовано в те годы в литературных и читательских кругах Северо-Востока. После инцидента «18 сентября» писатели северо-восточной группы один за другим отправляются в изгнание во Внутренний Китай. Большинство их произведений теперь будет обращено к образам ставших родными городов Северо-Восточного Китая, к страданиям народов Северо-Востока под гнетом японского империализма. Благодаря местным реалиям и диалектным особенностям языка

в этих произведениях передается колорит Северо-Востока, формируя творческое направление – группу писателей Северо-Востока (Сяо Цзюнь, Сяо Хун, Ло Фэн, Шу Цюнь, Бай Лан, Ма Цзя, Гао Лан и др.) [Цинь Чжихуа, 2014, с. 159]. Молодые писатели естественным образом объединялись в группы, преодолевая трудности изгнания, а их произведения демонстрировали общий освободительный пафос [Цинь Чжихуа, 2014, с. 159; Ван Пэйюань, 1992].

Потеря родины наполнила творчество писателей неизбежной ностальгией по своему родному городу, как сказал Сяо Цзюнь в «Истории зеленого листа: предисловие»: «Я вырос в Северной Маньчжурии. Я люблю белое снежное поле без границ, люблю высокое синее небо без границ... Я люблю этих здоровых и простых людей»¹.

Большинство работ писателей посвящено родным городам, родной природе: степям, горам, рекам, лугам. Северо-восточная земля становится настоящим «Поле жизни и смерти» [Ли Чжунхуа, 2011, с. 149].

Одним из авторов, в чьем творчестве рефлексия образа родины обрела новаторское звучание, была Сяо Хун. Сяо Хун – современная китайская писательница, ее творчество является частью литературы писателей северо-восточной группы в частности и важным этапом развития женской китайской литературы в целом.

Сяо Хун (настоящее имя Чжан Сюхуань официально было сменено на Чжан Найин, Zhāng Nǎiyíng, 张乃莹; 1 июня 1911 – 22 января 1942 г.) родилась в зажиточной семье в Хуланьском районе Харбина в провинции Хэйлунцзян, в семье мигрантов третьего поколения. Мать писательницы рано умерла, отношения с мачехой не сложились. Единственным близким человеком был дед, который учил ее жизни, играл с ней, рассказывал древние сказания. Сяо Хун (萧红, пиньинь: Xiāo Hóng) прожила в Хулане почти 20 лет. Она принадлежала к ханьским мигрантам шестого поколения из провинции Шаньдун. Ее бабушка был довольно богатым человеком, но отец не сумел продолжить семейное дело, и род постепенно разорился. За годы хуланьской юности Сяо Хун пережила смерть бабушки и матери, повторную женитьбу отца, раздор с ним, смерть любимого дедушки, конфликт с семьей из-за желания учиться. Она дважды уехала из дома в Бэйпин и была заключена своей семьей на полгода в тюрьму. В последний раз вернулась в родной город весной 1932 г. и покинула его уже навсегда [Цзи Хунчжэнь, 2008, с. 2–9].

Ее роман «Поле жизни и смерти» (生死场) (1933) вызвал огромный резонанс в литературном мире. Книга вышла в серии «Ну Ли» («奴隶»), принесла автору известность и признание. Роман «Поле жизни и смерти», ранее известный как «Пшеничное поле», отражает трагический опыт жизни крестьян до и после оккупации японцами, раскрывает беспросветное их существование, но при этом показывает пробуждение сознания жителей Северо-Востока в этот период, их борьбу [Цинь Чжихуа, 2014, с. 159].

Лу Синь писал о романе Сяо Хун в предисловии к нему: «Люди на севере относятся к жизни серьезно и борются со смертью из последних сил. Описания Сяо

¹ Сяо Цзюнь. История зеленого листа. Ланьчжоу, 1983. С. 8 = 萧军. 绿叶的故事. 兰州, 1983. 页. 8.

Хун глубоки и сильны; она внимательный наблюдатель, а особая манера “женского письма” добавила много красоты и новизны роману» [Ван Гуйцин, Яо Жобин, 2012, с. 59].

В сентябре 1937 г. Сяо Хун и Сяо Цзюнь уехали в Ухань, где вместе с молодыми писателями Цзян Сицинем, Дуаньму Хунляном, Шу Цюнем, Бай Лан, Ло Фэном, Кун Луосунем и др. активно участвовали в антияпонской культурной деятельности и сформировали очень влиятельную группу писателей Северо-Востока в Ухане. Молодых писателей объединяло то, что все они были изгнанниками из разных районов Северо-Востока Китая. Сяо Хун написала ряд работ на тему антияпонской войны, таких как «Небесное украшение» («天空的点缀»), «Бессонная ночь» («失眠之夜»), «В Токио» («在东京»), «Вторая глава за огнем: окно, маленькая жизнь и воин» («火线外二章: 窗边、小生命和战士») и другие эссе [Линь Сяньчжи, 2009, с. 306].

Уже больная и одинокая изгнанница в Гонконге, Сяо Хун за два года до смерти создает свою последнюю книгу «Сказание о реке Хулань» («呼兰河传») (1940), которая стала ее своеобразным литературным завещанием. Однако к написанию романа писательница обратилась задолго до своего жизненного финала – вероятно, сразу после последнего визита на родину [Там же].

Роман выбивается из ряда других, созданных автором, в нем Сяо Хун отступает от левых идей, политики и антияпонской тематики. В пору человеческой зрелости, очевидно, предчувствуя скорый уход, писательница обращается к детским годам и пишет о родном городе в жанре сказания. Ее второй гражданский муж Дуаньму Хунлян писал о названии последней книги писательницы: «Твоя работа называется “Сказание о реке Хулань”. Сказание начинается с твоего детства. Оно течет, как вода реки Хулань, и ты растешь вместе с рекой... Как это красиво!» [Чжун Яоцюнь, 1998, с. 66].

Несмотря на то что Сяо Хун пишет о совсем недалеком прошлом, ее детство в восприятии читателя предстает как «стародавняя быль». Очевидно, эта повествовательная стратегия стала данью памяти любимому деду – знатоку древнего китайского фольклора и прекрасному рассказчику. Весьма важно подчеркнуть, что, будучи приверженной литературе «Левого крыла», Сяо Хун была воспитана в передовых идеях Гоминьдана [Цзи Хунчжэнь, 2008, с. 36], потому интерес к национальным истокам, к народным обычаям, этническим корням, невзирая на социалистическую установку, был укоренен в ее сознании. Неосознанно следуя любимому учителю Лу Синю, в своем отрицании «учителей прошлого», последовательно утверждавшему традиционные ценности китайской культуры [Мо Шаньшань, 2017, с. 69], Сяо Хун прodelывает то же самое с описанием традиционной жизни ее родного городка и религиозных обычаев его горожан [Ван Цзиньсун, 2018, с. 48].

Методология и методы исследования

Исследование опирается на биографический, культурно-исторический и структурно-семантический методы при анализе текстов Сяо Хун. Автор использует также переводоведческий метод.

Результаты исследования и обсуждение

«Сказание о реке Хулань» – это 7 глав-рассказов о небольшом провинциальном городке на реке Хулань, соединенных общей темой воспоминаний самой писательницы. Это автобиографическое повествование о детстве, родном городе, где писательница родилась и выросла, о людях, окружавших ее, о традициях и обычаях, о темных сторонах феодального строя Китая. Главным героем выступает город Хулань [Яо Жуньнань, 2018, с. 125]. Однозначно определить жанр «Сказания о реке Хулань» трудно, исследователи называют произведение сплавом эпического и лирического начал. Мао Дунь в предисловии к роману охарактеризовал его как «повествовательную поэму, красочную пейзажную живопись и цепочку грустных песен»². В нашей работе мы будем использовать термин «роман» как жанр, описывающий жизнь, развитие главного героя, допуская, что в качестве главного героя выступает сам город [Цинь Чжихуа, 2014, с. 159]. Действие романа «Сказание о реке Хулань» происходит примерно в середине 1910-х гг. – сразу после Синьхайской революции. Таким образом, наблюдения детства фиксируют ситуацию в Хулане примерно спустя 10 лет после того, как в городе побывал русский этнограф П. Шкуркин [Забияко и др., 2022, с. 64]. В романе река Хулань – это не сама река, а небольшой город с фиксированным географическим положением на северном берегу реки Сунгари и реки Хулань и протекающей в нем, как сама река, жизнью [Ли Чжунхуа, 2011, с. 125].

Первая глава описывается облик, окружение и погоду в городе Хулань. Городок небольшой и имеет всего несколько улиц, автор подробно описывает его географию, особенный климат северо-востока Китая и рисует суровые пейзажи Маньчжурии: «Суровый мороз расколол землю»³; «Сегодня так холодно, что раскололась земля»; «когда старик входит в комнату, у него на бороде сосулька». «“Какая сильная погода! Как маленький ножик”, – говорит возница. У него руки замерзли и треснули от холодной погоды»; «Чан для воды лопнул»; «колодец замерз»; «Ночью, когда идет метель, она накрывает весь дом, утром дверь невозможно открыть»⁴.

Расположение улиц, география города прописаны детально, с фотографической точностью:

Хулань – это такой маленький город, имеет только два больших проспекта, один с юга на север, другой с востока на запад. Самая известная улица называется перекресток, там есть аптека, чайный магазин, магазин золота, стоматологическая больница и другие. Кроме перекрестка, еще есть две улицы, одна называется восточная вторая улица, другая – западная вторая улица, эти две улицы идут с юга на север⁵.

Сяо Хун описывает улицы Хуланя с макроскопической точки зрения в соответствии с пространственной последовательностью [Дуань Цунсюэ, 2014, с. 3]. Особое внимание в повествовании уделено большой грязевой яме, практически

² Сяо Хун. Сказание о реке Хулань. Чанчунь, 2019. С. 3 = 萧红. 呼兰河传. 长春, 2019. 页. 3.

³ Там же. Здесь и далее перевод наш. – Ф. И.

⁴ Там же. С. 4.

⁵ Там же. С. 6.

болоту, где постоянно гибнут животные: «На второй восточной улице есть одно большое болото, пять или шесть футов глубиной. Если не идет дождь, земля как каша, если идет дождь, то это болото превращается в реку. А если больше месяца не идет дождь, в болоте вообще нет влажности, вода испаряется, а земля в болоте становится вязкой, как клейстер»⁶. Подробно описывая грязевую яму, Сяо Хун отмечает роль этого места в жизни хуланьцев. Яма мешает движению, в ней периодически вязнут экипажи, тонут различные животные, а иногда даже дети, она мешает ходьбе по улице и совсем не украшает город: «Это болото несет опасность для людей. Многие лошади и возницы проваливались в болото и увязали в грязи. Только при помощи прохожих можно выйти из болота»⁷. Болото является неотъемлемой частью жизни города, оно позволяет людям находить тему для беседы, общения; болото живое, у него своя жизнь, в которой каждый день что-то происходит, особенно в сравнении с жизнью самих хуланьцев. Все люди очень заботятся о грязевой яме. И никто не говорит, что нужно засыпать болото землей. Однажды один старик упал в болото, когда его вытащили, он сказал: «Эта улица очень низкая, кроме этого болота нет места для ходьбы, вот дворы на двух сторонах, почему не демонтировать стену, чтобы было место»⁸. Другие люди тоже предлагают «демонтировать стену», еще предлагают «сажать деревья (для того, чтобы ходить через болото, можно поднимать дерево)»⁹. Однако засыпать болото не предлагает никто из жителей Хуланя. Яма становится темой для беседы, люди с интересом узнают, кто из животных утонул в ней или попала ли в яму повозка. Эти беседы становятся развлечением в обычной жизни горожан Хуланя. «Часто проваливались повозки с лошадьми, погибли цыплята и утята, что становится темой для разговоров, для развлечения. В этом болоте погибают поросята, собаки, котята, цыплята и утята»¹⁰. Помимо этого, яма решает вопрос питания: туда скидывают туши больных свиней, а затем продают их дешевле, не как больных, а как утонувших в яме. Например, если на рынке продают дешевую свинину, то люди вспоминают болото и говорят, что «эта свинья утонула в болоте». А если это свинина заражена, люди не признаются: «...если нет этого болота, как покупать дешевую свинину, если есть болото, очень удобно, свинина с эпидемией может превратиться в свинину, которая утонула в болоте. Люди покупают такое мясо, во-первых, очень экономно, во-вторых, не считается антисанитарным»¹¹. Сяо Хун сравнивает весь город с этой ямой, в романе ей уделяется столько же внимания, как и описанию храмов. Для хуланьцев болото-яма – олицетворение их жизни, это символ феодального Китая, мрачного прошлого маленьких средневековых городов. Самой писательнице удалось вырваться из этого болота, из тисков феодализма. Люди же Хуланя живут согласно привычкам, передаваемым тысячелетиями.

Вторая глава «Сказания о реке Хулань» от описания обыденной жизни простых жителей Хуланя обращается к народным традициям, обычаям, принятым на реке Хулань, например: пляс колдуна, песнь янгэ (народный танец с песнями),

⁶ Сяо Хун. Сказание о реке Хулань. С. 7.

⁷ Там же. С. 9.

⁸ Там же. С. 12.

⁹ Там же. С. 13.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

запуск речных фонарей, храмовый праздник восемнадцатого апреля и т. д. Необходимо отметить, что Хулань – это полиэтничный город, он возник на территории, долгое время занятой маньчжурами, слившимися с ханьцами, здесь можно встретить жителей различных национальностей. Такая полиэтничность привела к большому количеству различных обрядовых праздников, верований, культов и т. п. Во второй главе Сяо Хун описала яркий колоритный город, где много танцев, песен, красок, такой Хулань прекрасен. Автор вспоминает праздник речных фонарей, когда все люди замирают от восхищения.

При этом Сяо Хун подчеркивает, что все праздники и традиции во многом порождены суевериями феодального строя. Жители Хуланя бесчувственны и покорны, их жизнь однообразна и проста. Люди, сохраняя невероятно безразличное отношение к жизни, при этом испытывают большой энтузиазм по отношению к миру духов – возможно, именно их беспомощность и незнание реального мира побудили их возлагать самые большие надежды на заботу о загробной жизни [Сяо Баофэн, 2006]. В маленьком городке Хулань есть полный набор обслуживания для богов и чертей: есть несколько магазинов, которые делают разноцветные фонари, Храм Лаоюе, Храм Няннъянь, Храм Дракона, Храм Цзу Ши и Храм Чэнхуан.

Важной частью описания традиций и обычаев становится привлечение народных песен, китайского фольклора. Песни являются частью города Хулань.

Сяо Хун через описание простых народных праздников и песен раскрывает перед читателем образ своей родины, она использует простые слова, передавая свои воспоминания о родине. Образ родины связан с традициями, обычаями, особой северной культурой хуланьцев. Традиционность очень важна для китайцев, которые чтят историю и культуру, уважают традиции, гордятся своей страной и родиной. Традиционный Китай для Сяо Хун – это сочетание прекрасных традиций, красочности, песен и в то же время феодальных устоев, которые, как грязевое болото, портят вид Хуланя, «засасывают» их жителей. Сяо Хун раскрывает перед читателем противоречивость традиций и пережитков феодального общества.

Следующие пять глав романа описывают жизнь автора в детстве, общение с бабушкой, а также серию трагических историй о невестке Гуань Юань, Фэн Вэйцзуйцзы и втором дядюшке Ю. Эти пять глав раскрывают образы нескольких значимых персонажей и их истории.

Самым значимым для самого автора стал образ ее родного дедушки. Сяо Хун очень любила деда, с которым ее связывало духовное родство. Ее любовь мы видим в описаниях дедушки. Описывая свое детство, родной город, родину, Сяо Хун сразу вспоминает дедушку: «В этом маленьком городе Хулань живет мой дедушка». Именно личность деда делает Хулань родным, ведь там живет самый близкий для писательницы человек. Несмотря на значительную разницу в возрасте («Когда я родилась, дедушке уже было за 60, когда мне исполнилось 4–5 лет, дедушке было под 70 лет»¹²), внучка и дед – настоящие друзья. Именно дед заботится о внучке, играет с ней: «Только мой дедушка больше всего заботился обо мне из дома. И так, весь день, он за дверь, и я за дверь. Он часто учил меня читать стихи и водил меня играть в сад на заднем дворе»¹³. Родство деда и внучки под-

¹² Сяо Хун. Сказание о реке Хулань. С. 58.

¹³ Там же.

креплено описаниями самого деда: «Глаза у дедушки смеющиеся, его улыбка, как у ребенка»¹⁴. Улыбка, как у ребенка, как у человека, искренне радующегося всему, открытому миру.

Дедушка – человек добрый, любезный, с хорошим характером. Он часто улыбается, как ребенок. Он высокий, здоровый, любит держать в руке трость. Еще он добрый и всегда любит пошутить при встрече с детьми. Дома у автора самыми лучшими были отношения с дедом, и часто она играла с дедушкой в саду – месте, которое объединило старое поколение в лице дедушки и новое в лице внучки. Сад стал местом, где прошли самые счастливые моменты детства писательницы: «У нашей семьи есть большой сад, дедушка целый день в саду на заднем дворе, я тоже вместе с дедушкой, всё, что дедушка делает, я тоже делаю. Например: дедушка сажает цветы, я тоже сажаю, дедушка выдергивает траву, я тоже выдергиваю и т. д.»¹⁵.

Дедушке и внучке всегда было весело вместе, отношения между автором и дедушкой очень близкие и хорошие. Автор пишет: «...когда я родилась, я принесла дедушке бесконечную радость, когда я выросла, дедушка очень любил меня, заставлял меня чувствовать, что в этом мире есть дедушка и этого достаточно, так чего я еще боюсь? Хотя отец относится ко мне равнодушно, мать говорит плохие слова, всё это для меня не важно. Кроме того, у меня еще есть сад!»¹⁶.

Яркие воспоминания о родном доме связаны с образом деда – можно сказать, представителем династии, рода, который жил на этой земле. Дед передает внучке свою любовь к родной земле через заботу о саде. Сад становится важной частью образа родного дома, родной земли, родины в сознании героя.

Образы деда и сада в романе – это самые радостные и теплые воспоминания писательницы, они пронизаны искренней любовью и счастьем, заботой и защитой, которые ей дают любовь дедушки и самое родное место – сад.

Сяо Хун проводит параллель между домом-двором и садом. Сад – это пространство, где она счастлива, где есть ее дедушка, где мир прекрасен: «Когда я не могла ходить, дед меня держал. Я пошла, дед тянет меня в сад. Дед и внучка близки друг другу и безмерно счастливы. Я нашла свободу и счастье в саду за домом»¹⁷.

Дом и двор, наоборот, описаны в романе как опустевшее гнездо: «Мой дом опустелый / Двор моего дома очень опустелый / Двор моего дома очень опустелый / Мой дом опустелый». Автор неоднократно подчеркивает пустоту своего дома, что, возможно, связано с холодными отношениями в семье Сяо Хун, с нелюбовью близких родственников. Родное место писательницы – дом, двор, сад семьи Ху – и люди, проживающие на его территории, подробно описываются в романе. Писательница детально описала двор своей семьи, и этот двор был пустынен. Она дважды пишет фразы: «моя семья пустынная», «двор моей семьи пустынный», т. е. пустой, потому что в их доме комнат много, двор большой, а людей мало, нет близости между родственниками.

¹⁴ Сяо Хун. Сказание о реке Хулань. С. 61.

¹⁵ Там же. С. 58.

¹⁶ Там же. С. 70–71.

¹⁷ Там же. С. 62.

От описания пейзажей, традиций, обычаев автор обратилась к описанию своих близких людей, в том числе серии трагических историй о своих соседях: невестке Туань Юань, Фэн Вэйцзуйцзы, о дядюшке Ю.

Туань Юань – девушка, которой было всего 12 лет, у нее были «черные длинные волосы, заплетенные в косы», она часто смеялась и играла в стеклянные шары. Она здоровая, наивная, подвижная и простая девочка.

Эта девочка была счастлива весь день, но семья Ху всегда избивала ее без причины. Соседи поддерживали поведение семьи Ху и говорили, что ее следует избить. Семья Ху вела себя всё более и более жестоко по отношению к невестке, и маленькая жена от постоянных мучений и побоев заболела. Семья старого Ху послушалась слов колдуна и решила облить маленькую невестку кипятком. Многие приходили посмотреть на лечение. Ее трижды ошпарили горячей водой, и, наконец, через несколько дней она умерла.

Эта история поражает своей жестокостью и равнодушием людей. При них избивали и мучили ребенка, а соседи считали, что это часть воспитания. В Китае женщина долго время занимала более низкое положение, особенно, если это была невестка – девушка, взятая из другой семьи. Сяо Хун рассказывает эту историю буднично, ведь это реальность того времени, дикие предрассудки и верования показывают темную сторону необразованных людей, которые, поверив шарлатану, обливали девочку кипятком для ее выздоровления.

Шестая глава рассказывает о втором дяде Ю:

У меня есть и второй дядя Ю. Он старый холостяк с очень странным темпераментом. Он не любит разговаривать с людьми, но любит разговаривать с небом, воробьями и желтыми собаками. Я слышала от деда, что дядя Ю пришел в мой дом 30 лет назад. Во время русско-японской войны, благодаря присутствию своего второго дяди, он сохранил дом. Он больше всего боялся, что его назовут «не имеющим потомства». Слыша такие слова, он горько плакал¹⁸.

Второй дядя Ю – рабочий, он проработал в доме 30 лет и не имеет зарплаты. Семья только обеспечивает второго дядю питанием и жильем. Так что после 30 лет работы у второго дяди по-прежнему ничего нет.

Фигура дяди Ю – трагично-комичная. С одной стороны, он описан как эксцентричный человек со странным поведением, который больше любит разговаривать с животными, чем с людьми. С другой стороны, история дяди Ю грустная, ведь он, всю жизнь прожив в чужой семье за еду, не имеет ничего, и главное своей семьи. И таких людей много, у которых нет ничего, кроме работы на чужих людей.

В последней главе книги описывается семья Фэн Вэйцзуйцзы: «На мельнице живет Фэн Вэйцзуйцзы»¹⁹ (кит. 冯歪嘴子, 冯 Фэн – это фамилия, 歪嘴子 Вэйцзуйцзы – это значит, у него рот косой), это его прозвище. Они с дедушкой часто разговаривали о нем. Фэн Вэйцзуйцзы давал ей продукты, которые ей нравились.

В народе соседа, который вертит жернов, называют Фэн Вэйцзуйцзы, он не только мелет рис, но и готовит лепешки. «Однажды я пошла на мельницу, чтобы купить рисовые лепешки, и увидела женщину и ребенка, лежащих на кане. Только

¹⁸ Сяо Хун. Сказание о реке Хулань. С. 142.

¹⁹ Там же. С. 166.

тогда я узнала, что Фэн Вайцзуйцзы создал семью, и эта женщина была старшей сестрой старой семьи Ван»²⁰. Однако счастливая жизнь Фэн Вайцзуйцзы вызвала зависть и ревность со стороны его соседей. Все говорили, что сестра Ван была плохой, и слухи ходили бесконечно. Фэн Вайцзуйцзы страдал от цинизма людей. Два или три года спустя старшая сестра Ван умерла от дистонии, родив второго ребенка. У Фэна часто были слезы, но он видел, что старший сын может затащить осла напиться, а младший хлопал в ладоши и смеялся. В своем сыне он видел надежду на жизнь.

Фэн Вайцзуйцзы был рабом, посмевающим нарушить традиционные правила феодализма. Он отважно ищет любви и счастья, борется за право быть мужчиной, пытается изменить свою судьбу и демонстрирует врожденную силу и храбрость. Требуются мужество и отвага, чтобы осмелиться любить девушку Ван и свободно жениться на ней. Фэн Вайцзуйцзы позволял людям высмеивать себя и жил мирно. Фэн Вайцзуйцзы не использовал слишком много слов, чтобы подчеркнуть свою личность и статус. Он знал, что его самая большая задача – решить проблему выживания.

Персонажи романа, описанные Сяо Хун, одиноки, живут под гнетом мрачных порядков маленького городка и являются типичными для Китая начала XX в.

Образ родины в романе Сяо Хун «Сказание о реке Хулань» представлен через различные словесные образы.

1. Описание северных пейзажей Китая, суровой красоты Маньчжурии. Суровая природа края дана в описании климатических особенностей. Автор большое внимание уделяет холодной зиме, которая характерна для этих мест.

2. Описание пространства. Сяо Хун описывает родной город Хулань как яму с грязью, болото, в котором постоянно гибнут животные и даже дети, вязнут экипажи и которое мешает передвижению людей. Образ ямы – это реальность прошлого писательницы, символ феодальных порядков в Китае.

В то же время образ родины воплощается в образе сада за домом, за которым они ухаживали вместе с бабушкой, это образ прекрасного и родного места. Образ сада – это описание родной земли, места, где родился, где жили предки. Эти описания связаны с образом бабушки, который любил внуку и делился с ней жизненным опытом, помогал и поддерживал. Именно поколения близких родственников, которые передавали эту землю от поколения к поколению, а также свою любовь и заботу об этой земле, ведут к понятию родины как места жизни предков. «В таком маленьком городе Хулань раньше жил мой дедушка, теперь там похоронен мой дедушка», – круговорот жизни и смерти на примере любимого бабушки дает понимание родины. Круговорот жизни человека, поколений, который связывает людей с его родной землей, его родиной, местом, которое остается родным, несмотря ни на что.

3. Описание священных мест, храмов. Хуланьцы верят в различных духов, черта, богов и совершают различные ритуалы поклонения им, а также ходят в местные храмы. Посещение храма – это значимое событие, оно приносит в жизнь каждого жителя Хуланя яркие краски.

²⁰ Сяо Хун. Сказание о реке Хулань. С. 171.

Сяо Хун при описании посещений храма создает практически театральную сцену, она привлекает народный фольклор, использует яркие краски в описании праздников.

4. Точки зрения героев. Образ Родины в описании близких людей проявляется в различных историях дедушки и второго дяди Ю. Дедушка имеет семью, любимую внучку, прекрасный сад, тогда как дядя Ю не имеет связи с землей, поскольку он – наемный рабочий, это не его родная земля. Он искренне любит свою родину и поэтому разговаривает со скалами, птицами, но не имеет своего дома, земли, семьи, которые связали бы его с родным местом.

В романе описано противопоставление семьи Ху, забившей насмерть маленькую девочку, и семьи Фэн, который не боялся слухов и кривотолков о своей жене.

5. Описание людей – жителей Хуланя. Описание географии, климата, жизни Хуланя приводит к описанию самих жителей: холод на улицах и холод в сердцах людей, холодное отношение людей к себе и другим людям. Улицы городка пустынные, сам город сер и уныл, как и его жители – скучные, серые, одинаковые.

Мы перечислили основные эпические формы характеристики родины в романе Сяо Хун, где родина – это родина предков, родное место, в котором рождались и умирали поколения семьи писательницы.

Сяо Хун в своем романе описала небольшой родной городок на северо-востоке Китая – серый, унылый, однообразный, где живут люди с пустыми сердцами. Это образ типичного маленького китайского городка, которые все похожи своими одиночеством и запустением, когда молодежь покидает такие городки ради лучшей жизни, а старики живут по одному и тому же сценарию. Не зря яма с грязью становится символом таких городов. Как и ее учитель Лу Синь, Сяо Хун продолжала тему «стремления очертить безмолвную душу китайской нации». Лу Синь использовал прием просветления, чтобы описать психическое состояние людей в процессе модернизации, в то время как работы Сяо Хун опираются на уникальный жизненный опыт. Выражая индивидуальные чувства, Сяо Хун показывает реальную жизнь в различных формах, начиная с ее деталей, описывает национальные особенности сознания, глубоко укоренившиеся в обычной жизни, и исследует ценность выживания людей в родном городе [Мо Шаньшань, 2017, с. 69–70].

Заключение

Северо-восточная писательница Сяо Хун стала яркой представительницей антияпонской литературы в Китае, она описывала родную землю, тяготы крестьян на оккупированных территориях, их борьбу с врагом. Большое внимание в творчестве писательницы уделено образу родины.

Сяо Хун в последнем романе «Сказание о реке Хулань» описывает свой родной город на реке Хулань – небольшой, серый, равнодушный, типичный для феодального Китая. Она высмеивает феодальные предрассудки и печальное прошлое Китая конца XIX в., в то же время писательница любит свою родину. Для Сяо Хун концептуальное понятие родины – это родные места, родной город, родная земля, и в то же время родина предков, где поколениями жили самые близкие люди.

Список литературы

Забияко А. А., Чжоу Синьюй, Лю Ши, Фэн Ишань, Цюй Чжи. Религиозная жизнь северо-маньчжурского города первой половины XX в. (Павел Шкуркин) // Религиоведение. 2022. № 3. С. 64–76.

Ван Гуйцин, Яо Жобин. Типология сюжетов в цикле «Природа» – «Поле жизни и смерти» // Сборник рассуждений Дун Юэ. 2012. № 9. С. 59–61 = 王桂青, 姚若冰. 《生死场》“自然”网络中的群体生命形态 // 东岳论丛. 2012. № 9. 页. 59–61. (на кит. яз.)

Ван Пэйюань. О группе писателей Северо-Востока // Серия исследований современной китайской литературы. 1992. № 1. С. 303–304 = 王培元. 论东北作家群 // 中国现代文学研究丛刊. 1992. № 1. 页. 303–304. (на кит. яз.)

Ван Цзиньсун. Левая культурная деятельность и Сяо Хун в ранний период антияпонской войны // Журнал Чунцинского педагогического университета. 2018. № 5. С. 48–59 = 王劲松. 抗战初期左翼文化活动与萧红、白朗的发轫 // 重庆师范大学学报(社会科学版). 2018. № 5. 页. 48–59. (на кит. яз.)

Дуань Цунсюэ. Образы и тематика «Сказания о реке Хулань» // Серия исследований современной китайской литературы. 2014. № 7. С. 1–13 = 段从学. 呼兰河传的“写法”与“主题” // 中国现代文学研究丛刊. 2014. № 7. 页. 1–13. (на кит. яз.)

Ли Чжунхуа. Новый взгляд на роман «Сказание о реке Хулань» // Социальные науки Дацина. 2011. № 1. С. 149–153 = 李重华. 《呼兰河传》导读新论 // 大庆社会科学. 2011. № 1. 页. 149–153. (на кит. яз.)

Линь Сяньчжи. Странник Сяо Хун. Пекин, 2009. 312 с. = 林贤治·漂泊者萧红. 北京, 2009. 312 页. (на кит. яз.)

Мо Шаньшань. Воплощение образа родины в «Сказании о реке Хулань» Сяо Хун // Интерпретация шедевров литературы. 2017. № 12. С. 69–70 = 莫珊珊. 试论萧红《呼兰河传》中的“家园”书写 // 名作欣赏. 2017. № 12. 页. 69–70. (на кит. яз.)

Сяо Баофэн. Эстетика запустения в «Сказании о реке Хулань» // Журнал Педагогического колледжа Чжучжоу. 2006. № 11 (4). С. 61–64 = 肖宝凤. 《呼兰河传》的荒凉美学 // 株洲师范高等专科学校学报. 2006. № 11(4). 页. 61–64. (на кит. яз.)

Цзи Хунчжэнь. Биография Сяо Хун. Пекин, 2008. 410 с. = 季红真. 萧红传. 北京, 2008. 410 页. (на кит. яз.)

Цинь Чжихуа. Разговоры о Северо-восточной писательской группе // Женьшень. 2014. № 7. С. 159–160 = 覃治华. 浅谈东北作家群 // 参花(下). 2014. № 7. 页. 159–160. (на кит. яз.)

Чжун Яоцунь. Дуаньму Хунлян и Сяо Хун. Пекин, 1998. 153 с. = 钟耀群. 端木蕻良与萧红. 北京, 1998. 153 页. (на кит. яз.)

Яо Жуньнань. Родина – это грустная и эвфемистическая баллада. Чтение «Сказания о реке Хулань» Сяо Хун // Чтение и письмо. Сер.: Образование и педагогика. 2018. № 15 (01). С. 125–126 = 姚润南. 故乡, 是一首凄婉的歌谣–读萧红《呼兰河传》 // 读与写 (教育教学刊). 2018. № 15 (01). 页. 125–126. (на кит. яз.)

References

- Chzhun Yaocun'. Duanmu Hongliang and Xiao Hong. Beijing, 1998. (in Chin.)
- Cin' Chzhihua. Conversations about the Northeast Writers' Group. *Ginseng*, 2014, no. 7, pp. 159–160. (in Chin.)
- Czi Hunchzhen'. Biography of Xiao Hong. Beijing, 2008. (in Chin.)
- Duan' Cunsyue. Images and themes of "Tales of the Hulan River". *Series of studies of modern Chinese literature*, 2014, no. 7, pp. 1–13. (in Chin.)
- Li Chzhunhua. A new look at the novel "The Tale of the Hulan River". *Social Sciences of Daqing*, 2011, no. 1, pp. 149–153. (in Chin.)
- Lin' Syan'chzhi. Wanderer Xiao Hong. Beijing, 2009. (in Chin.)
- Mo Shan'shan'. The embodiment of the image of the motherland in "The Tale of the Hulan River" by Xiao Hong. *Interpretation of masterpieces of literature*, 2017, no. 12, pp. 69–70. (in Chin.)
- Syao Baofen. The aesthetics of desolation in "The Tale of the Hulan River". *Journal of Zhuzhou Teachers College*, 2006, no. 11 (4), pp. 61–64. (in Chin.)
- Van Czin'sun. Leftist cultural activity and Xiao Hong in the early period of the Anti-Japanese War. *Journal of Chongqing Normal University*, 2018, no. 5, pp. 48–59. (in Chin.)
- Van Gujcin, Yao Zhobin. Typology of plots in the cycle "Nature" – "Field of Life and Death". *Collection of arguments by Dong Yue*, 2012, no. 9, pp. 59–61. (in Chin.)
- Van Pejyuan'. About a group of writers of the North-East. *Series of studies of modern Chinese literature*, 1992, no. 1, pp. 303–304. (in Chin.)
- Yao Zhun'nan'. Homeland is a sad and euphemistic ballad. Reading "The Tale of the Hulan River" by Xiao Hong. *Reading and Writing. Series: Education and pedagogy*, 2018, no. 15 (01), pp. 125–126. (in Chin.)
- Zabiyako A. A., Chzhou Sin'yuj, Lyu Shi, Fen Ishan', Cyuj Chzhi. Religioznaya zhizn' severo-man'chzhurskogo goroda pervoy poloviny XX v. (Pavel Shkurkin) [Religious life of a northern Manchurian city in the first half of the 20th century. (Pavel Shkurkin)]. *Religious Studies*, 2022, no. 3, pp. 64–76. (in Russ.)

Фэн Ишань. Образ родины в творчестве Сяо Хун

Информация об авторе

Фэн Ишань, кандидат филологических наук

Information about the Author

Feng Yishan, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 12.06.2024;
одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 15.07.2024
The article was submitted on 12.06.2024;
approved after reviewing on 15.07.2024; accepted for publication on 15.07.2024*

Научная статья

УДК 82-31 + 028.02

DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-66-77

Пелевинский интертекст в зеркале читательской рецепции

**Елена Сергеевна Тулушева ¹,
Татьяна Александровна Семенова ²**

^{1,2} Московский университет имени А. С. Грибоедова
Москва, Россия

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

² Пензенский аграрный университет
Пенза, Россия

¹ be-so-happy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6374-4662>

² semenova.t.a@pgau.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1433-3098>

Аннотация

Представлено исследование способности читательской аудитории разгадывать интертекстуальный код позднего романного творчества В. Пелевина. Задействован социологический метод – анкетирование, что позволило определить степень узнаваемости реминисценций в произведениях В. Пелевина. Также использованы интертекстуальный и структурный виды анализа с целью выявить следы чужого слова в постмодернистском тексте и обозначить его связь с сюжетом, пространственно-временной организацией текста, композицией или характеристикой персонажей. Предметом выступает интертекстема в романном творчестве В. Пелевина. Выявлено, что первоисточники пелевинских штудий узнаваемы, так как постмодернист обращается к литературным, культурным, музыкальным клише, архетипам и знаковым цитатам. Пелевинский текст интертекстуально гетерогенен и отличается широкой сетью заимствований, что косвенно свидетельствует об ориентации на широкий круг читателей: разгадывание интертекстеми и обнаружение первоисточника напрямую зависит от культурного бэкграунда реципиента. В статье доказывается, что представленные текстовые отрывки являются именно интертекстемами, т. е. осознанными авторскими заимствованиями, а не случайными совпадениями и интуитивным воплощением национально-культурного кода. Пелевин использует приемы монтажа и синкретизма, отсылая одновременно к множеству первоисточников, соединяя высокое и низкое, создавая тем самым полицитату. Интертекст, выполняя смыслообразующую функцию, не только позволяет дать сжатую характеристику персонажу, хронотопу или ситуации, но и выступает в роли семантического дубликата сюжета и нарративного вектора. Многочисленные отсылки определяют развитие авторского нарратива, давая дополнительную подсказку о дальнейших событиях читателю.

© Тулушева Е. С., Семенова Т. А., 2024

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2024. № 3. С. xx–xx

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2024, no. 3, pp. 66–77

Предложенный дизайн исследования и применение социологического метода к изучению литературного текста обладают потенциалом для дальнейшего расширения и уточнения наших выводов. Представленные результаты подтверждают интерес читательской аудитории к аллюзивной игре, а не только к пелевинскому сюжету. Свежим и любопытным представляется обозначение функциональной природы пелевинских интертекстов, в том числе определение взаимосвязи интертекста с сюжетом.

Ключевые слова

интертекстуальность, интертекстема, сюжет, постмодернизм, В. Пелевин, читательская рецепция

Для цитирования

Тулушева Е. С., Семенова Т. А. Пелевинский интертекст в зеркале читательской рецепции // Сюжетология и сюжетография. 2024. № 3. С. 66–77. DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-66-77

Pelevin's Intertext in the Mirror of the Reader's Reception

Elena S. Tulusheva¹, Tatyana A. Semenova²

^{1,2} Moscow University named by A. S. Griboedov
Moscow, Russian Federation

¹ National Research University "Higher School of Economics"
Moscow, Russian Federation

² Penza Agrarian University
Penza, Russian Federation

¹ be-so-happy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6374-4662>

² semenova.t.a@pgau.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1433-3098>

Abstract

The article presents a study of the readership ability to unravel the intertextual code of V. Pelevin's late novel work. A sociological method was used – a questionnaire, which made it possible to determine the degree of recognition of reminiscences in the works of V. Pelevin. Intertextual and structural types of analysis are also used in order to identify traces of someone else's word in a postmodern text and to indicate its connection with the plot, spatial and temporal organization of the text, composition or characterization of characters. The subject is the intertexteme in the novel work of V. Pelevin. It is revealed that the primary sources of Pelevin's studies are recognizable, since the postmodernist refers to literary, cultural, musical clichés, archetypes and iconic quotations. Pelevin's text is intertextually heterogeneous and has a wide network of borrowings, which indirectly indicates a focus on a wide range of readers: solving the intertexteme and discovering the original source directly depends on the cultural background of the recipient. The article proves that the presented text passages are precisely intertexts, that is, conscious authorial borrowings, and not random coincidences and intuitive embodiment of the national cultural code. Pelevin uses techniques of editing and syncretism, referring simultaneously to a variety of primary sources, combining high and low, thereby creating a polycythe. Intertext, performing a sense-forming function, not only allows you to give a concise characterization of a character, chronotope or situation, but also acts as a semantic duplicate of the plot and narrative vector. Numerous references determine the development of the author's narrative, giving an additional clue about further events to the reader.

The proposed design of the study and the application of the sociological method to the study of literary text has the potential to further expand and refine our conclusions. The presented results confirm the interest of the readership in the inclusive game, and not only in the Pelevin plot. The designation of the functional nature of Pelevin's intertexts, including the definition of the intertext's relationship with the plot, seems fresh and curious.

Keywords

intertextuality, intertexteme, plot, postmodernism, V. Pelevin, reader's reception

For citation

Tulusheva E. S., Semenova T. A. Pelevin's Intertext in the Mirror of the Reader's Reception. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2024, no. 3, pp. 66–77. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-66-77

Интертекстуальные стратегии В. Пелевина широко изучаются современными филологами: уместно вспомнить исследования, направленные как на определение специфики диалога В. Пелевина с литературной традицией [Аюпов, 2021; Герейханова, Шерчалова, 2022], так и на выявление общего для ряда случаев первоисточника, к примеру исследование пушкинского кода в пелевинской прозе [Сидоренко, 1999; Смирнов, 2021; Марьюшкина, 2023]. Однако социологический метод не был ранее применен для анализа вкраплений чужого слова в пелевинской прозе.

Исследуя интертекстуальный код раннего творчества В. Пелевина, Т. Р. Аюпов отмечает широкий функционал: интертекст используется не только с целью дать характеристику персонажей, погрузив его уже в привычную читателю семиотику, но и как инструмент конструирования художественной вселенной, а также «для раскрытия исторического и идеологического фона произведений» [Аюпов, 2021, с. 72]. К. Ф. Герейханова и Е. В. Шерчалова также указывают, что «лоскутное письмо» Пелевина, перенасыщение текста аллюзиями и реминисценциями позволяет привлечь внимание интеллектуального читателя, предложив ему своего рода «языковую викторину» [Герейханова, Шерчалова, 2022, с. 51]. Впрочем, читательская рецепция, способность разгадать «пелевинские загадки» ранее не выступали предметом научного осмысления, что обуславливает научную новизну работы.

Прежде чем переходить к результатам, кратко остановимся на ключевых терминах работы. А. Н. Безруков определяет интертекстуальность как явление в научной парадигме в целом и текстологическую категорию в лингвистике в частности, описывающее «процесс диалогического взаимодействия отдельных текстов-произведений», которые при этом вступают в вертикальные отношения, т. е. один текст влияет на другой [Безруков, 2005, с. 11, 13]. Интертекстом филолог называет такой текст, ключевой особенностью и отличительной чертой которого является смещенность смыслового ядра во времени и пространстве, ориентированного на некий определенный источник.

К приемам интертекста относятся следующие:

- *прямое или скрытое цитирование*: цитата представляет собой приведение дословного или близкого к первоисточнику отрывка. Автор художественного произведения не всегда указывает автора цитаты или использует кавычки, графически выделяя тем самым процитированный отрывок. Цитации разнятся по длине

и могут включать как фразы и словосочетания, так и быть единичными, точечными;

- *аллюзия* – намек или отсылка, выборочное, более вольное, нежели цитата, однако также узнаваемое заимствование. Аллюзия носит имплицитный, более скрытый характер. Аллюзия нацелена на узнавание первоисточника, однако атрибутирование представляется затруднительным;

- совокупность цитат и аллюзий называется *центонный текст* (в терминологии А. Н. Безрукова – *лоскутное письмо*). Такие отрывки чаще всего отличаются затененным атрибутированием [Фатеева, 2007, с. 120–138; Безруков, 2005, с. 11, 44];

- *реминисценция* – указание на структуру, отдельные элементы или мотивы известных произведений. Выделяют следующие стилистические фигуры, на основании которых строятся реминисценции (А. Н. Безруковым называются видами реминисценций): паронимазия (сходство слов по звучанию, каламбур), эллипсис (пропуск языковой единицы, легко восстанавливаемый при знакомстве с первоисточником), амплификация (повтор по принципу градации), гипербола и гротеск (преувеличение), инверсия (иной порядок языковых, смысловых, сюжетных и пр. элементов), а также «перенесение семантической схемы источника в иной контекст» [Безруков, 2005, с. 51].

- *плагиат* – умышленное присвоение авторства и непропорциональное заимствование чужого текста с целью выгоды. Также в плагиате на первый план выдвигается интеллектуальное соревнование.

Вопрос плагиата в контексте интертекстуальности строит остро. Представляется крайне затруднительным разграничить цель обращения к чужому слову: осмысление, диалог, продолжение мысли или воровство. Виктор Пелевин неоднократно обвинялся в плагиате. О плагиате высказывался и сам постмодернист – в форме художественного слова: «Повторение – не обязательно плагиат, это суть постмодерна, а если шире – основа современного культурного гештальта, проявляющаяся во всем – от клонирования овец до ремейка старых фильмов» [Пелевин, 2011, с. 218]. Впрочем, определение степени непропорциональных заимствований – вопрос не столько терминологический и литературоведческий, сколько юридический и этический, поэтому только обозначим его, не углубляясь.

Отдельно взятый сегмент текста, вовлеченный в межтекстовую связь, называется интертекстемой. Отсылка к литературному, музыкальному произведению, предмету искусства и пр. может быть представлена на всех уровнях текста (грамматическом, композиционном, лексическом, просодическом) [Сидоренко, 1999, с. 23–24].

Итак, перейдем к описанию результатов исследования пелевинских интертекстем в читательской рецепции. Исследование проводилось в период с 15 по 25 августа 2024 г. Были привлечены 55 респондентов. Так как анкетирование проводилось с целью определить, смогут ли респонденты распознать интертекстему, а не выявить их отношение к творчеству Пелевина, знакомство с прозой постмодерниста оказалось для нас вторичным, и мы не уточняли этот вопрос.

Респондентам было предложено ознакомиться с 15 цитатами из романов «iPhuck 10» (2017), «Тайные виды на гору Фудзи» (2018), «Непобедимое солнце» (2020) и «Путешествие в Элевсин» (2023), в каждой из которых содержалась отсылка, и угадать первоисточник интертекстемы. Были задействованы пять групп

первоисточников: религиозный трактат; классическая русская литература (XIX–XX вв.); зарубежная литература, в том числе современная; музыкальные композиции; кинематограф; нехудожественная (научная) литература.

Л. Г. Кихней разграничивает понятия «интертекст», представляющее собой авторскую стратегию – сознательное внедрение реминисценций, отсылок и цитат, и «семиотическая гомология», что исследователь понимает как случайное совпадение, обращение ряда авторов к единому истоку, к общей «мотивно-сюжетной матрице» [Кихней, 2013, с. 47]. Выбранные для анкеты цитаты из романов В. Пелевина представляются нам именно интертекстами, а не случайными совпадениями.

Цитаты в анкете были расположены в случайном порядке, однако сейчас для удобства представим их тематическими блоками, отметив количество отгадываний. Подспудно также представим связь выбранных интертекстом с сюжетной канвой, характером действующего героя или мотивно-идеиной парадигмой произведения.

1. Цитаты из романа «Непобедимое солнце» [Пелевин, 2020а].

1. «Ом нама шивая, спасибо, что живая» (с. 68): неслучайно в цитате содержится отсылка к индуистской мантре «Ом намах Шивайя», которая подразумевает преклонение перед Шивой, – путешествие главной героини начинается с обращения к божеству. И выбор именно Шивы сюжетно обоснован, ведь Саша, как и Шива, сначала разрушает, а затем создает материальную реальность.

Более того, такое выражение выступает дополнительной характеристикой героини: в романе неоднократно упоминается ее увлечение духовными практиками, а ранее сюжет повествует о поездке девушки в Индию. Первоисточник указали 8 респондентов, что составило 14,5 %.

Также Пелевин практически дословно цитирует одноименное стихотворение В. Высоцкого 1977 г., меняя только род прилагательного (в оригинале – «спасибо, что живой») – такой ответ дали 15 респондентов (27,3 %).

2. «Мне нравился этот кросс-культурный трансэпохальный разговор под кофе с мороженым. Смешались в кучу кони, люди, слились в протяжный вой» (с. 205): в пелевинском отрывке дословно (с пропуском строки) цитируется «Бородино» (1837) М. Ю. Лермонтова: «Смешались в кучу кони, люди, / И залпы тысячи орудий / Слились в протяжный вой...». Цитату распознали 70,9 % респондентов (т. е. 39 участников). Также название произведения упоминается чуть ранее в тексте («Типа такое Бородино. И стрелам пролетать мешала гора кровавых тел» (с. 204)), что вновь доказывает, что цитата является интертекстом, а не случайным совпадением. Однако респонденты, не знакомые с произведением Пелевина, дополнительных подсказок не получали.

3. «THE BIG OTHER IS LISTENING!» (с. 105): в лозунге Пелевин переосмысляет известное выражение «Старший Брат смотрит на тебя» (в оригинале – англ. «Big brother is watching you») из романа Дж. Оруэлла «1984» (1949). Отметим созвучие субъектов высказывания – «brother» и «other». Половина респондентов (52,7 %) указала на произведение британского писателя. К Оруэллу Пелевин обращается в романе не единожды: так, к примеру, герои обсуждают концепцию «двоемыслия» («...Это то, что Оруэлл называл doublethink? Двоемыслие? / – Нет, Оруэлл давно устарел...» (с. 425)).

«Большим Другим», который слушает и следит, в романе оказывается божество, воплощенное в камне, который находится, как и сама надпись, на корабле, поэтому интертекстема также содержит подсказку и указывает на дальнейшее развитие сюжета.

4. «...Ты его любила? / Я кивнула. Потом пожалала плечами. Глупый вопрос. Я бы на него смогла ответить года через два. А еще лучше, если верить *французским* экспертам, через *три*» (с. 324): в рассуждениях главной героини видим отсылку к роману Ф. Бегбедера «Любовь живет три года» (1997). Треть респондентов (17 участников) вспомнили творчество французского прозаика. Отметим, что Пелевин не спорит и не соглашается с утверждением, т. е. не вступает в диалог, и интертекстема реализует эстетическую и характерологическую функции.

5. «Мы плаваем среди них, как навигаторы Дюны в облаках спайса, и считаем, что познаем Вселенную» (с. 417): в пелевинской цитате содержатся упоминания планеты Дюна, вещества спайса и членов Космической гильдии навигаторов из франшизы «Дюна» (1965). Упоминание не только названия, но и специфических терминов, позаимствованных из художественной вселенной Ф. Герберта, свидетельствует о знакомстве с первоисточником. Более трети (41,8 %, т. е. 23 респондента) дали верный ответ.

Вопрос познания и знания, понимания природы сущего – сквозной для творчества В. Пелевина, поэтому интертекстема связана более с мотивным комплексом, чем с сюжетом. Гораздо чаще Пелевин прибегает к вселенной другой медиа-франшизы, «Звездных воин», однако такие интертекстемы в анкету не вошли.

6. «В душе было два крана. Над одним – эмалевая ладонь с *синей пилюлей*, над другим – с *красной*» (с. 243): эта цитата отсылает к научно-фантастическому боевику «Матрица», реж. Л. и Э. Вачовски (1999). Большинство респондентов (80 %) дали верный ответ.

Согласно сюжету кинокартины, главный герой выбирает между реальностью и иллюзией. Реальный и ирреальный хронотопы – одна из визитных карточек Пелевина [Мельникова, 2009]. Пелевинская Саша вынуждена выбрать «синюю пилюлю» и остаться в виртуальном мире, в котором возможны чудеса и нарушение привычных законов бытия, однако причина постмодернистски банальна – горячей воды нет.

7. «“Морфология русской освободительной сказки” плюс АУЕ и “Жизнь во-рам”» (с. 256): В. Пелевин вольно обращается с названием труда фольклориста В. Я. Проппа «Морфология волшебной сказки» (1928), добавляя новый эпитет. Несмотря на то, что фамилия автора не была указана, правильный ответ дали 16 респондентов, что составило треть опрошенных. Также упоминается криминальная субкультура «Арестантский уклад един» (АУЕ), однако отсылка была распознана только одним респондентом.

II. Цитаты из романа «Путешествие в Элевсин» [Пелевин, 2023].

1. «Не зарекайся, Маркус. Как бы ты не отрекся от меня трижды под пение иудейских петухов» (с. 448): император Порфирий намекает своему собеседнику на сцену отречения апостола Петра от Иисуса Христа, которую можно найти в Евангелии от Матфея (26: 34). Религиозная отсылка была распознана половиной респондентов (27 человек), однако ни один респондент, что предсказуемо, не указал точный стих: среди ответов, признанных нами как корректные, были указания

на Евангелия, Библию, Ветхий и Новый Заветы, а также на сам сюжет с упоминанием действующих лиц.

Аллюзия на религиозный сюжет предвосхищает развитие истории, предсказывая если не предательство, то самоопределение императора, которому эти слова принадлежат¹.

2. «Что есть истина? Рим отвечает просто. Сказано: “*In vino veritas*”. Непонятно, зачем *прокуратор Иудеи задавал этот вопрос какому-то бродячему еврею*, позабыв родину и обычай в важный для истории момент» (с. 176): «Прокуратор из Иудеи» и бродячий еврей (т. е. Иешуа Га-Ноцри) у 62 % опрошенных ассоциируются с романом «Мастер и Маргарита» (1966–1967) М. А. Булгакова.

Приведенная цитата взята из размышлений императора о культуре употребления алкогольных напитков, где используется первая часть латинского выражения «*In vino veritas, in aqua sanitas*», что может быть отсылкой как к высказыванию древнеримского писателя Плиния Старшего (такой ответ дали три респондента), так и, по мнению пяти прошедших анкету, к стихотворению А. А. Блока «Незнакомка» (1906). Впрочем, последний вариант представляется нам сомнительным: хотя очевидно знакомство постмодерниста с творчеством поэтов Серебряного века, в романе схожие отсылки и упоминания произведений и фамилий авторов (как мы видим, к примеру, в «iPhuck 10») не были обнаружены.

Отсылка к роману Булгакова, для которого, в свою очередь, первоисточником выступил библейский текст, встроена в публицистический опус императора Порфирия, что вновь отсылает нас к образу мессии и раскрывает сюжетный замысел Пелевина.

3. «Начнется многолетний ледяной привал на пути к небу. Долгая дорога *Родiona Раскольников* в Сибирь под пение мобилизованных старушек» (с. 417): упоминается главный герой романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866). Большая часть заполнивших анкету вспомнила произведение русского классика (44 респондента дали такой ответ, что составило 80 % опрошенных). Интертекстема носит эстетический характер.

4. «Там уже стоял хор в греческих масках – и весь день пел греческую кантату про *скованных одной цепью* на спуске в Аид» (с. 181): сквозным образом романа является словно бы сопровождающий во время путешествия героев греческий хор, отсылающий к «Лягушкам Аристофана», что представлено и в выбранной здесь цитате (незначительное количество респондентов распознали отсылку к древнегреческому произведению, а также упомянули мифологию). Также в отрывке приведена неатрибутированная незакавыченная цитата из песни «Скованные одной целью» («Круговая порука») группы «Nautilus Pompilius» (1986). Отсылку угадала треть респондентов (16 человек).

III. Цитаты из романа «iPhuck 10» [Пелевин, 2019].

1. «Конечно, в моем отчете о реальности будет отсутствовать, так сказать, внутренняя субъективная составляющая – и любое мое описание чувственного мира в строгом юридическом смысле является таким же голым враньем, как рассказ о переживаниях *Пьера Безухова* на Бородинском поле. Но это, что называется, из-

¹ Кратко поясним сюжет: император Порфирий, симуляционный алгоритм, «задумал» привести человечество в рай, т. е. он воспринимает себя как мессию.

держки профессии» (с. 12): Пьера Безухова, персонажа романа Л. Н. Толстого «Война и мир» (1865–1869), вспомнили 76 % опрошенных.

2. «Но что еще надо художнику? И разве велика разница между прежней ее жизнью и новой? Борьба. *Война без особых причин*, как сказал один ранний дезертир... Искусство» (с. 82): в выбранном фрагменте вновь представлена неатрибутированная незакавыченная цитата из песни «Звезда по имени Солнце» группы «Кино» (1989). Половина респондентов (27 человек) упомянула песню, группу или имя Виктора Цоя.

3. «Наш продукт выглядит не слишком-то ново, ребята – *но и жить, конечно, не новой...*» (с. 475): Пелевин вольно обращается не только с творчеством рок-музыкантов. В данный фрагмент встроена цитата из стихотворения С. Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья» (1925), при этом ни автор, ни название произведения не упоминаются. Связь с творчеством поэта Серебряного века отметили 23 респондента (41,8 %).

IV. Цитата из романа «Тайные виды на гору Фудзи» [Пелевин, 2020б]: «Под поезд на станции она не хотела точно, а ничего лучше национальная культурная память предложить не могла» (с. 157): фрагмент отсылает к гибели Анны Карениной в одноименном романе Л. Н. Толстого (1878). Правильный ответ дали 44 опрошенных, что составило 80 %. Отсылка напрямую связана с сюжетом: героиня, будучи в расстроенных чувствах, находится на жизненном перепутье.

В качестве правильного ответа засчитывалось указание фамилии автора и / или названия произведения. Подведем итоги. Отсылки к классической прозе были распознаны большинством (более 60 %), при этом вставки из лирических произведений менее узнаваемы. Религиозные реминисценции также узнаются в среднем в половине случаев. Известная кинокартина была угадана большей частью прошедших анкету. Указания на современную зарубежную литературу считают от 30 до 50 % респондентов, в то время как музыкальные отсылки – от 29 до 75 %. Упоминание современной молодежной субкультуры было отмечено только одним респондентом.

Результаты исследования любопытны, однако обладают определенными ограничениями. Очевидна неоднородность выборки респондентов: в анкетировании приняли участие респонденты в возрасте от 18 до 25 лет (подавляющее большинство – 72 %) – обучающиеся гуманитарных высших учебных заведений, что объясняет, например, достаточно высокий (30 %) процент угадывания известной в профессиональных кругах работы фольклориста В. Я. Проппа. Также анкету заполнили респонденты в возрасте от 26 до 35 лет и от 36 до 45 лет (по 11 % в каждой группе), от 46 до 55 лет (6 %). Хоть пелевинские интертексты выбирались случайным образом с целью составить репрезентативную картину заимствований, всё же заметим, что представлены аллюзии на музыкальные композиции советских рок-групп, написанных примерно в одно время.

На первый план выдвигается фактор узнавания, чувство единения, общность и погружение в единую семиотическую картину, а возможность точно определить первоисточник представляется сомнительной [Безруков, 2005, с. 7]. Пелевин репрезентирует в своем художественном тексте музыкальные, литературные клише, воспроизводя отрывки, знакомые широкому кругу читателей. Так, например, группа «Кино» вспоминается по композиции «Звезда по имени Солнце», а образ

красной и синей пилюль давно стал самостоятельным культурным знаком, оторванным от фильма «Матрица».

Об этом пишет и В. Пелевин в романе «Empire V»: «Развитой постмодернизм – это такой этап в эволюции постмодерна, когда он перестает опираться на предшествующие культурные формации и развивается исключительно на своей собственной основе. <...> Ваше поколение уже не знает классических культурных кодов. Илиада, Одиссея – всё это забыто. Наступила эпоха цитат из телепередач и фильмов, то есть *предметом цитирования становятся прежние заимствования и цитаты, которые оторваны от первоисточника* и истерты до абсолютной анонимности» (курсив наш. – Е. Т., Т. С.) [Пелевин, 2021, с. 81].

Это подтверждается также нашим исследованием. Некоторые респонденты указывали, что отсылка кажется им знакомой, но они не могут вспомнить первоисточник, – такими отказались отсылки к роману Ф. Бегбедера, музыкальным композициям, кинофильму «Матрица». Такие смысловые единицы генетически близки «мему» – знаку, наделенному смыслом и конкретным содержанием, который воспринимается группой людей схожим образом. Мем, будучи частью более широкого дискурса, самостоятелен вне его связи с первоисточником [Голованова, Часовский, 2015, с. 136–138].

В. Р. Губайдулина, изучая творчество В. Пелевина, отмечает широкое обращение, в том числе и на номинативном уровне, к интертексту, которое читателю предстоит расшифровать. Исследователь выдвигает предположение, что такой прием вовлекает читателя в игру (в ее терминологии – «путевая карта»), что позволяет глубже погрузиться в историю, повышает вовлеченность и, как итог, обеспечивает популярность произведений Пелевина [Губайдулина, 2021, с. 1–63].

Пелевинская интертекстема может базироваться одновременно на нескольких равнозначных, но зачастую тематически разных первоисточниках, порождая тем самым полицитату [Кихней, Темиршина, 2020], или палимпсест [Тюпа, 2024]. И хотя В. И. Тюпа принципиально разграничивает постмодернистский пародийный коллаж и лоскутное повествование, направленные на деконструкцию и хаос, и палимпсест, призванный углубить «возникающие смысловые комплексы» [Там же, 2024, с. 6], мы всё же склоняемся к выводу, что и пелевинские интертекстемы служат, в том числе, для углубления смысла и характеристики персонажей, пространства, идей и мотивного комплекса. Также многочисленные отсылки выступают в качестве направляющих сюжета, вторя ему и давая дополнительную подсказку о том, как будет развиваться история в дальнейшем.

Список литературы

Аюпов Т. Р. Специфика интертекстуальных связей в раннем творчестве В. О. Пелевина (на материале романов «Омон Ра» и «Чапаев и Пустота») // Art Logos. 2021. № 1 (14). С. 63–72.

Безруков А. Н. Поэтика интертекстуальности: Учеб. пособие. Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. академия, 2005. 70 с.

Герейханова К. Ф., Шерчалова Е. В. Межвременной диалог в творчестве В. Пелевина // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2022. № 4 (307). С. 45–51.

Голованова Е. И., Часовский Н. В. Интернет-мем как элемент визуализации в СМИ // Вестник Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2015. Вып. 94, № 5 (360). С. 136–138.

Губайдулина В. Р. Автор и читатель в художественном тексте В. О. Пелевина // Научный лидер. 2021. № 24. С. 61–63.

Кихней Л. Г. К механизму образования интертекстуальных мотивов: мотивный комплекс «волчьей травли» в русской поэзии XX века // Вестник Твер. гос. ун-та. Серия: Филология. 2013. № 1. С. 46–58.

Кихней Л. Г., Темиришина О. Р. «Каменная» парадигма «Грифельной оды» О. Мандельштама: к механизмам смысловой деривации // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2020. № 64. С. 167–195.

Марьюшкина А. П. «Пушкинский код» в романной прозе В. Пелевина // Пушкинские чтения – 2023. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: Материалы XXVIII Междунар. науч. конф. / Под ред. Т. В. Мальцевой. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. С. 67–72.

Мельникова А. Ю. Виртуальное пространство и время в постмодернистском тексте (В. Пелевин «Священная книга оборотня») // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2009. № 3. С. 123–125.

Пелевин В. О. iPhuck 10. М.: Эксмо, 2019. 480 с.

Пелевин В. О. Священная книга оборотня. М.: Эксмо-Пресс, 2011. 384 с.

Пелевин В. О. Непобедимое солнце. М.: Эксмо, 2020а. 704 с.

Пелевин В. О. Тайные виды на гору Фудзи. М.: Эксмо, 2020б. 416 с.

Пелевин В. О. Empire V. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 416 с.

Пелевин В. О. Путешествие в Элевсин. М.: Эксмо, 2023. 480 с.

Сидоренко К. П. Интертекстовые связи Пушкинского слова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. 253 с.

Смирнов А. С. «Пушкинский («Татьянин») текст» в романе В. О. Пелевина «Числа» // Норма и отклонение в литературе, языке и культуре: Коллективная монография. Гродно: ЮрСаПринт, 2021. С. 284–294.

Тюпа В. И. Палимпсестное сюжетосложение и лирика // Сюжетология и сюжетография. 2024. № 2. С. 5–10.

Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. 3-е изд. М.: КомКнига, 2007. 280 с.

References

Ayupov T. R. Spetsifika intertekstual'nykh svyazei v rannem tvorchestve V. O. Pelevina (na materiale romanov "Omon Ra" i "Chapaev i Pustota") [The specifics of intertextual connections in V. O. Pelevin's early work (based on the novels "Omon Ra" and "Chapaev and the Void")]. *Art Logos*, 2021, no. 1 (14), pp. 63–72. (in Russ.)

Bezrukov A. N. Poetika intertekstual'nosti [The poetics of intertextuality]. A textbook. Birk, BSSPA Press, 2005, 70 p. (in Russ.)

Fateeva N. A. Intertekst v mire tekstov: kontrapunkt intertekstual'nosti [Intertext in the world of texts: the counterpoint of intertextuality]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 280 p. (in Russ.)

Gereikhanova K. F., Sherchalova E. V. Mezhvremennoi dialog v tvorchestve V. Pelevina [Intertemporal dialogue in the works of V. Pelevin]. *Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History*, 2022, no. 4 (307), pp. 45–51. (in Russ.)

Golovanova E. I., Chasovsky N. V. Internet-mem kak element vizualizatsii v SMI [Internet meme as a visualization element in the media]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art history*, 2015, iss. 94, no. 5 (360), pp. 136–138. (in Russ.)

Gubaidulina V. R. Avtor i chitatel' v khudozhestvennom tekste V. O. Pelevina [The author and the reader in the literary text of V. O. Pelevin]. *Scientific Leader*, 2021, no. 24, pp. 61–63. (in Russ.)

Kikhnei L. G. K mekhanizmu obrazovaniya intertekstual'nykh motivov: motivnyi kompleks "volch'ei travli" v russkoi poezii XX veka [On the mechanism of intertextual motifs formation: the motif complex of "wolf baiting" in Russian poetry of the 20th century]. *Bulletin of Tver State University. Philology Series*, 2013, no. 1, pp. 46–58. (in Russ.)

Kikhnei L. G., Temirshina O. R. "Kamennaya" paradigma "Grifel'noi ody" O. Mandelstama: k mekhanizamam smyslovoi derivatsii [The "stone" paradigm of O. Mandelstam's "Slate Ode": on the mechanisms of semantic derivation]. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2020, no. 64, pp. 167–195. (in Russ.)

Maryushkina A. P. "Pushkinskii kod" v romannoii proze V. Pelevina ["Pushkin's Code" in V. Pelevin's novelistic prose]. In: Maltseva T. V. (ed.). *Pushkinskie chteniya – 2023. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoi i novoi slovesnosti: zhanr, avtor, tekst [Pushkin readings – 2023. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text]. Materials of the XXVIII International Scientific Conference. St. Petersburg, A. S. Pushkin LSU Press, 2023, pp. 67–72. (in Russ.)*

Melnikova A. Yu. Virtual'noe prostranstvo i vremya v postmodernistskom tekste (V. Pelevin "Svyashchennaya kniga oborotnya") [Virtual space and time in a postmodern text (V. Pelevin "The Sacred Book of the Werewolf")]. *Bulletin of N. A. Nekrasov KSU*, 2009, no. 3, pp. 123–125. (in Russ.)

Pelevin V. O. Nepobedimoe solntse [Invincible sun]. Moscow, Eksmo, 2020, 704 p. (in Russ.)

Pelevin V. O. Puteshestvie v Eleusin [Journey to Eleusis]. Moscow, Eksmo, 2023, 480 p. (in Russ.)

Pelevin V. O. Tainye vidy na goru Fudzi [Secret views of Mount Fuji]. Moscow, Eksmo, 2020, 416 p. (in Russ.)

Pelevin V. O. Svyashchennaya kniga oborotnya [The Sacred Book of the Werewolf]. Moscow, Eksmo-Press, 2011, 384 p. (in Russ.)

Pelevin V. O. Empire V. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2021, 416 p. (in Russ.)

Pelevin V. O. iPhuck 10. Moscow, Eksmo, 2019, 480 p. (in Russ.)

Sidorenko K. P. Intertekstovye svyazi Pushkinskogo slova [Intertextual connections of the Pushkin word]. St. Petersburg, A. I. Herzen RGSPU Press, 1999. 253 p. (in Russ.)

Smirnov A. C. "Pushkinskii ("Tat'yanin") tekst" v romane V. O. Pelevina "Chisla" ["Pushkin's ("Tatiana's") text" in V. O. Pelevin's novel "Numbers"]. In: Norm and deviation in literature, language and culture: A collective monograph. Grodno, YurSa-Print, 2021, pp. 284–294. (in Russ.)

Тулушева Е. С., Семенова Т. А. Пелевинский интертекст

Tyupa V. I. Palimpsestnoe syuzhetoslozhenie i lirika [Palimpsest plot structure and lyrics]. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2024. no. 2, pp. 5–10. (in Russ.)

Информация об авторах

Елена Сергеевна Тулушева, кандидат филологических наук, доцент, докторант
Татьяна Александровна Семенова, старший преподаватель, аспирант

Information about the Authors

Elena S. Tylysheva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Doctoral Student
Tatyana A. Semenova, Senior Lecturer, Graduate Student

*Статья поступила в редакцию 12.08.2024;
одобрена после рецензирования 19.08.2024; принята к публикации 19.08.2024
The article was submitted on 12.08.2024;
approved after reviewing on 19.08.2024; accepted for publication on 19.08.2024*

Сюжеты и судьбы

Научная статья

УДК 83.3(0)6

DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-78-94

Русский модернизм и цензура: заметки к теме Статья вторая *

Александр Львович Соболев

Независимый исследователь
Москва

trirodov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3820-4263>

Аннотация

В статье излагается история малоизвестного модернистского альманаха «Альциона», выпущенного в феврале 1914 г. и немедленно запрещенного цензурой. Приведены архивные документы, позволяющие проследить обстоятельства возникновения самой идеи сборника, подробности его комплектования, вызревания его окончательного состава и собственно опубликования. Благодаря вновь найденным цензурным делам из московских и петербургских архивов удалось выяснить некоторые принципы функционирования ограничительного механизма в области печати. Прослежены некоторые сопутствующие обстоятельства дела, завершившиеся перепечаткой отдельных страниц и выпуском освобожденной книги в свет.

Ключевые слова

Кожебаткин, цензура, Брюсов, Мозалевский, Альциона

Для цитирования

Соболев А. Л. Русский модернизм и цензура: заметки к теме. Статья вторая // Сюжетология и сюжетология. 2024. № 3. С. 78–94. DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-78-94

* Первая статья напечатана: [Соболев, 2024, с. 101–112].

© Соболев А. Л., 2024

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетология. 2024. № 3. С. 78–94

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2024, no. 3, pp. 78–94

Russian Modernism and Censorship: Notes on the Topic Article two

Alexander L. Sobolev

Independent Researcher
Moscow, Russian Federation

trirodov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3820-4263>

Abstract

The article sets out a story of a lesser-known modernist almanac “Alciona”, which was issued in February 1914, and was immediately prohibited by the censorship. New archive documents are given, which let one follow the consequences of the emergence of the idea of the collection, the details of its acquisition, the ripening of its final composition and actually the publishing. Thanks to the newfound censorship files from Moscow and St. Petersburg archives, it has become possible to find out some principles of restrictive mechanisms in the field of printing. Along the way, there were tracked some accompanying events of the case, resulted in the reprinting of several pages and the issuance of the liberated book into the light.

Keywords

Kozhebatkin, censorship, Bryusov, Mozalevsky, Alciona

For citation

Sobolev A. Russian Modernism and Censorship: Notes on the Topic. Article two. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2024, no. 3, pp. 78–94. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-78-94

Биография Александра Мелетьевича Кожебаткина (1884–1942) – наследника пароходной империи, политического преступника (приставленный филер докладывал о его с приятелями ресторанных посиделках: «По прочтении телеграммы об убийстве Министра Внутренних Дел злорадно кричали браво-браво и хлопали в ладоши»¹), утонченного библиофила («Вооружимся терпением Куропаткина / И помянем Кожебаткина!»), – пелось в цеховом гимне Русского общества друзей книги²), изгнанного со скандалом энергичного секретаря легендарного «Мусажета» («Кожебаткин действительно “отчаянный” и действовать с ним надо очень осторожно; пока, за какое дело не возьмешься, он всюду успел нагадить», – предупреждал работодателя его сменщик³), владельца издательства «Альциона», малоудачливого торговца древностями, хитроумного объекта полицейской слежки, проходящего в материалах под оперативной кличкой «Бас» («В 3 ч. 45 м. дня вышел из дома “Бас”, имея при себе портфель, и тут же сел на извозчика <sic>, и у Страстного монастыря был утерян, больше не видели»⁴), ходившего на старости лет в женских чулках («потому что в них теплее» [Гаспаров, 2001, с. 63]), с бутылкой вина и книжными редкостями в портфеле, вряд ли будет написана в обозримом будущем. Между тем среди многочисленных стычек с правоохрани-

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 201. Ед. хр. 2781. Л. 1.

² Сочинение И. К. Линдемана (собрание А. Л. Соболева).

³ Письмо Н. П. Киселева к Э. К. Метнеру от 27 августа / 9 сентября 1913 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 18. Л. 27).

⁴ ГАРФ. Ф. 63. Карт. 44. Ед. хр. 2850. Л. 1 об.

тельными органами в ней был и один яркий цензурный эпизод, связанный с арестом и освобождением альманаха «Альциона» (М., 1914).

Когда у него возникла мысль о сборнике, соименном принадлежащему ему издательству, мы не знаем, но соответствующая традиция к 1910-м гг. была вполне устоявшейся. К этому моменту своими альманахами обзавелись уже по сути все символистские издательства: у «Скорпиона» были «Северные цветы», у «Грифа» – сборники собственного имени и т. д. Более того, сам Кожебаткин в бытность свою секретарем «Мусгета» принимал участие в составлении издательской «Антологии» и заслужил апологетический отзыв от одной из вкладчиц:

Многоуважаемый Александр Мелетьевич!

Очень, очень благодарю Вас за исполненное обещание – присылку великолепной «Антологии». Поистине, это – лучший дар для поэта! Стихи, стихи и только стихи... Но какие! Наши старшие поэты здесь такие подлинники мастера; младшие – такие хорошие ученики. Особенно мне понравились Вяч. Иванов – с его духовными стихами, Кузмин – с одним незабываемым сонетом, «скиты» Бородаевского, «Венеция» Волошина.

Еще раз примите мой привет.

Любовь Столица.

Издание вызывает восторг всех, кто ни возьмет в руки эту прекрасную книгу.

А как отрадны эти сброшюрованные листки собственных строк!⁵

Неудивительно, что после стремительного расставания с «Мусгетом» у Кожебаткина неизбежно должна была возникнуть мысль о собственном альманахе (или даже журнале), тем более что его издательство, основанное еще в 1910 г., все эти годы продолжало функционировать. Следы этих планов несколько раз фиксируются в переписке Кожебаткина начала 1910-х гг. Так, 24 января 1911 г. С. М. Городецкий, отправляя ему два цикла стихотворений, присовокупляет:

Сергей Клычков мне очень понравился. Рецензию посылаю (сегодняшняя «Речь»). Она несколько поверхностна, но искренна. Сообщите мне адрес Клычкова. Будет ли он в Вашем альманахе? И, если можно, сообщите мне, пожалуйста, имена всех участников. Я так торопился, когда был у Вас, что почти потерял способность слушать.

Я увез самое хорошее впечатление из Ваших уютных келий, где Гёте царит очень многозначительно. Знакомство с Вами совпало с необычайным повышением культурных ценностей в моем сознании, и потому оно особенно мне дорого⁶.

5 октября 1912 г. сам Кожебаткин пишет А. Д. Скалдину:

Глубокоуважаемый Алексей Дмитриевич, дело с Альманахом не ладится по-прежнему, и издание его пришлось отложить на неопределенное время. Задерживать ради него выход Вашей книги не стоит, лучше, когда всё будет более налажено, я попрошу у Вас новых стихов. Но раньше этого буду в Петербурге и надеюсь устроить всё лично⁷.

Несмотря на пессимистический тон, два месяца спустя, 3 декабря 1912 г., Кожебаткин поторапливает будущих авторов:

⁵ Письмо Л. Н. Столицы к А. М. Кожебаткину от 22 июня 1911 г. (ИРЛИ. Р III. Оп. 2. Ед. хр. 514–515. Л. 1–2).

⁶ РГБ. Ф. 784. Карт. 23. Ед. хр. 12. Л. 1 – 1 об.

⁷ РГАЛИ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 1.

Дорогой Мишенька! Что же ты со мной делаешь? Уже декабрь, а ни от тебя, ни от Ауслендера, ни от Аничкова нет ни строчки. Как же после этого издавать журнал? Пиши о стихах Бальтрушайтиса <sic>, Городецкого («Ива»), А Marie, поэтов из «Цеха», о чьих хочешь, только ради Бога скорее. Затем я жду непременно (необходимо для 1-го №) статью о Брюсове...⁸

29 декабря 1912 г. А. А. Кондратьев напоминает о сданном уже материале: «В ноябре сего 1912 г. наш общий знакомый, Борис Александрович Садовской, передал Вам статью мою <о> поездке Щербины за границу. Статья эта предназначена мною для проектируемого Вами журнала “Мнемозина”»⁹. 4 апреля – вероятно, 1913 г., – В. В. Бородаевский пишет Кожебаткину: «Согласно Вашему предложению посылаю Вам два стихотворения для альманаха Альционы. Не зная рамок и общего духа сборника, не уверен, подойдут ли стихи к целому книги. О журнале Вашем ничего не знаю. Вышел ли первый номер?»¹⁰.

Среди немногочисленных утрат архива В. Я. Брюсова весьма болезненна пропаша писем Кожебаткина – среди прочего потому, что в какой-то момент предстоящий альманах выглядел как их совместное детище. Памятником этому этапу остался записанный рукою Брюсова проект под заглавием «Альманах Альциона»:

- 6. Брюсов. Рассказ.
- 20. Кузмин. Принц Мыза <sic>. Комедия¹¹
- 16. Белый. Беллетристика
- 48. С. Соловьев. Повесть. Хлоя. Из др. жизни
- 8. Б. Садовской. Камеристка. Водевиль
- 6. Брюсов
- 8. Блок. Поэма
- 4. Вяч. Ив. Стихи
- 8. Кузмин. Маяк любви
- 2. Верховский. Стихи.
- 20.
- Клычков
- Рубанович
- Рем-Баран¹².
- Столица
- Цветаева?
- Эллис
- Стихи

Вл. Соловьев
Автопортр. Пушкина
Баратынский
Письма Фета
Неелова
Эпигр. Соболевск.

⁸ Письмо к М. А. Кузмину (РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 2).

⁹ ИРЛИ. Р III. Оп. 2. Ед. хр. 509. Л. 1.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 506. Л. 1.

¹¹ Это единственный (!) текст, который в результате попадет в альманах, да и то назван он здесь с ошибкой, надо «Принц с мызы».

¹² Алексей Алексеевич Баранов (1891–1920), более известный под псевдонимом Дмитрий Рем.

Литература
Живопись – Топорков
Музыка – Метнер»¹³

Совершенно очевидно, что этот состав представляет собой своего рода компромисс между литературными знакомствами Кожебаткина и Брюсова, а также представлениями их обоих об идеальном альманахе. Можно предположить, в частности, что вся историко-литературная часть была составлена Брюсовым и что он же собирался пригласить Иванова и Блока. По неизвестным нам причинам получившийся альманах решительно не похож на этот проект. Подготовка его (тем временем о «Мнемозине», кажется, было вовсе забыто) растянулась на весь 1913 г.

5 сентября 1913 г. свой вклад направляет Б. А. Садовской: «Посылаю статейку для “Альманаха”. Корректуру пришли»¹⁴. В результате альманах был отпечатан в десятых числах февраля 1914 г.¹⁵ (редкий, почти небывалый случай, но в «Книжную летопись Главного управления по делам печати» он не помещен). Состав его слабо коррелировал с восстанавливаемым по приведенной переписке (не говоря уже о брюсовском проекте) перечнем вкладчиков: так, ни Кондратьев, ни Бородаевский туда не попали. В него вошли прозаические тексты Брюсова, Кузмина, В. Мозалевского, Садовского и Топоркова, поэма Л. Столицы, а также статьи Ходасевича, М. Шагинян, Г. Якулова и того же Топоркова, но укрывшегося за псевдонимом Югурта.

18 февраля 1914 г. со свежееотпечатанным альманахом ознакомился член Московского комитета по делам печати Александр Иванович Вознесенский (1867 – не ранее 1933)¹⁶:

В Московский Комитет по делам печати.

В книге под заглавием «Альциона. Книга первая. Москва. 1914. Типограф. Русского товарищества», состоящей из нескольких отдельных рассказов и статей, останавливает на себе внимание рассказ Валерия Брюсова под заглавием «После детского бала» (стр. 7–13). В этом рассказе говорится о том, как двенадцатилетний Петя после детского бала «в боковой аллее, среди темных кустов и деревьев» назначил свидание такой же маленькой девочке Нине, причем между ними произошел довольно нескромный разговор на половую тему (10–11 стр.), а само свидание закончилось тем, что Петя сначала поцеловал Ниночку в шею, затем стал целовать ей грудь, а потом «сполз ниже, прижался губами к ее колену» «целовал ноги Ниночки», и «ему хотелось вонзить в них зубы, кусать ее»... (стр. 11). – Как раз в это время наталкивается на Петю и Нину «стоявшая во главе всего маленького дачного общества» княгиня. Между ней и Петей происходит объяснение, которое заканчивается тем, что «княгиня приподняла платье», а Петя «стал на колени, прижался губами к ее телу»... «Запах более жгучий, чем раньше, более пленительный вошел

¹³ РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 20. Л. 1. Числа слева, вероятно, означают объем текста. Остаток листа занят финансовыми вычислениями, явно сводящимися к высчитыванию расходов на издание и доходов, которые оно может принести.

¹⁴ РГБ. Ф. 784. Карт. 23. Ед. хр. 16. Л. 1.

¹⁵ Так, например, сам издатель привез экземпляр Е. О. Кириенко-Волошиной в ночь с 15 на 16 февраля, см.: [Волошин, 2011, с. 207]

¹⁶ См. о нем: [Цензоры, 2013. С. 127].

в его ноздри»... «Теснее и судорожнее Петя прижался губами к телу. Над собой он слышал тихий и нежный голос княгини» (стр. 13).

Что касается прочего содержания рассматриваемой книги, то в нем могут быть отмечены следующие отдельные места: на стр. 47, 111, 112, 113 = (cont. 73 ст. Угол. Улож.); 53, 54, 58, 59, 60 = (cont. 1034-5 Улож. о наказ.); 96, 98, 142, 144 = (cont. 1001 ст. Улож. о наказ.).

В первом рассказе В. Брюсова я усматриваю несомненные признаки преступления по 1001 ст. Улож<ения> о наказ<аниях> и потому полагаю, что он не может быть допущен к обращению, остальные же, отмеченные выше, места я отношу к разряду сомнительных, о чем и представляю в Комитет на его решение. 17 февраля 1914 г.

Член Комитета А. Вознесенский¹⁷.

Здесь требуется некоторый комментарий. Благодаря тому, что по приказу цензуры крамольные места были исключены (о чем см. далее), мы можем, сверив бесцензурный и выправленный экземпляры, увидеть, в чем состояли претензии и как их удалось преодолеть. Итак, первая серия замечаний касалась 73-й статьи Уголовного уложения – о богохульстве.

Страница	Было	Стало
В. Мозалевский. Исчезнувшая мечта		
47	О крыше павильона не заботятся, и когда Илия раскидывает но небу свой седой парик и хнычет, сквозь крышу падают его старческие слезы и пачкают, и без того грязный, переплет альбома.	О крыше павильона не заботятся, и когда идет дождь, сквозь крышу падают грязные слезы и пачкают, и без того грязный, переплет альбома.
	Но ни разряженные селадоны, мчавшиеся мимо на лихачах, с мотивом из оперетты «Граф Эйленбург» на сизых устах, ни солдаты, проходящие здесь, обалдевшие солдаты в глупых костюмах, вид которых тревожил тени Наполеона, Валленштейна и ландскнехтов, ни пьяные бабы, везущие в город овощи из огородов, ни возвращающиеся с фабрик банды рабочих в кожаных куртках и засаленных кэпи, никто, ничто не волновало и не тревожило владельца дворца и этого великолепного парка.	Но ни разряженные селадоны, мчавшиеся мимо на лихачах, с мотивом из оперетты «Граф Эйленбург» на сизых устах, ни солдаты, проходящие здесь, вид которых тревожил тени Наполеона, Валленштейна и ландскнехтов, ни пьяные бабы, везущие в город овощи из огородов, ни возвращающиеся с фабрик банды рабочих в кожаных куртках и засаленных кэпи, никто, ничто не волновало и не тревожило владельца дворца и этого великолепного парка.

¹⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 1907. Л. 1–2.

Страница	Было	Стало
111	<p>Да исправится молитва моя, Яко кадило пред тобою... Воздеяние <sic> руку моею Жертва...</p> <p>Утренняя жертва безумца!</p>	[Удалено]
112	<p>О, Боже, как радостен свет утра, как радостен свет свечей пред твоим Чертогом. «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, но одежды не имам». Нет! Нет! Но он из чудных золотых паути- нок соткет платье для Даши</p>	[Удалено]
	<p>Он поведет ее в Чистилище Сча- стливое, он вырвет ее отсюда...</p>	[Удалено]
113	<p>Вся пошлость, вся мерзость жиз- ни, ужасы войны и смертной казни, придавили его мозг тяже- лой гирей. Глаза застлал туман. Золотой светящейся ниткой про- мелькнула мысль: «Даша»... Константин, не отдавая отчета ни в чем и уже не видя своих при- зраков гостей, целился в мундир офицера, не взглянув в лицо его. В этом мундире он видел причи- ну всей гадости и скуки. – Опять ты здесь, дьявол? Будь же про- клят, растерзан – и он выстрелил раз, другой...</p>	[Удалено]
	<p>Офицеры чувствовали себя весь- ма сконфуженными. На дорожке лежали убитый граф Волковис- ский и рыдающая дама подле него. Никаких «военных», ника- ких иных дам не было вовсе. И, увидя все случившееся, раз- метал волосы свои по небу Илия, и старческие горькие слезы оро- сили землю.</p>	[Удалено]

Следующая группа претензий касалась нарушения крайне экзотической статьи Уложения о наказаниях – 1034/5, где описываются преступления, связанные с оскорблением в печати войска или воинской части:

Страница	Было	Стало
В. Мозалевский. Исчезнувшая мечта		
53	Он, бледный и гневный, раскрыл окно и увидел солдат с лицами голодных собак и офицера с поглупевшей смешной физиономией.	Он, бледный и гневный, раскрыл окно и увидел солдат и офицера.
54	– Мы умирняем, – ответил офицер. – Да позвольте узнать, кто вы такой, прежде чем говорить с вами... А в случае чего, обыщем ваш дом... Может, и у вас есть бомбы и... всякая сволочь.	– Прошу Вас не вмешиваться не в свои дела, – ответил офицер.
58	Te Deum landamus!..	Благодарю, благодарю!
	Целую Ризы Твои...	[Удалено]
	Но Константин, дрожа при мысли, что эти лапища нечистые касаться тела его будут, объяснял поручикам и прочим, что он де граф и родственник *, *ского губернатора, каковым он и был в действительности.	Но Константин объяснял, что он де граф и родственник *, *ского губернатора, каковым он и был в действительности.
59	Офицер покраснел и с выражением таким, словно сделал он непоправимую, непростительную глупость, произнес:	Офицер покраснел и произнес:
60	Солдаты, идиоты, не разобрали.	Солдаты не разобрали.
	По улицам разъезжали люди с метлой и головой собачьей в душах, гудели каретки «Красного Креста» и полицейские автомобили.	По улицам разъезжали казаки, гудели каретки «Красного Креста» и полицейские автомобили.

Последняя серия претензий, напротив, была связана с нарушением привычной для модернистских изданий статьи 1001 Уложения о наказаниях, связанной с распространением сочинений, «имеющих целью развращение нравов».

Страница	Было	Стало
В. Мозалевский. Исчезнувшая мечта		
96	Приезжали гусарики Машу щекотали, Железною сабелькою Юбку поднимали.	Приезжали гусарики...
98	То же	То же

Страница	Было	Стало
Л. Столица. Нежная княжна		
142	<p>К ведьме вновь княжна явилась И жалейкою хвалилась, Обещая подарить, Если час один побыть Разрешит с ней мужу в бане, Ту жалейку ей, Моране. И Морана ей в ответ «Да» – промолвила, не «нет». А сама потом к супругу, Чтоб не вспомнил он подругу, С поцелуем в губы льнет: Стали губы – алый лед. Вот дружки – в горячей бане. Кипяток в сребренном чане,</p>	[Удалено]
143	<p>Вырезной полук горой, Веник свежий и сырой... Озаряет вечер алый Сквозь пушистое мочало Стан девичий – побелей, Молодецкий – посмуглей. То княжна стоит пред милым И духмяным моет мылом, И из шайки золотой Обдаст его водой. Но Снегур, ее не чуя, Лишь становится под струи. И смутилася княжна, Обняла его она И сказала: – Милый друже! Али сделалась я хуже? Грудь по-прежнему полна Без сорочки изо льна. Тронь, еще уж стала туже! И любовь храню я ту же. – Понапрасну час идет – Друг ее не признает. К ведьме вновь княжна входила И лампадою дивила, Побожась расстаться с ней, Коль одну из всех ночей С мужем та поспать дозволит, А потом, пускай, заколет. И Морана, лстясь на свет, «Да» – ей молвила в ответ.</p>	[Удалено]

Страница	Было	Стало
144	<p>А сама потом к супругу, Чтоб не вспомнил он подругу, С поцелуем в перси льнет: Стали перси – белый лед. Вот дружки – в опочивальне. У стены тесовой дальней Кипарисная кровать, Вверх лебяжьих думок пять... Озаряет месяц белый Сквозь завес поголубелый Темный снятый сарафан, Светлый скинутый кафтан. То княжна поправляла Парчевые одеяла, Взбила пышный пуховик – И Снегур там с ней поник, Но лежит, не обнимая, Сном своим подругу мая. И заплакала княжна. Прилегла к нему она И сказала: – Милый! милый! Пробудись, проснись, помилуй! Я дала последний дар. Не сниму с тебя я чар И твоей не стану милой – Утром ждет меня могила. –</p>	[Удалено]

Рассказ же Брюсова «После детского бала», апеллируя той же статье 1001, рекомендовали удалить целиком. Всё это слегка выбивалось из практики: если не считать брюсовского рассказа, который, действительно, был чересчур пряным даже по меркам либеральнейшего в цензурном отношении 1914 года, остальные претензии были значительно более суровыми, чем принято в столицах, – сказала, вероятно, личность цензора. Впрочем, он был не слишком настойчив, вынеся их на рассмотрение коллег. Коллеги полностью его поддержали, и уже на следующий день последовало несколько отчетов и распоряжений:

М. В. Д.
Московский Комитет по делам печати
Февраля 19 дня 1914 года.
№ 802.

Отпуск.
Господину Прокурору Московского Окружного Суда.

13 сего февраля поступила в Московский Комитет по делам печати из типографии Русского Товарищества (Москва, Чистые пруды, Мыльников пер., соб. дом) отпечатанная в количестве 2000 экземпляров книга под заглавием «Альциона. Кни-

га первая. Валерий Брюсов. После детского бала. М. Кузмин. Принц с мызы. Виктор Мозалевский. Исчезнувшая мечта. Борис Садовский. Игорев сокольник. Любовь Столица. Нежная княжна. Владислав Ходасевич. Русская поэзия. Мариэтта Шагинян. Письма о музыке. Георгий Якулов. Дневник художника. Москва. 1914 г. 239 стр. Цена 2 руб.»

В заседание 18 того же февраля Член Комитета Статский Советник Вознесенский представил об этой книге письменный доклад, в копии при сем прилагаемый.

Выслушав и обсудив этот доклад, Комитет нашел, что в указанных докладчиком местах, а именно в рассказе Валерия Брюсова «После детского бала» (стр. 7–13), а также в отдельных выражениях на страницах 47, 111, 112, 113, 53, 54, 58, 59, 60, 96, 98, 142, 143 и 144 заключаются признаки преступлений, предусматриваемых ст. 73 Угол. Улож. и ст. ст. 1001 и 1034-5 Улож. о наказ.

Наложив ввиду сего на означенную книгу арест, Московский Комитет по делам печати имеет честь просить Ваше Превосходительство об утверждении этого ареста и о привлечении виновных по сему делу лиц к судебной ответственности по указанным выше статьям уголовного закона.

Об аресте инкриминируемой книги, а также о доставлении Вашему Превосходительству сведений об ответственных по настоящему делу лицах сообщено Старшему Инспектору книгопечатания и книжной торговли в гор. Москве отношением Комитета от 18 сего февраля за № 783.

Экземпляр книги при сем прилагается¹⁸.

Тогда же, 19 февраля, в соответствии с обычным ходом событий копия этого письма была отправлена в Петербург, в главное управление. Но – здесь начинаются отличия – в этот же день московский градоначальник генерал-майор Александр Александрович Адрианов (1861–1918) рассылает по приставам *телеграмму* с распоряжением:

Телеграмма Московского Полицейского Телеграфа

Всем Приставам и Московскому комитету по делам печати.

Предлагаю немедленно конфисковать в книжных магазинах и везде, где будут обнаружены, и доставить в мою канцелярию арестованную по постановлению Московского Комитета по дел. печати книгу Альманахи изд-ва Альциона Книга 1-я М-ва 1914 г. Тип. Русского Т-ва¹⁹.

Для дел такого рода ситуация довольно беспрецедентная: ни одна из известных нам модернистских книг (кроме, может быть, «Аллилуйи» В. Нарбута) не подвергалась настолько быстро тотальному аресту: скорее это характерно для политических книжных конфискаций XIX в. Но и этим дело не ограничивается – в тот же день старший инспектор книгопечатания и книжной торговли в Москве (зачастую эта институция в цензурную переписку вообще не включалась) рапортует своему коллеге в Петербурге:

Московским Комитетом по делам печати наложен арест 18 февраля сего года на книгу «Альманах». Издательства «Альциона». Книга 1-ая. Москва 1914 г. Типография «Русского Т-ва»; по имеющимся сведениям 300 экземпляров означенного издания посланы в г. Петербург в книжный склад «Освобождение» и 300 экземпляров

¹⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 1907. Л. 3 – 3 об.

¹⁹ Там же. Л. 5.

в книжный магазин Карбасникова в Гостином Дворе, о чем и сообщаю Вашему Превосходительству для соответствующих распоряжений.

О последующем прошу меня уведомить.
Старший Инспектор Познанский²⁰.

История развивается с головокружительной быстротой – это значит, что в Москве уже не только изъяли готовый тираж, но и допросили причастных к изданию лиц, которые сообщили, что треть экземпляров уехала в Петербург. В следующие дни по указанным адресам выехали петербургские правоохранители, но рапорты их были неутешительны:

22 февраля 1914 г. я – Инспектор типографий 4 уч^астка^а прибыл в книжный склад «Освобождение» (Невский 90), для наложения ареста на книгу «Альманах. Издат. Альциона. Кн. 1-ая. Москва 1914 г.», причем в складе ни одного экземпляра этой книги не оказалось. Владелец склада заявил мне, что эта книга в складе получена была из книжного магазина (склада) в Москве «Звено», принадлежащего Пителью²¹, в количестве 50 экземпляров, которые и распроданы.

Инспектор типогр. И. Тихонович²².

1914 г. февраля 24 дня, я, инспектор типографий 1-го уч. г. СПб., прибыв в книжный магазин Т-ва «Н. П. Карбасников», Гостиный двор, 19, где, согласно сообщению Старшего Инспектора типографий в Москве от 19 февраля за № 185, конфисковал семь экземпляров книги «Альманах. Изд. Альциона. Кн. 1-я. Москва. 1914 г.», опечатав их своею должностной печатью и взяв таковые для представления Г. Старшему Инспектору типографий г. СПб. Как объяснил (управляющий) сын Н. П. Карбасникова Николай Николаевич Карбасников, две недели тому назад или числа 12 сего февраля, здешним магазином Карбасникова из Московского его магазина было получено 100 экз. вышеуказанной книги. По настоящее число разным лицам продано 93 экземпляра.

Инспектор типографий²³

Выглядят эти объяснения, признаться, не слишком убедительно: даже если предположить, что из шестисот выехавших в Петербург экземпляров где-то по пути пропали 450, поверить в ажиотажный спрос на никому не известный московский альманах трудновато. Но, так или иначе, петербургское ответвление сюжета на этом почти закончено – только 5 марта 1914 г. столичные инспекторы подтвердят, что все экземпляры, кроме семи, от них ускользнули. Фокус истории вновь перемещается в Москву, где Комитет по делам печати просит канцелярию московского градоначальника прислать им четыре экземпляра злосчастной «Альционы» из числа конфискованных. На неделю дело затихает, и 7 марта старший инспектор книгопечатания и книжной торговли обращается в Комитет по делам печати:

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 706. Оп. 1. Ед. хр. 683. Л. 1. Помета «В<есьма> срочно». Это Василий Васильевич Познанский (1870 – ?), выпускник Николаевской инженерной академии, член Московского присутствия по делам об Обществах и Союзах. Любопытно, что его полный тезка того же года рождения (!) был петербургским (а позже ленинградским) театральным деятелем. Вероятно, это просто совпадение.

²¹ Залман Айзикович Питель.

²² ЦГИА СПб. Ф. 706. Оп. 1. Ед. хр. 683. Л. 2. Отчет писал Иван Николаевич Тихонович.

²³ Там же. Л. 3. Подпись инспектора разобрать не можем.

Редактор издательства Альциона А. М. Кожебаткин обратился ко мне, прося освободить арестованное издание Альманахи Альциона при условии замены рассказа Валерия Брюсова «После детского бала» пятью стихотворениями того же автора; а также исключить инкриминируемые места в рассказе Виктора Мозалевского и в сказке Любовь Столица, с указанными изменениями Альманах вновь будет представлен в Комитет в законном числе экземпляров.

Прошу Комитет уведомить меня, не встречается ли препятствий с его стороны для исполнения означенной просьбы г. Кожебаткина²⁴.

Опять-таки это весьма нетипично: как правило, автор или его поверенный входили в объяснения (что логично) непосредственно с Комитетом или судом, куда передавалось дело. Остается только предположить, что Кожебаткин, наследственный негодяй с множеством знакомых из разных сфер, был представлен инспектору приватным образом. Тем временем другой инспектор, на этот раз младший, Владимир Францевич Эренбург, рапортует об успехах конфискации: в типографии удалось захватить 1 175 экз. и еще непосредственно у Кожебаткина – 21²⁵. Таким образом, оказалось, что почти 800 экз. из напечатанных двух тысяч от полицейских успели ускользнуть²⁶. Может быть, осознание этого факта толкает Комитет к примирению: он полностью соглашается на переданное через старшего инспектора предложение издателя вырвать листы с рассказом «После детского бала», перепечатать крамольные страницы и выпустить книгу в продажу. Это соглашение датировано 8 марта 1914 г., но по каким-то причинам Комитет не может, сообщив о мировой, отозвать собственное распоряжение об аресте, и дело продолжается. 27 марта 1914 г. прокурор московского окружного суда сообщает, что арест утвержден. После этого процесс замирает на два года, и только в марте 1916 г. инспектор книгопечатания и книжной торговли переспрашивает у Комитета, можно ли после изъятия рассказа Брюсова книгу вернуть издателю и пустить в продажу. На следующий день Комитет сообщает, что никаких препятствий этому не имеется²⁷.

Таким образом, альманах оказался полностью выведен из-под удара и, несмотря на явные убытки издателя из-за перепечаток и двухлетней запинки, всё-таки оказался в продаже (на авантитуле – не титульном листе! – его значилось «2-е издание», но фактически перепечатаны были только несколько страниц). Единственным по-настоящему пострадавшим из-за этой истории оказался Брюсов.

²⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 1907. Л. 8 – 8 об.

²⁵ Там же. Л. 9.

²⁶ Как минимум один авторский экземпляр был у Брюсова, ср. в дневниковой записи И. Н. Розанова, посетившего его 21 февраля: «Увидав на столе “Альциону” (альманах), я спросил о причинах запрещения. “За мой рассказ”, – сказал он. Он выразил сожаление, что у него нет другого экземпляра и не может дать мне эту книгу...» [Дневниковая запись..., 2017, с. 469]. Занятно, что в московских магазинах еще некоторое время продавались нетронутые экземпляры, ср. в письме А. В. Звенигородского к Е. А. Архипову от 11 марта 1914 г.: «Альманах “Альциона” купил по совету Садовского, но в нем не нашел ничего хорошего. Только Брюсов порадовал. Его рассказ вырезал, а все остальное выбросил, как раздражающий своей ненужностью хлам, сор, жалел, что послушался совета Садовского и радовался, когда сборник был выкинут. Рассказ Садовского отвратителен по скуке, едва дочитываем» (цит. по: [Архиппов, 2016, с. 627]). Конечно, экземпляр мог быть куплен и в первые дни после выхода, еще до конфискации.

²⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 1907. Л. 15.

Мы не знаем подробностей переговоров между ним и Кожебаткиным: вся их переписка по этому поводу пропала, за исключением одного черновика (см. далее). Но, поскольку крамольный рассказ открывал книгу, а дорогая цветная обложка с перечнем авторов была уже изготовлена, от Брюсова потребовалось нечто заменить злополучное «После детского бала». Он отдал для публикации четыре не бывших в печати стихотворения, о чем сам писал своей знакомой: «К еще большему сожалению, я не смог исполнить своего обещания и написать, поминая Вас, П. Е. Щеголеву. Я думал послать ему стихи, так как у меня было 5 “свободных” стихотворений. Но цензура арестовала альманах “Альциона” и повелела вырезать из него мой рассказ “После детского бала”; мне пришлось отдать все 5 стихотворений “Альционе” для заполнения места и пока “Дню” послать нечего»²⁸. Но на этом злоключения не кончились: почти через год после наложения ареста дело против Брюсова было выделено в отдельное производство.

19 января 1915 г. Брюсов писал А. М. Кожебаткину: «Сегодня я был вызван к судебному следователю и мне было предъявлено обвинение по 1001 ст. за мой рассказ “После детского бала”, напечатанный в Вашем альманахе. Позволю себе напомнить Вам, что» – на этом рукопись обрывается²⁹. К великому сожалению, архивное дело, содержащее в себе все материалы, касающиеся этого сюжета, пропало из архива тридцать лет назад (скорее всего, мы имеем дело с банальной «застановкой», как говорят в библиотеках, но от этого не легче), так что судить (каламбур невольный) о ходе процесса мы можем только по отражению его в путных документах³⁰. 3 марта 1915 г. знакомый Брюсова Николай Васильевич Давыдов (бывший председатель Московского окружного суда) писал ему:

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

Хотя Судебный Следователь, производивший следствие о напечатанном в альманахе рассказе Вашем говорил, что дело будет прекращено, Прокуратура не согла-

²⁸ Письмо к Е. П. Шапот (Полянской) от 17 марта 1914 г. (РГБ. Ф. 386. Карт. 73. Ед. хр. 11. Л. 7); называя число стихотворений, Брюсов ошибается. Об этом же он писал П. Е. Щеголеву 9 апреля 1914 г., извиняясь за неприсылку материалов для газеты «День»: «У меня было 4 свободных стихотворения (о которых я Вам говорил), но я должен был отдать их “Альционе” для замены в ее альманахе моего рассказа, вырезанного цензурой» [Переписка..., 1994, с. 245].

²⁹ РГБ. Ф. 386. Карт. 71. Ед. хр. 28. Л. 1.

³⁰ Сохранился лишь чрезвычайно неразборчивый набросок, представляющий собой, очевидно, предварительный конспект защитительной речи Брюсова: «Расск<аз> написан мною нес<колько> лет тому назад» etc (РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 21. Л. 1). В действительности он, судя по белой рукописи, был сочинен в 1910 г. В этом варианте он снабжен эпиграфом («Был тихий вечер, вечер бала / Был летний бал меж темных лип. – Викт. Гофман»). Сам текст носит следы условного смягчения особенно резких мест: так, в первоначальной рукописи юный герой спрашивал героиню: «Скажи, Ниночка, – шепнул Петя, – ты мечтаешь иногда о том, что тебя ласкает мужчина, как муж жену?» – это место вычеркнуто и поверх вписано: «что ты замужем и что муж тебя обнимает и ласкает?». Княгиню в рукописи зовут «Марья Николаевна», потом ее имя удалено. Последняя фраза, там, где в печатном тексте обрывается «тихий и нежный голос княгини» далее было: «– Выше! Выше! Выше!» (РГБ. Ф. 386. Карт. 33. Ед. хр. 20). Вероятно, к 1914 г. рассказ уже безуспешно готовился к публикации: сохранилась его машинопись с разметкой наборщика, согласно которой он должен был занять полосы 79–82 неизвестного издания (РГБ. Ф. 386. Карт. 126. Ед. хр. 4).

силась с ним, и ею уже составлен обвинительный акт. Обвиняют Вас в проступке пред<усмотренном>: 1001 ст. Уложения о наказ.

Дело будет слушаться в Окружном суде без участия присяжных (в Москве), когда, я еще не знаю, но Вас уведомя. Статья 1001-ая грозит штрафом (не свыше 500 р.) или арестом (от 7 дней до 3 месяцев). Но на самом деле: я совершенно *уверен* в том, что Вы не подвергаетесь даже риску оштрафования. Дело все-таки кончится ничем, т. е. оправданием. Дайте мне знать, есть у Вас поверенный, которому Вы могли бы поручить защиту Ваших интересов на Суде, – если нет, то я мог бы Вам указать таковых. Личная явка для Вас *не обязательна*. Суд может происходить в Вашем отсутствии, при наличности одного Вашего защитника³¹.

На роль поверенного Брюсов выбрал Абрама Борисовича Вайнштейна, адвоката и коллекционера, хорошо знакомого ему по «Обществу свободной эстетики». 19 марта 1915 г. Брюсов писал жене:

Теперь о делах. Я получил письмо от Н. В. Давыдова, из коего (письма) следует, что все же по 1.001 статье меня судить будут и что мне *можно* не являться лично, а просить своего поверенного. (Между тем он же сам, Н. В., сбил меня с толку, уверив, что я обязан буду явиться лично и что давать доверенность излишне!). Итак, мне надо выдать доверенность (я думаю, все же Вайнштейну) и сделать это как можно скорее. Поэтому я очень-очень прошу Тебя: посети *немедленно* Вайнштейна (ничего, что праздники!) и возьми у него печатный бланк доверенности; текст я впишу сам, но хорошо, если бы он дал его черновую (на отдельной бумажке); означать надо только то, что я поручаю ему всецело ведение дела по обвинению меня по 1.001 статье (а не 1002, как он почему-то написал в своем проекте доверенности). Этот бланк (или два экз<емпляра>, лучше, на всякий случай) пришли, *немедленно*, мне³².

К огорчению, нам не удалось разыскать газетных отчетов о судебном процессе, между тем таковые, несомненно, существовали: так, 10 января 1916 г. А. А. Кондратьев писал Брюсову: «С грустным сочувствием прочел о выступлении Вашем в суде и неудаче, постигшей Вас при защите рассказа “После бала”» [Богомолов, Соболев, 2019, с. 203]. Окончательный приговор был вынесен весной 1916 г. – тогда же, когда альманах с перепечатанными страницами был полностью освобожден. В газетной хронике писалось: «Приговором московского <...> окружного суда постановлено изъять и уничтожить из первой книги альманахов издательства “Альцион” <sic>, изд. 1914 г., рассказ Валерия Брюсова под заглавием «После детского бала»»³³. На этом сведения об истории «Альционы» иссякают. В современной антикварной практике экземпляры альманаха с перепечатанными страницами чрезвычайно редки; с перепечатанными встречаются регулярно.

³¹ РГБ. Ф. 386. Карт. 84. Ед. хр. 31. Л. 8–9. С иным прочтением нескольких слов частично напечатано: [Брюсов, 2015, с. 174]. Давыдов уже использовал свои знакомства, чтобы вмешаться в дело о запрете номера журнала «Русская мысль» в декабре 1910 г.

³² Там же. С. 171.

³³ Утро России. 1916. № 80. 20 марта. С. 5; см. также: Русские ведомости. 1916. № 66. 20 марта. С. 6.

Список литературы

- Архиппов Е. Я. Рассыпанный стеклярус. Т. 1 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Т. Ф. Нешумовой. М.: Водолей, 2016. 656 с.
- Богомолов Н. А., Соболев А. Л. Письма А. А. Кондратьева к В. Я. Брюсову (Оконч.) // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 146–231.
- Брюсов В. Письма неофициального корреспондента: Письма к жене (август 1914 – май 1915) / Общ. ред., сост., подгот. текста, предисл. и коммент. М. В. Орловой. М.: Водолей, 2015. 230 с.
- Волошин М. Собр. соч. / Сост. А. В. Лаврова; подгот. текста и коммент. К. М. Азадовского, В. П. Купченко, А. В. Лаврова, Г. В. Петровой. М.: Эллис Лак, 2011. 830 с.
- Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М.: НЛО, 2001. 415 с.
- Дневниковая запись И. Н. Розанова / Вступ. заметка, публ. и примеч. Н. А. Богомолова // Брюсовские чтения 2016 года. Ереван: Лингва, 2017. С. 462–476.
- Переписка <В. Я. Брюсова> с П. Е. Щеголевым (1903–1917) / Вступ. ст. Е. Ю. Литвин и С. А. Фомичева; публ. и коммент. Л. К. Кувановой и Е. Ю. Литвин // Литературное наследство. М.: Наука, 1994. Т. 98, кн. 2. С. 223–250.
- Соболев А. Л. Русский модернизм и цензура. Заметки к теме // Филологические науки. 2024. № 2. С. 101–112.
- Цензоры Российской Империи. Конец XVIII – начало XX века. Биобиблиографический справочник. СПб.: РНБ, 2013. 480 с.

References

- Arkhipпов E. Ya. Rassypannyi steklyarus [Scattered glass beads], vol. 1. Comp., prep., intr. and notes by T. F. Neshumova. Moscow, Vodolei, 2016, 656 p. (in Russ.)
- Bogomolov N. A., Sobolev A. L. Pis'ma A. A. Kondrateva k V. Ya. Bryusovu (Okonch.). *Literaturnyi fakt* [Literary Fact], 2019, no. 1 (11), pp. 146–231. (in Russ.)
- Bryusov V. Pis'ma neofitsial'nogo korrespondenta: Pis'ma k zhene (avgust 1914 – mai 1915) [Letters from an unofficial correspondent: Letters to his wife (August 1914 – May 1915)]. Ed., comp., prep., intr. and comment. by M. V. Orlova. Moscow, Vodolei, 2015, 230 p. (in Russ.)
- Tsenzory Rossiiskoi Imperii. Konets XVIII – nachalo XX veka. Biobibliograficheskii spravochnik [Censors of the Russian Empire. The end of the 18th – the beginning of the 20th century. Biobibliographic Reference Book]. St. Petersburg, Russian Nacional Bibliotheca, 2013, 480 p. (in Russ.)
- Dnevnikovaya zapis' I. N. Rozanova [Diary entry by I. N. Rozanov]. Intr., publ. and notes by N. A. Bogomolov. In: Bryusovskie chteniya 2016 goda [Bryusov Readings 2016]. Yerevan, Lingva Publ., 2017, pp. 462–476. (in Russ.)
- Gasparov M. L. Zapisi i vypiski [Notes and extracts]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001, 415 p. (in Russ.)
- Perepiska <V. Ya. Bryusova> s P. E. Shchegolevym (1903–1917) [Correspondence <V. Ya. Bryusov> with P. E. Shchegolev (1903–1917)]. Intr. art. by E. Yu. Litvin and S. A. Fomichev; publ. and commentary by L. K. Kuvanova and E. Y. Litvin. In: Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]. Moscow, Nauka, 1994, vol. 98, book 2, pp. 223–250. (in Russ.)

Сюжеты и судьбы

Sobolev A. L. Russkiy modernizm i tsenzura. Zametki k teme. *Filologicheskie nauki* [*Philological Sciences*], 2024, no. 2, pp. 101–112. (in Russ.)

Voloshin M. Collected Works. Comp. by A. V. Lavrova; prep. and comment. by K. M. Azadovsky, V. P. Kupchenko, A. V. Lavrova, G. V. Petrova. Moscow, Ellis Lak, 2011, vol. 10, 830 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Александр Львович Соболев, библиограф, историк литературы

Information about the Author

Alexander L. Sobolev, Bibliographer, Literary Historian

*Статья поступила в редакцию 12.06.2024;
одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 15.07.2024
The article was submitted on 12.06.2024;
approved after reviewing on 15.07.2024; accepted for publication on 15.07.2024*

Сюжетология и сюжетография

Научный журнал

2024. № 3

Учредитель
Институт филологии СО РАН

Адрес учредителя, издателя и редакции
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090

